Г. ЗИНОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

зГЕНИЙ БЕЛУХА

И. В. Бабушкин

Г. В. Плеханов
(в молодости)

В. И. Ленин

И. Дубровинский
(Иннокентий)

Я. Свердлов

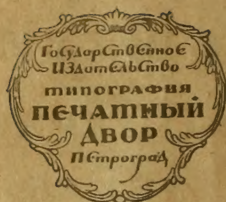
Г. ЗИНОВЬЕВ

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПОПУЛЯРНЫЙ ОЧЕРК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД
1923

Гиз. № 4324

Отп. 50.000 экз.

Посвящается

Комсомолу

ОТ АВТОРА.

Российская Коммунистическая Партия—не просто одна из партий. История пожелала, чтобы Р. К. П. стала могучим орудием человеческого прогресса и важнейшим инструментом мировой революции. Ее значение велико и беспримерно не только в истории России, но и всего мира. И недаром ход развития Р. К. П. изучают ныне лучшие умы международного рабочего движения. Тем более долг каждого из нас, кому приходится жить и бороться в рядах Р. К. П., знать ее историю, изучить каждый ее шаг на трудном пути к победе, малейшие эпизоды ее героической борьбы за дело освобождения пролетариата.

Нижеследующие шесть лекций, прочитанные мною накануне 25-летнего юбилея нашей партии, дают лишь самый беглый очерк истории нашей партии. Одно только пятилетие, прошедшее с 1917 года, потребовало бы нескольких книг. Мои лекции—только первоначальные наброски, которые могут послужить лишь кратким введением в историю нашей партии. Я издаю их по настоянию товарищей и только потому, что литература по истории Р. К. П. пока еще очень бедна. Быть может, при этой бедности, и мои очерки принесут некоторую пользу.

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Что такое партия? Казалось бы, вопрос этот очень прост. Среди присутствующих есть, наверное, много членов партии, и возможно, что такой вопрос им покажется даже праздным. Но это не совсем так. **Что такое партия?**

Когда речь идет о научных определениях в таких областях, которые живо затрагивают массы людей, — что целиком относится к общественным организациям, — то вы почти всегда увидите, как представители различных классов и мировоззрений определяют по-разному суть той или иной общественной организации. Возьмем, как более близкий, в данном случае, пример, — профсоюзы, в которых участвуют миллионы людей. Каждый знает, что представляет собою такая организация. А между тем, представители различных классов дают ей различные определения. В то время как Карл Маркс употреблял для выражения сути профсоюзов два слова: «школа социализма», представители буржуазного научного мира делают это совсем по-другому. Супруги Сидней и Беатриса Уэбб, известные английские писатели реформистско-меньшевистского толка, полагают, что профсоюз—не что иное, как организация взаимопомощи и даже благотворительности. Если вы захотите, далее, узнать, как определяет профсоюз какой-нибудь, скажем, германский профессор, примыкающий к католической партии центра, то вы увидите, что, по его мнению, это чуть ли не богоугодное заведение, богадельня. И это понятно: потому что в таких вопросах, где непосредственно замешаны интересы сотен тысяч людей,

вы напрасно будете искать какого-нибудь беспристрастия в определении самых обычных вещей. Таким образом, желание установить, с самого же начала, что такое партия, является далеко не праздным.

Марксистское и буржуазные определения слова «партия».

Слово «партия» происходит от латинского pars, т.-е. часть. В настоящее время мы, марксисты, говорим, что партия—часть определенного класса. Представители буржуазного мира думают, конечно, иначе. Так, например, известный консервативный немецкий публицист Шталь, классифицируя партии по признакам их революционности и законности по отношению к старому строю, приходил к заключению, что борьба партий—это борьба между правом человеческим и божеским, между учреждениями, созидаемыми в силу преходящих потребностей и прихотей человека, и установлениями божественного промысла,—короче говоря: между злом и добром. А не менее известный цюрихский политический деятель Ромер пытается положить в основу определения партии психологию. Он говорит, примерно, следующее: «Человеческое общество родится, развивается и умирает. Следовательно, оно бывает молодым или старым. Соответственно его возрасту, в нем господствуют те или другие политические воззрения. В детстве у человека преобладают пассивные силы духа: в нем развиты восприимчивость и живая фантазия, но нет творческих сил и разумной критики. Такому состоянию всего более соответствует радикализм. (Отсюда—радикальные партии.) В юности и в зрелом возрасте на первом плане находятся творческие силы духа и здоровая критика, причем в юности большую роль играет стремление к творчеству, а в зрелом возрасте—к сохранению приобретенного. Такому состоянию соответствуют либерализм и консерватизм. (По этой теории, большинство из присутствующих в этом зале коммунистов должны были бы быть либо либералами, либо консерваторами.) Наконец, в старости вновь берут верх пассивные силы духа: страх перед всем новым и привязанность к старому; этому соответствует абсолютизм. Таким образом, в обществе одновременно уживаются элементы молодые, зрелые и дряхлые и, соответственно этому сожительству, мы видим в нем партии радикальные, либеральные,

консервативные и абсолютистские, причем преобладают те из них, которые ближе подходят к темпераменту и духу народа. Существование всех этих партий—неизбежно; государственная жизнь должна итти по равнодействующей развиваемых ими сил, и разумный политик, даже борясь с ними, никогда не должен стремиться к полному уничтожению какой бы то ни было из них, потому что такая цель недостижима, а осуществление ее может только загнать болезнь внутрь организма. Принадлежность отдельного лица к той или иной партии определяется, преимущественно, его темпераментом: так, Алквиад всю свою жизнь был мальчиком, Перикл до гроба оставался юношей, Сципион был мужем, а Август родился стариком. Точно так же и народы отличаются различными характерами: немцы, по своему темпераменту, консервативны, но, по складу ума, либеральны; русские—радикальны, но склонны к абсолютизму». (Все это было написано, разумеется, до 1917 года.)

Почему буржуазная наука не даст правильного определения слова «партия»?

Вы видите, таким образом, что в буржуазной науке определение понятия «партия» весьма разнообразно. И редко какой из ее представителей решается взять быка за рога и прямо сказать, что партия, это—боевая организация того или другого класса. Эту простую истину, которая вполне ясна для нас с вами, буржуазные ученые не хотят и не могут признать по той же причине, по какой они избегают называть своим именем сущность парламентаризма или церкви. Буржуазный строй, в силу своей природы, вынужден изображать целый ряд учреждений, направленных к классовому угнетению пролетариата, как органы классовой гармонии и примирения; он должен преподносить их общественному мнению, и даже самому себе, именно в таком виде, а не как органы классовой борьбы.

Для еще большей ясности, я приведу определение слова «партия», принадлежащее одному из сравнительно безобидных русских публицистов, полукадету-полународнику, имеющему некоторые публицистические заслуги,—Водовозову. В специальной работе, посвященной определению понятия «партия», он пишет: «Что такое партия? Этим словом обозначают более или менее значительные

группы людей, имеющих общие политические идеалы, стремящихся к одним и тем же политическим реформам и организованных для защиты этих идеалов или для борьбы за их осуществление». Это определение кажется, как будто, невинным и даже близким к истине. Но, на самом деле, автор сознательно и тщательно избегает слов «класс» и «классовая борьба». По его мнению, партия—простонапросто организация единомышленников, сочувствующих определенному «идеалу». Иначе говоря, в этом определении нет самой сути, оно лишено крови и костей, страдает худосочием и не имеет никакого реального содержания.

Определение Милюкова.

Возьмем еще более свежий пример: определение Милюкова. Вы увидите, что и оно было продиктовано определенным классовым своекорыстием. Все мы знаем, что кадетская партия, вождем которой был Милюков, называла себя «внеклассовой». На этой почве мы с ней боролись, доказывая, что внеклассовых партий не бывает и что кадетская партия—классовая, ибо она представляет определенный класс помещиков, буржуазии. И вот, если вы бросите теперь ретроспективный взгляд, т.-е. посмотрите назад, то поймете, почему Милюков, в данном случае, выступал одновременно и как буржуазный ученый и как боевой политик. Как боевому политику, ему было необходимо, чтобы классовая, помещичья сущность его партии не была ясна народу: кадеты не могли откровенно сказать массам, что они защищают интересы помещиков и верхов буржуазии, т.-е. небольшой имущей группы населения. Как боевой политик, он чувствовал и понимал, что на каждом народном собрании ему необходимо держать свою партию под вуалью, выводить ее на сцену, как прекрасную незнакомку, и заботливо скрывать ее черты. И в этом деле боевому политику Милюкову усердно служил столп науки—профессор Милюков, доказывавший, при помощи своей буржуазной учености, что для партии вовсе не обязательно быть классовой и что это—группа единомышленников, имеющих определенные «идеалы», независимо от того, с каким слоем населения они связаны. Этот пример ясно вам показывает, как легко перекинуть мостик от академического определения Водовозова к вполне конкретной боевой буржуазной политике

Милюкова. Последнему формула Водовозова была очень выгодна, потому что он мог легко подвести под нее свою кадетскую партию и, таким образом, провозил контрабандой классовую партию под внеклассовым ярлыком.

Формула эсеров.

Возьмем, далее, более близких соседей—эсеров. Вы знаете, что они называли свою партию, если не внеклассовой, то межклассовой. Это определение вытекало из их программы. И, действительно, классическая формула эсеров гласит, что они представляют, во-первых, пролетариат, во-вторых,—крестьянство и, в-третьих,—интеллигенцию, т.-е. три крупных общественных слоя сразу. По этой причине, первые же теоретические бои между марксистами и эсерами шли вокруг нашего утверждения, что межклассовых партий не бывает. Каждая партия связана с определенным классом и должна, поэтому, защищать определенные интересы. Мы связали свою судьбу,—говорили мы,—с пролетариатом. Это еще не значит, что мы будем во враждебных отношениях с крестьянством, в особенности, в стране по преимуществу крестьянской. Задача пролетариата в такой стране заключается в создании известной кооперации, сотрудничества со вторым, огромным по своей численности, классом. Мы вышли из пролетариата. Мы—*его* партия. Будучи партией пролетариата, мы, однако, будем руководить борьбой и крестьянства, ибо много интересов у нас общих.

После событий последних лет, практика эсеровской партии достаточно ясна, и только теперь отчетливо видно, почему они так цеплялись за то определение понятия «партия», какое они давали, например, в 1900-х годах, когда их партия еще только зарождалась. Многим тогдашним молодым революционерам казалось, что Плеханов—в то время общепризнанный вождь нашей партии — уделял слишком много внимания этому спору; казалось, что он придирался к эсерам; казалось, что он завязал борьбу там, где для этого, в сущности, не было места. Многие полагали тогда, что полемика Плеханова с Черновым была чисто академической, а иные упрекали их в том, что, вместо совместной борьбы с самодержавием, они начали драку по поводу понятия «партия и класс». Но вы видите

теперь, что это был спор не академический, а политический и весьма важный.

Вот почему нам необходимо, прежде всего, условиться, что мы с вами будем понимать под словом «партия», и внести в это определение ясность и точность. Мы понимаем под этим словом политическую организацию, являющуюся частью какого-либо класса. Иначе говоря, партии бывают пролетарские и буржуазные. Для нас партия—не просто группа единомышленников или собрание людей, сошедшихся на общей идеологии, которую они, независимо от связи с тем или другим классом, могут проповедывать где угодно. Для нас партия, повторяю,—часть определенного класса, вышедшая из его недр, связавшая с ним свою судьбу. И то обстоятельство, из какого класса данная партия вышла, накладывает на нее неизгладимый отпечаток, определяет всю ее дальнейшую жизнь и ее роль для данного государства.

Класс и партия.

Мы употребляем сейчас слова «рабочий класс» и «класс», как для всех нас ясные, понятные и находящиеся вне сферы каких-либо споров. Для нас с вами понятие «класс» вошло в нашу плоть и кровь, в нашу повседневную жизнь: мы видели класс действующим в двух революциях и хорошо его изучили; для нас это—понятие элементарное, основное. Но раньше дело обстояло не так. Из моего изложения вы увидите, что вся борьба между марксистами и народниками,—по крайней мере, в первый ее период—укладывалась в формулу «класс» или просто «народ», как тогда выражались. Было время, когда вся борьба в русском социализме вертелась вокруг вопросов: что такое класс, должен ли революционер иметь в виду определенный класс или обязан отстаивать весь «народ»?

Как вам известно, теорию классовой борьбы открыл не кто иной, как Маркс. Это не значит, что он открыл классовую борьбу. Эта борьба—не теория, а жизненный факт. Но формулировать ее, обобщить и дать нам представление обо всей истории человечества, как о борьбе различных классов,—это сделал Маркс. И вся борьба основоположников нашей марксистской партии против первого поколения революционеров, против народников, —вся эта

борьба, в сущности говоря, к тому и сводилась, чтобы теорию классовой борьбы разъяснить на русском опыте и дать представление о том, что́ такое рабочий класс в России. Вот почему это простое понятие, являющееся ныне достоянием каждого из нас, понятие, что наша партия—часть рабочего класса, выстрадано в течение десятилетий теоретической и практической борьбы. И если мы хотим понять историю нашей партии, нам надо, прежде всего, уяснить себе эту первую схватку.

Заканчивая рассмотрение этого вопроса, я должен сказать еще следующее. Мне могут заметить, что часто один класс имеет несколько партий. Это, конечно, верно. Буржуазия, например, как целое, насчитывает несколько партий: республиканцев, демократов, радикал-социалистов, просто радикалов, независимых либералов, консерваторов и т. д. Не противоречит ли этот факт данному мною определению?—спросят меня. Я думаю, что нет. Надо принять во внимание, что буржуазные партии часто являются, на самом деле, не отдельными самостоятельными партиями, а лишь фракциями одной буржуазной партии. Эти фракции дерутся между собой, как петухи, в тот или другой момент (в особенности, когда дело касается выборов), и потрясают обычно картонными мечами. Часто им даже выгодно представить дело народу так, будто у них серьезные разногласия. А на самом деле, по коренным вопросам, объединяющим миллионы людей, у них полное единогласие. Они спорят лишь по вопросам второстепенным, а по вопросам основным, из-за которых люди сражаются на баррикадах, устраивают революции, страдают от гражданской войны и голода,—по всем этим вопросам, и, прежде всего, по вопросу о частной собственности, все буржуазные партии единодушны. И, в конечном счете, мы имеем полное право сказать, что, по отношению к главным вопросам, существует лишь одна большая буржуазная партия—партия рабовладельцев и сторонников частной собственности.

В истории есть тому не мало примеров. В свое время, в Америке, северные и южные штаты подрались из-за разногласий в вопросе о рабовладении. Но это не поме-

шало молодой буржуазной стране, которая тогда только формировалась, предстать, через некоторое время, перед всем миром в виде крепкого буржуазного государства, твердо стоящего на принципе частной собственности и ничуть не отрицающего современного капиталистического рабовладения. Вообще, таких столкновений различных буржуазных партий между собою можно указать сколько угодно, но они лишь подтверждают наше положение, что партия является частью определенного класса.

Затем обращаю внимание еще на одно обстоятельство. Не надо думать, что каждый класс сразу, так сказать, механически выдвигает уже готовую партию, соответствующую, в целом, его интересам. Ошибочно думать, что дело происходит очень уж просто: класс № 1 и партия № 1, класс № 2 и партия № 2. В общественной жизни и борьбе дело происходит много сложнее. Отдельным людям свойственно ошибаться. Им иногда кажется, что они принадлежат душой и телом к такому-то классу, а на поверку, когда наступает решающий момент, оказывается, что на деле-то они всем своим существом в другом классе. Их путь идет зигзагами. В известные периоды своего развития они выдвигают определенные программы. В ходе времен и под влиянием бурь классовой борьбы, в вихре великих событий, вздымающих новые низы данного класса и остро ставящих новые вопросы, в недрах этих людей происходят перегруппировки, перемещения и почкования. И лишь спустя долгое время, в решающие годы, мощно встают коренные вопросы, создаются, в конце концов (да и то лишь приблизительно), те деления, которые, действительно, соответствуют данному классу. Вот почему, если вы подойдете к этому вопросу слишком схематически, слишком упрощенно, то вы как будто встретите на своем пути множество противоречий. К этому коренному вопросу нашей жизни надо подходить научно, как подобает марксистам, т.-е. заранее отказавшись от слишком механического подхода к общественным явлениям. Надо понимать, что партия не рождается за одну ночь, что она складывается годами, что в ее рядах происходят определенные социальные перегруппировки и что отдельные группы и люди попадают иногда случайно в ту или в другую пар-

тию, уходят из нее потом, а другие приходят на их место. И только в процессе борьбы, когда мы имеем перед собою уже более или менее законченный цикл явлений, можно сказать, что данная партия вполне соответствует данному классу.

Все вышесказанное дает нам ответ и на вопрос, в каком же взаимоотношении находятся коммунистическая, большевистская партия и рабочий класс? Нам могут сказать: если партия есть часть класса, если наша партия есть часть рабочего класса, его представительство, авангард и глава, то как случилось, что есть еще другие рабочие партии? Как случилось, что есть партия меньшевиков, называющая себя рабочей, и партия эсеров, также заявляющая, что она защищает рабочий класс? А говоря в международном масштабе,—что есть социал-демократия и II Интернационал, связанный с рабочим классом? Не противоречит ли все это нашему определению?

Этот вопрос тоже не академический, потому что он подводит нас вплотную к сути дела. То, что я сказал о буржуазных партиях, относится, в значительной мере, и к рабочим. Ни рабочий класс, ни рабочая партия не родятся сразу. Рабочий класс складывался десятилетиями, постепенно: деревенское население переливалось в города, частью возвращаясь назад, частью там оседая; оно переваривалось в котлах фабричных городов, создавая рабочий класс со свойственной ему психологией. Равным образом, годами и десятилетиями складывалась и партия рабочего класса. Известные группы считали, субъективно, что они защищают рабочих, как, например, меньшевики в первую революцию. И только постепенно, когда история ставила на очередь те вопросы, которые я пытался пред вами очертить, те коренные вопросы, которые разводят людей в разные стороны, делая друзей врагами, которые ставят их по разным сторонам баррикад и вызывают гражданскую войну,—только тогда начались расслоения, почкования, расколы и объединения, только тогда сложилась, наконец, определенная партия. И этот процесс, тесно связанный с жизнью людей, закончится, в полном его виде, лишь к моменту полной победы социализма, т.-е. когда исчезнут классы и партии.

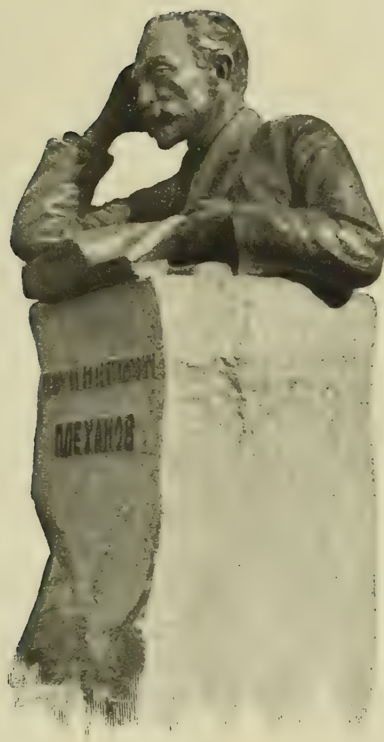
Это процесс не химический, который можно наблюдать в колбе до самого его конца. В общественных явлениях надо научиться обобщать, надо уметь поглубже разбираться в событиях и фактах, захватывающих в круг своего действия миллионы и десятки миллионов людей.

В данную минуту II Интернационал еще имеет значительные связи в рабочей среде, между тем как для нас очевидно, что, в сущности, он не что иное, как фракция буржуазии, левое крыло ее. Много честных рабочих—члены II Интернационала. У нас несколько рабочих партий, в то время как существует только один рабочий класс. Вместе с тем необходимо заметить, что если есть несколько рабочих партий, то пролетарская партия—только одна. Партия может быть рабочей по составу, но по своему направлению, программе и политике не являться пролетарской. Это видно из примера капиталистических стран Европы и Америки, где рабочих партий несколько, а пролетарская — одна: коммунистическая. Там есть не только социал-демократические партии, но и католические, т.-е. поповские профсоюзы, и всякие другие. Все они—часть рабочего класса, но не самая передовая; их члены—рабочие, но по своей политике они—лишь фракция буржуазной партии.

Юбилейные даты

Все вышесказанное необходимо для сознательного отношения к истории нашей партии. Ее создание, ее «процесс становления», употребляя философский термин, вся ее предъистория, ее первые главы, занявшие много-много лет,—не что иное, как постепенная кристаллизация рабочей партии в недрах рабочего класса. И потому, когда мы говорим о 25-летии нашей партии, это надо понимать условно. Вы увидите это из ряда примеров.

«Северно-русский рабочий союз», основанный при содействии Плеханова и находившийся под руководством столяра Халтурина и слесаря Обнорского, следует рассматривать, как первую ячейку рабочей партии. Он зародился в конце 1877 г. (можно даже сказать, в 1878 году) в Петрограде и первый выдвинул идею политической борьбы рабочего класса. Эта организация еще не была, конечно, марксистской. С 1878 года прошло ровно 45 лет, и не

ПАМЯТНИК
Георгию Валентиновичу Плеханову,
открытый постановлением Петросовета
18 марта 1923 г. на Волковом кладбище
в Петрограде
Памятник работы скульптора И. Гинзбурга.

было бы, разумеется, большой натяжкой считать летоисчисление нашей партии с образования «Северно-русского рабочего союза».

«Группа Освобождения Труда» основана в 1883 году. Она образовалась в то время, когда поколение революционеров, возглавляемое Плехановым и Аксельродом, изжило народническую болезнь, порвало с народничеством и сознало необходимость строить партию на основе рабочего класса. Эта группа первая выдвинула, в 1885 году, проект программы социал-демократической партии и, являясь, поэтому, в истории революционного движения первой марксистской организацией, имеет полное право быть отправным пунктом нашего партийного летоисчисления. В этом случае, мы могли бы сказать, что празднуем 40-летие нашей партии.

Третьей датой можно считать первый съезд нашей партии, состоявшийся 14 марта 1898 года в городе Минске, и, если взять ее за исходный пункт, то мы можем праздновать наш 25-летний юбилей. Но надо заметить, что эта дата—случайная. Этот съезд прошел, сравнительно, бесследно. Созданные в Минске организации были разбиты чуть ли не через 24 часа после съезда, участники его были почти все арестованы, а Центральный Комитет нашей партии, попавший почти целиком в лапы жандармов, не смог выполнить и сотой доли своей программы работ.

Далее следует наш второй съезд, который состоялся в 1903 году, начавшись в Брюсселе и закончившись в Лондоне. По существу, именно этот съезд был первым, и, с таким же правом, мы могли бы сказать, в этом случае, что празднуем 20-летие нашей партии. Потом, в 1905 году, в Лондоне состоялся третий, подлинный, съезд партии, съезд партии большевиков, так как на нем меньшевиков не было. (Это было в момент раскола с ними.) Этот съезд тоже можно считать первым, ибо он подвел основу под тактику большевиков накануне первой революции 1905 года. Таким образом, в этом случае, мы могли бы праздновать 18-летие основания нашей партии. Наконец, мы могли бы сказать, что историю нашей партии надо считать с момента полного разрыва с меньшевиками, что произошло

в 1912 году, когда мы начали восстанавливать нашу партию, после длительной полосы контр-революции, на основе подъема, вызванного Ленской стачкой и последовавшими за ней событиями.

Это было на всероссийской конференции в Праге, на которой также не было меньшевиков и на которой мы сказали: старого Центрального Комитета больше нет,— мы строим заново партию. Собственно говоря, тогда и были заложены основы нашей партии после поражения 1905 г. и после пережитой полосы контр-революции.

Следуя по этому пути дальше, мы могли бы сказать, что полный разрыв с меньшевиками наступил не в 1912 году, а в 1917-ом. И это верно, потому что после Февральской революции, после низвержения царизма, в этом самом зале была сделана попытка созыва объединенного съезда социал-демократии, на который приглашали всех и перед которым т. Ленин выступил со своими знаменитыми тезисами, вошедшими в историю международного социализма,—с тезисами о советской власти. До той минуты все считали, что социал-демократию, после падения царизма, удастся объединить и что большевики сойдутся с меньшевиками.

И под самый конец можно сказать, что только на нашем седьмом съезде, в 1918 году, после Брестского мира, когда мы решили переименовать партию, назвавши ее Российской Коммунистической, что только тогда она сложилась окончательно.

Процесс образования партии.

Я нарочно привел целый ряд дат, желая показать, что важен не формальный, второстепенный вопрос—20 или 25 лет,—а тот факт, как в живой действительности складывается партия. Происходит же это совсем не так, что в один прекрасный день собираются, как выражается Водовозов, сторонники определенных «идеалов» и говорят друг другу: «А ну-ка, давайте, составим партию!» Нет, партия образуется не так-то просто! Она—живой организм, связанный миллионами нитей с тем классом, из которого она выходит. Партия складывается годами и даже десятилетиями. Если считать, например, с момента создания Халтуриным «Северно-русского рабочего союза», то получится 45 лет; если вести счет с момента названия нашей

партии «Коммунистической», то будет 5 лет; если считать с первого съезда нашей партии, то будет 25 лет, и, наконец, если взять момент нарождения «Группы Освобождения Труда», то будет 40 лет. Отсюда видно, что живое диалектическое образование партии—очень сложный, длительный и трудный процесс. Она родится в тяжелых муках и подвергается беспрестанным почкованиям, перегруппировкам, расколам и испытаниям в огне борьбы, прежде чем окончательно сложится в партию пролетариата, в партию данного класса. И притом—с оговоркой, которую я уже сделал,— что даже и тогда процесс этот еще окончательно не завершен: уход одних групп и приход других продолжается еще долгое время. Все это мы наблюдаем и на судьбе нашей партии. Присмотревшись к нынешнему социальному составу нашей партии, вы увидите, что даже в ее нынешних рамках, когда она успела за 45 лет окончательно сформироваться, все еще происходят определенные передвижки и неустанное обновление ее элементов; вы увидите, как после революции число крестьян увеличивается в ней с громадной быстротой и как потом их удельный вес становится меньше, вы увидите, как возрастает опять число городского пролетариата и как интеллигенция сначала входит в нее целыми группами, а потом густыми толпами начинает уходить. Вот почему, только вдумываясь в особенности этого движения, только рассматривая партию, как диалектическое понятие, только сопоставляя ее с живой борьбой масс, которая тянется годами и десятилетиями, можно понять партию так, как следует.

Народничество.

Я уже сказал, что первая полоса истории русского революционного движения заполнена борьбой марксизма с народничеством—движением, в одной своей части, несомненно, революционным и достигшим особенного расцвета в 70-х годах. Народничество вписало в историю нашей борьбы много славных страниц и дало ряд незабвенных примеров личного мужества. Героизм отдельных народников, которые, оставив свою семью, свой класс и свои классовые привилегии, уходили, как тогда говорили, «в народ»,— этот героизм был изумителен, и мы перед ним преклоняемся. Но, вместе с тем, народничество, в целом, было

движением не пролетарским. Если в то время говорили: «надо итти в народ», то выражение это употребляли не случайно. Понятия «класс» для тогдашней России не существовало, и революционеры той эпохи знали лишь понятие «народ». Все мы, конечно, стоим за народ, и, само собой разумеется, в этом слове ничего, кроме хорошего, нет. Но, если взглянуть на него с точки зрения научных определений, то мы увидим, что в те времена в это слово нарочито вкладывали смутное понятие. Под народом, в те дни, понимали, в большинстве случаев, крестьянство, ибо рабочего класса, как такового, тогда еще не было; он только зарождался. В силу этого, народническое движение было, хотя и революционным, но мелкобуржуазным. Отсюда не следует, однако, что мы отказываемся от этого наследства и не хотим видеть образцов героизма и замечательного мужества, проявленных революционерами народнического периода.

Отношение коммунистов к Великой французской революции.

Вспомните, как относимся мы, коммунисты, скажем, к великим буржуазным революционерам Великой французской революции 1789 года, когда рабочий класс тоже был еще только в зачаточном состоянии. Мы относимся к ним с величайшим уважением, в особенности к тем из них, которые доказали необычайную преданность своему народу. Мы изучаем историю Великой французской революции, мы побуждаем нашу молодежь учиться на примерах материалистов тогдашнего времени. И, к слову сказать, каждый, интересующийся философией, может научиться у любого крупного материалиста эпохи Великой буржуазной революции гораздо больше, чем у некоторых новоявленных «марксистов»-ревизионистов. По этой именно причине наша партия считает безусловно необходимым переиздание, прежде всего, классиков материализма, потому каждый из нас извлечет из них больше пользы, чем из преподносимых нам скороспелых «теорий», иногда внешне благожелательных, но ничего общего с марксизмом не имеющих. Повторяю, мы воспитываем нашу молодежь в духе глубочайшего уважения к выдающимся представителям великой буржуазной революции. Мы понимаем ее классовую сущность. Мы знаем, что она отправила на гильотину монарха, но мы помним и то,

что она издала закон против рабочих объединений. А вместе с тем, плеяда великих буржуазных революционеров была ударной колонной человечества; она первая прорвала фронт феодализма и тем дала свободный ход вешним водам наростающих теперь пролетарских революций. Это не мешает тому, что эпигоны [1]) великих французских революционеров—презренные мелкие людишки, агенты капитала в полном смысле этого слова. И разницу между Маратом и даже Робеспьером и их эпигонами—нынешними Пуанкаре, Брианом и Вивиани—мы знаем очень хорошо. Нам известно, что тогдашние представители революционной буржуазии, действовавшие в обстановке феодального гнета, пробивали брешь в крепостничестве, между тем как теперешние представители буржуазии, которые, как Пуанкаре и его сообщники, охотно рядятся в тогу наследников Великой французской революции, являются, на самом деле, только презренными орудиями буржуазной реакции. Мы знаем разницу между ними. Таково же наше отношение и к народничеству.

Отношение коммунистов к народничеству.

Мы знаем цену Желябову, Софии Перовской и всем, кто в дни царизма, висевшего тяжелыми гирями на ногах России, в те дни, когда в стране свирепствовал неслыханный варварский гнет, сумел поднять оружие против самодержавия, вести в бой первые группы революционеров и итти твердым шагом на виселицу. Пусть это хождение в народ не было пролетарским движением, пусть это было революционное движение, окрашенное в туманные социалистические цвета,—пусть так, но это было великое движение, такое же, как начало Великой французской революции. Эти народники пробивали брешь в стене царизма, в твердыне самодержавия. Они были героями, они порывали с предрассудками, они разбивали цепи, приковывавшие их к привилегированному классу, они отказывались от всего и шли в бой за политическую свободу. Пусть они разукрашивали иногда свою борьбу социалистическими фразами, не имея определенной социалистической программы, но они и не могли ее иметь, идя в бой с лозун-

[1]) Потомки.

гом, не переходившим за пределы буржуазной демократии. Недаром исполнительный комитет «Народной Воли», самой крупной из народнических организаций, обращался, в свое время, с открытым письмом к Линкольну.

Мы готовы, далее, обнажить головы и перед декабристами, более ранним поколением буржуазных революционеров, которые тоже шли в бой против царизма. Эти люди, представлявшие собою, в буквальном смысле слова, сливки аристократии, дворянства и офицерства, отделялись от своего класса, порывали с семьями, оставляли свои привилегии и вступали в борьбу с самодержавием. Пусть и они не имели социалистической программы, пусть и они были только буржуазными революционерами,—но наше поколение не отказывается от этого наследства. Мы говорим, наоборот, что это—славное прошлое, и мы низко кланяемся первым представителям революционного народничества, умевшего погибать за народ в те дни, когда рабочий класс только еще рождался, когда не было пролетариата и не могло быть классовой пролетарской партии. Но, вместе с тем, мы знаем, что между Желябовым и Перовской, с одной стороны, и Гоцем и Черновым—с другой, существует такая же разница, как между Робеспьером и Маратом, с одной стороны, и Пуанкаре и Брианом—с другой. Гоц и Чернов говорят, что продолжают дело народничества. А мы им говорим: «Вы продолжаете его так же, как Бриан и Пуанкаре продолжают дело Марата и Робеспьера».

Повторяю, среди народников первого периода, если говорить об отдельных лицах, были звезды первой величины, были люди, которые навеки должны остаться для нас нетленными примерами самопожертвования, героизма и величайшей преданности своему народу. Но это движение, если мы возьмем его под лупу и разберем как следует, окажется, оставаясь, в общем, великим шагом вперед, движением не пролетарским.

Предъистория русского пролетариата.

Наш пролетариат рождался в течение долгих десятилетий, и можно даже сказать—в течение столетия. В книге Мартова «История российской социал-демократии», которую, несмотря на ее меньшевистские взгляды, я рекомен-

дую вам прочесть, можно найти, на-ряду с ошибочными меньшевистскими взглядами, много интересных фактов. Русский рабочий класс стал нарождаться в XVII веке. Первые крупные заводы, первые значительные мастерския возникли в России именно в эту эпоху. В то же время, из класса крепостных земледельцев, кустарей и ремесленников выделяются первые крепостные, полукрепостные, а потом и так называемые вольные рабочие.

Если вы заглянете в такие сочинения, как известное исследование Туган-Барановского, не выдерживающее марксистской критики, но дающее множество фактов; если вы изучите книгу «Развитие капитализма» т. Ленина и познакомитесь с работами Струве, то увидите, что первые движения рабочих можно отнести к XVIII веку и дальше.

В 1796 г. происходили волнения фабричных рабочих в Казани, в 1797 г.—в Московской губ., в 1798 и в 1800 г.г.—опять в Казани, в 1806 г.—в Московской губ. и в Ярославле, в 1811 г.—в Тамбовской губ., в 1814 г.—в Калужской губ., в 1815 г.—в Ярославле, в 1816 г.—в Петербургской губ., в 1817 г.—опять в Ярославле и Казани, в 1818 г.—в Ярославле, в 1819 г.—в Казани, в 1821 г.—в Воронежской и Калужской губ., в 1823 г.—во Владимирской и Московской губ. и в Ярославле, в 1829 г. —в Казани, в 1834 г.—в Казани и Московской губ., в 1836 г.—в Казани, в 1837 г. — в Тульской губ., в 1844 г. — в Московской губ. и в 1851 г.—в Воронежской губ.

Более того: исследователи восстания декабристов доказывают, с серьезными документами в руках, что в момент возникновения движения 1825 года (100 лет тому назад), в толпах на Сенатской площади стояли петроградские фабричные, находившиеся, в небольшом числе, в Петрограде; и что эти рабочие, когда строились вышедшие против Николая I войска, открыто выражали свое сочувствие восставшим.

В 1845 году правительство Николая I вынуждено было издать первый закон, устанавливавший уголовное наказание за стачку. В 1848 году по всей Европе прокатилась буря буржуазных революций. Это движение непосредственно России не коснулось,—разве лишь постольку, поскольку царское правительство послало крепостных

солдат усмирять венгерскую революцию; тем не менее, косвенным образом, оно, конечно, отразилось и в нашей стране. Повеяло свежим ветром и в России.

Дальнейшая основная дата: 1861 год—освобождение крестьян и начавшееся движение либеральной буржуазии. Постепенно в России начинает выявляться довольно значительный рабочий класс, приобретающий к 70-м годам уже характер массового явления. Несмотря на это, первые кружки революционеров, возникшие после декабристов, складываются не из рабочих.

Кружок Чайковского.

Первым революционным кружком считается кружок Чайковского, образовавшийся в 1869 году. В него входили С. Перовская, М. Натансон, Волховской, Шишко, Кропоткин и Кравчинский. Сами эти имена в высшей степени знаменательны. Чайковский дожил до наших дней, хотя политически он давно мертв. Он участвовал в буржуазной революции 1917 года, был членом первого Исполнительного Комитета и занял потом место на крайней правой (даже правее меньшевиков и эсеров). Во время неслыханно гнусной кампании против тов. Ленина, когда последнего объявили шпионом, Чайковский был наполовину вдохновителем этого дела. После того, он был назначен губернатором от англичан в Архангельск, якшался с Колчаком, а затем, выброшенный в мусорную корзину истории, находится сейчас в Париже.

С. Перовская, как вы знаете, погибла в 1881 году. Она участвовала в подготовлении убийства Александра II и вошла в историю революционного движения, как одно из самых светлых имен. М. Натансон умер совсем недавно, как левый эсер, ставший к нам очень близко особенно после известного нелепого восстания, поднятого против нас левыми эсерами. Он откололся от правых эсеров в начале революции, был вместе с нами в Циммервальде и является, до известной степени, основателем III Интернационала. Остальные члены организации Чайковского умерли частью физически, частью политически, оставаясь в партии эсеров.

Этот маленький кружок отчетливо показывает, как развивалось народничество и как оно поставляло идео-

логов для различных групп. Кропоткин оказался анархистом, а Натансон—интернационалистом, очень близким к коммунистам. Чайковский проявил себя определенным представителем буржуазии, и никто не будет теперь спорить против того, что он был лишь буржуазным революционером и посредственным, плохим демократом, не сумевшим даже защитить подлинную буржуазную демократию; он не сделал и сотой части того, что совершили настоящие буржуазные революционеры, когда они творили свою буржуазную революцию.

Первый *рабочий* кружок сформировался, приблизительно, в середине 70-х годов, примерно в 1875 году. Наиболее видными его участниками были ткач Петр Алексеев, Малиновский, Агапов, Александров, Крылов и Герасимов. Вот главные имена. Известна знаменательная речь Петра Алексеева, живы также некоторые его современники,—если не ошибаюсь,—Моисеенко, которого мы недавно принимали.

«Южно-русский рабочий союз».

В 1875 г. Заславский основал в Одессе «Южно-русский рабочий союз». Но его программа была не так ясна, как программа «Северно-русского рабочего союза», основанного около трех лет спустя. В этом обстоятельстве, быть может, сказывается, с самого же начала, та громадная разница, которая существовала между севером и югом и которую вы проследите и в дальнейшем ходе всей нашей революции. Ныне не подлежит сомнению, что север войдет в историю нашей революции, как революционная часть русского пролетариата, тогда как вся контр-революция гнездилась, главным образом, на юге, где она беспрестанно нарождалась и накопляла силы.

Различие социальной прослойки наложило, повидимому, некоторый отпечаток на первые рабочие организации: южно-русскую и северно-русскую. Если мы сравним программы того и другого союза, то увидим, что «Северно-русский рабочий союз» был, несомненно, гораздо ближе к нам, к революционной истине, и нам станет ясно, что он был более передовым в оценке значения политической борьбы и в своем подходе к массовому революционному рабочему движению.

Марксизм и народничество.

Для более ясного понимания взаимоотношения между народничеством и марксизмом необходимо иметь в виду канву, на которой они выявлялись: во-первых, отсутствие значительного рабочего класса, состоявшего тогда только из мелких ручейков, истоки которых восходят, правда, до конца XVII века, а затем—тяжелый, все подавлявший гнет самодержавия, во время которого, если можно так сказать, все кошки были серы. Дальнейшую ткань этой канвы составляют: хождение в народ, обозначавшее хождение в крестьянство, с очень запутанной программой; мужество тогдашних революционеров при отсутствии у них пролетарской точки зрения; образование первых кружков, состоявших из интеллигенции. И только в 1875 г. появление первых рабочих кружков, все еще тесно связанных всей своей идеологией с народничеством.

Я уже говорил о Чайковском. Этот человек как бы олицетворяет десницу и шуйцу народничества. Чайковский конца 60-х годов и начала 70-х годов был знаменем лучшей части революционной интеллигенции, политическим деятелем, закладывавшим основы революционного движения. А Чайковский 20-х годов нынешнего века является, совершенно определенно, орудием, и притом мелким, в руках Колчака и английской буржуазии. Вы видите, таким образом, в лице одного человека обе стороны народничества. И, действительно, с самого его начала и до конца, в этом движении ясно обнаруживались два русла, два течения, два направления. Одно из них, выдвинувшее Желябова и Перовскую, создавало героев: Сазоновых и Балмашовых. Второе течение, наблюдаемое особенно в 80-х годах, составляет правую часть народничества, т.-е. таких народников, которые, и в своей практической деятельности и в литературе, мало чем отличались от либералов.

Народничество 70-х годов, взятое как целое, является направлением буржуазных революционеров, имеющим, однако, крупные заслуги. Этим революционерам победивший пролетариат всегда отдаст поклон. Но он при этом скажет: «Не подражайте их слабостям, не повторяйте их туманных фраз о народе, а говорите о классе,

идите в пролетариат и знайте, что промышленный пролетариат, это — основной класс, который освободит все человечество». Народники не могли не быть слабыми, неясными и туманными, ибо они жили в такое время, когда рабочий класс еще только рождался, еще лежал в пеленках. Мы должны брать у них не обволакивавший их туман, а то, что в них было сильного: будьте преданы своему народу, служите ему так же беззаветно, как и они; будьте мужественны и самоотверженны; порывайте, как и они, с классовыми предрассудками и привилегиями; умейте в трудную минуту итти против течения, как и они. Чем ночь темнее, тем ярче звезды. Чем темнее была царская ночь, тем ярче блистали звезды, какими были Желябов и Перовская. И за это их чтят и русский рабочий класс, победивший в борьбе, и рабочие всего мира.

Буржуазные революционеры и пролетарские революционеры.

Мы знаем, вместе с тем, что в народничестве, начавшемся в 70-х годах и продолжавшемся в 80-х, была струя либерально - чиновническая, всколыхнувшая в литературе ряд течений, близких к идеям либерализма и приведших впоследствии партию эсеров к той эволюции, которую мы наблюдали. В этом именно переплете рождаются первые группы пролетарских революционеров, закладывающих фундамент нашей партии. Надо иметь в виду, надо твердо помнить, что революции бывают буржуазные и пролетарские. И только уяснив себе этот факт, мы поймем все овидиевы превращения партии эсеров. И в самом деле. Пока речь шла о победе над царизмом, о буржуазной революции, эти революционеры имели размах, энергию, энтузиазм, подъем; они знали, за что боролись, за что приносили жертвы и выдвигали крупных людей, как Гершуни. Но, когда буржуазная революция была вчерне закончена и работа перешла к революции пролетарской, все, что было вчера их силой, стало сегодня слабостью. Они сделались для нас опаснее обыкновенных буржуазных контр-революционеров, ибо свою энергию, ловкость, конспиративную сноровку и известную связь с массами они сразу повернули на 90° против революционного рабочего класса. И тут лежит разгадка всего вопроса.

Во всей эволюции эсеров, во всех метаморфозах народничества надо различать два момента. До поры, до времени они были буржуазные революционеры. Они были прогрессивной силой, и мы должны были их поддерживать, итти единым фронтом вместе с ними, в течение многих лет, против самодержавия. Но они были прогрессивной силой лишь до того момента, когда у власти встал рабочий класс, свергнув класс привилегированный, связанный с собственностью, класс помещиков и буржуазии. С этого момента, как только мы перешли к очередным делам через помещиков и буржуазию, эсеры немедленно повернули всем своим фронтом против рабочей, против пролетарской революции.

Борьба пролетарских революционеров с буржуазными.

Вся первая полоса истории нашей партии—не что иное, как сначала полусознательная, а потом вполне сознательная борьба пролетарских революционеров с буржуазными. Поскольку дело шло о борьбе с царизмом, у нас был, повторяю, единый фронт, но, как только завязалась борьба за влияние на массы, за душу рабочего класса, здесь наши пути разошлись. С этой минуты пролетарские революционеры схватились с буржуазными, и эта борьба заполнила ряд лет, оказавшихся решающими для судеб России.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Вчера я сказал, что вся полемика между народничеством и марксизмом укладывается в формулу—«народ» и «класс». Но исторический спор между ними не так, разумеется, прост и односложен. Чтобы его понять, надо в него вдуматься глубоко и серьезно.

Спор между народничеством и марксизмом.

Народничество спорило с марксизмом по вопросу о судьбах России и, прежде всего, о роли капитализма в нашей стране. В 70-х и даже в 80-х годах можно было еще пытаться доказывать (что народничество и делало), будто Россия, в отличие от других государств, не пройдет через капитализм. Исходя из того, что в то время капитализм в нашей стране был еще очень слаб, а крупная промышленность еще только зарождалась, целая школа, считавшая себя социалистической,—народническая,—доказывала, что развитие России пойдет не так, как везде, а совсем другими путями и что нам удастся перескочить от тогдашних, в высшей степени, примитивных отношений мелкого производства прямо к социализму.

В связи с этим, возник громадной важности вопрос об отношении к крестьянской общине. Ряд народников доказывал, что наша деревенская община не что иное, как ячейка коммунизма, что Россия минует путь фабрично-заводского производства, крупной городской промышленности, накопления больших богатств, создания пролетариата, как класса, и что безо всяких промежуточных фаз, прямо на основе этих мелких, якобы коммуни-

стических ячеек, каковыми они считали деревенскую общину, она перейдет к новому социалистическому строю.

Относительно рабочих среди революционеров-народников держался взгляд, что для революционной борьбы против капитализма пригодятся, пожалуй, и они. Правда, с течением времени народники стали убеждаться в том, что рабочие гораздо восприимчивее всех других слоев населения, и они стали энергично их вербовать в свои кружки, но, несмотря на это, основная сила, на которой они строили свою тактику, были не рабочие, а так называемый «народ», или, выражаясь более конкретно,—крестьянство.

Заблуждение народников.

Мало-по-малу, по мере развития отношений в нашей стране, заблуждение народников становилось все очевиднее. Число фабрик и заводов с каждым годом увеличивалось, количество рабочих в городах росло, а роль деревенской общины, которая обрисовывалась все яснее и яснее, доказывала, что последняя ничего общего с социализмом или коммунизмом не имела. Словом, ход развития был против народничества, и именно по этой причине марксисты, в союзе с жизнью, сравнительно быстро разбили на-голову своих противников.

Я не буду останавливаться подробно на этом споре, так как он завел бы нас слишком далеко. Мы должны только иметь в виду, что, когда спорили о роли общины,—о том, быть или не быть капитализму в России, о том, пойдет ли наша страна особыми, еще неведомыми путями, миновав чашу промышленного развития,—то на самом деле спорили, вместе с тем, о *роли пролетариата*, о роли рабочего класса, о том, какой класс будет основной силой грядущей революции. Невысказанной предпосылкой во всех этих спорах, принимавших в теоретической борьбе различные формы, был вопрос о том, сложится ли в России рабочий класс, и если да, то какая роль выпадет ему на долю. Вот почему, перефразируя все эти споры, можно сказать, что конфликт между марксизмом и народничеством сводился, в сущности говоря, к вопросу о роли рабочего класса в России, о том, будет ли у нас класс промышлен-

ных рабочих, и если будет, то в чем будет заключаться его роль в революции.

Пестрота народничества.

Народничество отнюдь не было явлением однородным; наоборот, оно отличалось необычайной пестротой и разнокалиберностью. В его обширном лагере мы видели всякого рода течения, начиная от весьма определенного анархизма и кончая таким же буржуазным либерализмом. Недаром, в смысле отдельных вождей, из рядов народничества вышли, как я указал в прошлой лекции, видные руководители, ставшие потом вождями различных течений и разных политических групп. Тем не менее, несмотря на всю эту пестроту, в народничестве можно и должно различать два основных течения: с одной стороны—революционно-демократическое, а с другой—буржуазно-либеральное. Если говорить хронологически, то надо различать народников-семидесятников и народников-восьмидесятников, т.-е. два поколения, действовавшие, преимущественно, в 70-х и 80-х годах. При этом можно сказать, что народники 70-х годов состояли, главным образом, из сторонников первого течения, которое я назвал революционно-демократическим, нередко с оттенком анархизма, между тем как народничество 80-х годов слагалось, по большей части, из сторонников течения, которое справедливо может быть названо буржуазно-либеральным и которое, впоследствии, слилось, в значительной степени, с русским либерализмом, с кадетской партией и т. д.

Народники 70-х и 80-х годов.

Революционеры-народники 70-х годов создали ряд организаций, вошедших в историю революционного движения, как крупное завоевание. К ним относятся, прежде всего, «Земля и Воля» и «Народная Воля». Народники этого типа выдвинули ряд деятелей, которые проявили великий героизм и мужество и, не принадлежа к пролетарским революционерам, были, тем не менее, революционерами, хотя и демократами. Совсем другой характер носило второе поколение народников, зачастую игравшее в 80-х годах прямо реакционную роль. По этому вопросу можно найти интересные подробности в прекрасных, нисколько не устаревших сочинениях Плеханова, как, например, в его книге «Обоснование народничества», выпущенной им под

псевдонимом «Волгин», а также в целом ряде его других произведений, о которых я еще буду говорить.

Кривенко. Для иллюстрации моей мысли, достаточно привести два-три примера. Один из крупнейших литераторов-народников Каблиц-Юзов доказывал, с самым серьезным видом, что мелкий собственник и, в первую очередь, крестьянин представляют собою, в силу их «экономической независимости», как он выражался, тип гражданина высшего разряда. Положение мелкого крестьянина, задавленного ростовщиком и кабалой, почтенный народник титулует «экономической независимостью»... Кривенко доходил до того, что требовал, чтобы крестьянин не отказывался от «экономической независимости» даже ради политической свободы. Ясно, что такую идеологию можно назвать только реакционной. Мы хорошо знаем, что нигде в мире мелкий собственник не является экономически независимым, а почти всегда находится в сильной зависимости от крупных собственников, от всей системы государственного управления. Следовательно, Кривенко и К⁰ определенно тащили революционную мысль назад, в противоположность тем революционерам, которые видели, что нарождается рабочий класс, которые хотели итти к рабочим и начинали понимать, что дело идет о создании нового революционного класса, не имеющего собственности и не связанного поэтому никакими путами.

Михайловский. Впрочем, не только писатели, явно стоявшие на правом крыле народничества, но даже такой властитель дум, как Михайловский, и тот договорился до того, что в споре с марксистами с торжеством заявлял: в России не может быть рабочего движения в западно-европейском смысле этого слова потому, что у нас, видите ли, нет рабочего класса, потому что рабочий связан у нас с деревней, он—землевладелец, всегда может уйти к себе домой и потому-де не боится безработицы.

Короленко. Михайловский, как известно, возглавлял группу «Русского Богатства», к которой принадлежал и Короленко. И, может быть, на примере последнего лучше всего показать, что к началу 80-х годов и позднее известная часть народничества более или менее открыто сливалась с буржуазно-либеральным лагерем. Я умышленно называю

Короленко, потому что, как личность, он пользовался и пользуется заслуженными симпатиями всех, кто читал его художественные произведения. И потому как-то трудно сразу примириться с мыслью, что он не был революционером, а принадлежал к буржуазно-либеральному лагерю народничества. А между тем, это, несомненно, так. Как художник, Короленко является, бесспорно, одной из крупнейших величин нашего времени, и еще много десятков лет мы будем зачитываться его превосходными книгами. Но, как политик, Короленко был не чем иным, как либералом. В начале империалистической войны он выступил с брошюрой в ее защиту. Мало того, ныне, после его смерти, опубликована его переписка, из которой выясняется, что в самом кружке «Русского Богатства» он занимал правое крыло на правом крыле и без того правой народнической группы. В этом кружке, как теперь известно из писем Короленко, возник страстный спор, можно ли сотрудничать в кадѐтской «Речи», органе Милюкова; и вот, писатель, горячо доказывая, что в «Речи» следует сотрудничать, не подчинился постановлению большинства его единомышленников и работал в этой газете, потому что чувствовал свою солидарность с этой либеральной группой.

Два крыла народничества.

Таким образом, мы должны всегда иметь в виду, что народничество, будучи явлением в высшей степени разнокалиберным и пестрым—от анархизма до либерализма (среди народников были люди с анархическим налетом, высказывавшиеся против политической борьбы и защищавшие этот взгляд именно доводами анархизма)—мы должны всегда иметь в виду, что в лагере народников были два крыла: одно—революционное, а другое—нереволюционное, оппортунистическое, либеральное. Но и революционное крыло народников не было пролетарским, не было коммунистическим и не думало о пролетарской революции: оно было революционным лишь в том смысле, что хотело революционного низвержения самодержавия.

Вопрос о терроре также сыграл не малую роль в спорах марксистов и народников. Революционное крыло народничества пришло, со второй половины 70-х годов,

к выводу о необходимости применять против представителей самодержавной России индивидуальный террор, чтобы развязать, таким образом, революцию и двигать дело освобождения вперед. Марксисты, вначале лишь очень робко,—например, в первой, написанной Плехановым, програме 1885 г., — отмежевывались от терроризма народников. Но с того момента, когда начала складываться рабочая партия, они решительно выступили против индивидуального террора. В то время народники, а еще позднее — эсеры, пытались представить дело так, будто мы, марксисты, против террора потому, что мы, вообще, не революционеры, что у нас не хватает темперамента, что мы боимся крови, и т. д. Ныне, после нашей великой революции, едва ли кто-нибудь станет нас обвинять в этом. Но в то время, на лучшую часть молодежи, на студенчество, на многие более горячие головы из рабочих—этот аргумент действовал, подкупая в пользу народников революционные элементы.

Отношение марксистов к террору.

На самом деле марксисты в принципе никогда не были против террора. Они никогда не становились на почву христианского завета: «не убий». Напротив, не кто иной, как Плеханов, неоднократно повторял, что не всякое умерщвление есть убийство, что убить гада—не значит совершить преступление. И он не раз приводил огненные стихи Пушкина против царей:

Самовластительный злодей,—
Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей—
Я с злобной радостью увижу...

Марксисты подчеркивали, что они—сторонники насилия и считают его революционным фактором. На свете слишком много такого, что можно уничтожить только оружием, огнем и мечом. Марксисты высказывались за массовый террор. Но они говорили: убийство того или другого министра не изменит дела: надо поднимать *массы*, организовывать *миллионы* людей, просвещать *рабочий класс*. И только тогда, когда он сорганизуется, только тогда пробьет решительный час, ибо тогда мы будем употреблять террор, не в розницу, а оптом; тогда мы прибегнем к вооруженному

восстанию, которое, в 1905 г., впервые стало в России фактом, а в 1917 г. привело к победе.

Но в то время вопрос о терроре, до некоторой степени, спутывал карты, придавая части народников ореол партии более революционной, чем марксисты. Народники говорили, что вот, мол, один идет убивать министра, а другой всего только собирает кружки рабочих и обучает их политической грамоте; не ясно ли, что тот, кто убивает министра,—революционер, а тот, кто просвещает рабочих,—просто «культурник». На некоторое время это обстоятельство осложняло борьбу марксистов с народниками. Но ныне, обозревая этот спор исторически, мы должны отвести в сторону все, что сыграло в нем лишь эпизодическую, более или менее случайную роль, и взять то главное, что отделяло нас от народников. А это главное заключалось, в конце концов, в оценке роли рабочего класса.

Тут мы должны, прежде всего, осветить вопрос о гегемонии пролетариата, так как этот основной, узловой вопрос определяет всю дальнейшую историю нашей партии, борьбу большевизма с меньшевизмом, борьбу Горы с Жирондой.

Вопрос о гегемонии пролетариата.

Слово «гегемония» означает верховенство, руководящую роль, первенство. Гегемония пролетариата означает, стало быть, руководящую роль пролетариата, его первенство. Само собою понятно, что до тех пор, пока в России пролетариата, как класса, вообще, не было, не могло быть и спора о гегемонии пролетариата. Нельзя было пререкаться о руководящей роли несуществующего класса. Но прозорливость марксистов в том и заключалась, что в тот момент, когда пролетариат только начал зарождаться, когда он еще не представлял собою крупной силы, они увидели и поняли, что этот рождающийся класс будет в революции руководящим, верховным и первенствующим, что он будет основной силой грядущей революции и возьмет на себя руководство крестьянством во всей предстоящей борьбе. И, в сущности говоря, весь спор марксистов с народниками,—в особенности, во вторую половину его, в 80—90-х годах,—сводится к вопросу о гегемонии пролетариата.

Отцами идеи гегемонии пролетариата были Плеханов и Ленин. На первом съезде II Интернационала, на международном конгрессе в Париже, в 1889 году, Плеханов сказал, буквально, следующую фразу: «Русская революция восторжествует, как революция рабочего класса, или не восторжествует вовсе». В наши дни эта истина может нам показаться банальной и общеизвестной. Всякому ясно, что рабочий класс—основная сила в нашей революции, которая могла окончательно восторжествовать только как рабочая, или не восторжествовала бы совсем. Но перенеситесь в обстановку конца 80-х годов, когда рабочей партии, как таковой, не существовало, когда рабочий класс только еще зарождался, когда на авансцене русского революционного движения были народники, которые даже в лице такого дальновидного человека, как Михайловский, они радовались тому, что рабочего движения в России не существует, и говорили, что в западно-европейском смысле его у нас не будет. Перенеситесь в ту обстановку, и вы поймете, что слова Плеханова были, в некоторой степени, открытием. И если можно сказать, в известном смысле, что Маркс открыл рабочий класс в мировом масштабе, то можно (условно, конечно) сказать, что Плеханов открыл рабочий класс *в России*. Повторяю—условно. Не Маркс открыл, разумеется, рабочий класс. Он родился в Европе в процессе замены феодализма капитализмом; но Маркс объяснил его великую историческую роль, угадав ее еще в 1847 году, когда рабочий класс в Европе только зарождался, и начертал его будущую великую роль в освобождении народов, в мировой революции. Такую же роль, применительно к России, выполнил Плеханов, когда в 1889 году и раньше он доказывал, что рабочий класс в России родится и что он будет не просто одним из классов, а классом основным, руководящим, классом-гегемоном, классом-руководителем, который будет держать рычаг революции в своих руках. Идея гегемонии пролетариата является основным водоразделом во всех будущих спорах. И нам, когда мы будем излагать сущность борьбы большевизма с меньшевизмом, придется вернуться к ней еще не раз.

Спор Плеханова с Тихомировым о гегемонии пролетариата.

Плеханов, еще в другой форме, очень лапидарно, выдвинул тот же самый взгляд в споре со Львом Тихомировым, который одно время был самым блестящим деятелем «Народной Воли», одним из главных членов ее Исполнительного Комитета и лучшим писателем этой организации. Впоследствии, этот Лев Тихомиров кончил тем, что перешел на службу к царизму и был сотрудником Меньшикова, одного из самых неукротимых мракобесов. Но, повторяю, в годы расцвета своей деятельности Тихомиров был главным представителем «Народной Воли», и Плеханову пришлось скрестить шпагу, прежде всего, с ним. Дело было так. Когда, несмотря на все предсказания народников, рабочие стали всетаки появляться в городах, и в первую голову в тогдашнем Петербурге, а народники начали убеждаться в том, что рабочие всетаки очень восприимчивы к революционной пропаганде и что с ними надо считаться, тогда Тихомиров выдвинул, в виде компромисса, формулу: Мы (народовольцы) согласны вести пропаганду также и среди рабочих и не отрицаем, что они *очень важны для революции*. Плеханов подхватил эти слова и, со свойственным ему блеском, повернул их против противника. Он написал, по этому поводу, блестящую статью против народников и пустил в них несколько стрел, весьма удачно попавших в цель. Он писал, что самая постановка ими вопроса о пользе рабочих «для» революции показывает, что они не понимают исторической роли рабочего класса; что формулу эту надо перевернуть, если хотят видеть ее правильной; он писал, что говорить, будто рабочие важны «для» революции.—нельзя, что надо сказать: *революция важна для рабочих*. Вы рассуждаете,—говорил он, обращаясь к народникам,—так, будто человек для субботы, а не суббота для человека. Мы же утверждаем, что рабочий класс есть класс основной, класс-гегемон, и что ему, только ему, удастся опрокинуть капиталистический строй и объединить вокруг себя крестьян и, вообще, все оппозиционные элементы. Поскольку вы, народники, смотрите на рабочий класс, как на нечто подсобное, вы обнаруживаете, что для вас его руководящая роль—книга за семью печатями и что вы не в состоянии ее понять. Таким образом, надо сказать по всей справедливости, что одним из

первых в России идею гегемонии пролетариата формулировал Плеханов. И, поскольку он впоследствии поддерживал меньшевиков, постольку он наносил жестокие удары своему прошлому, отрекаясь от проповеди, которая вошла блестящими страницами в историю русского революционного движения.

Ленин — один из отцов идеи гегемонии пролетариата.

Другим отцом гегемонии пролетариата был Ленин, сумевший в разных положениях, при небывало трудных и сложных обстоятельствах, в течение трех десятилетий, донести эту идею до нынешних дней. Впервые Ленин формулировал ее в одном очень интересном сочинении, которое только теперь, через две-три недели, выйдет в свет. В 1894 году он написал свою первую крупную революционную работу, озаглавленную им: «Кто такие друзья народа и как они борются с социал-демократами». (Не забывайте, что социал-демократами тогда назывались все мы.) Это сочинение Ленина, как я сказал, не смогло тогда увидеть свет. Только совсем недавно, несколько недель тому назад, его удалось разыскать частью в архивах департамента полиции, частью в заграничной охранке—в частности, в Берлине. Это целая книга, обнимающая почти 15 печатных листов. Книга Ленина, разбирающая по косточкам заблуждения народников, кончается замечательными словами. Доказав, что восходит новая звезда — рабочий класс и что это будет класс-освободитель, класс-гегемон, главная сила и основная пружина революции, Ленин говорит, приблизительно, следующее: Сейчас русские рабочие еще не понимают роли рабочего класса, как гегемона, или же ее понимают только отдельные единицы; но придет время, когда эту роль поймут все передовые рабочие России. И, когда это случится, русский рабочий класс, ведя за собою крестьянство, приведет Россию к коммунистической революции. Это сказано в 1894 году. Согласитесь, что теперь, спустя 30 лет, читаешь эти слова с некоторым изумлением. Даже терминология—пролетариат, который ведет за собою крестьянство, — даже эпитеты, характеризующие нашу революцию, как коммунистическую,—все это целиком содержится в заключительных строках этой исторической работы Ленина. И, как мы увидим дальше, он за-

щищал эту идею на протяжении 30 лет, при всех обстоятельствах: менялась обстановка, но основная оценка пролетариата, как гегемона будущей революции, у Ленина и у большевиков не менялась никогда. [1])

Легальный марксизм.

Надо, однако, сказать, что, подобно тому, как в народничестве было два направления, так и в марксизме тогдашнего времени было тоже два течения. В нашем изложении должна занять изрядное место глава о легальном марксизме.

В середине 90-х годов, в нашей стране, на фоне уже известного оживления рабочего движения и политической борьбы, вообще, впервые возникло течение, названное легальным марксизмом. Если нелегальный марксизм родился в России в 1883 году, когда появилась «Группа Освобождения Труда», то легальный марксизм родился лет на 12 позже. Только через 10 слишком лет после образования Плехановым упомянутой группы, в России стало возможным появление легального марксизма. И вот, в этом легальном марксизме было тоже, по крайней мере, два основных течения.

Одно из них возглавляли Плеханов и Ленин, а другое—Струве, Туган-Барановский и др. В этом отношении два литературных произведения имеют решающий характер. Это, с одной стороны, известная книга Струве «Критические заметки», вышедшая в 1894 году, а, с другой—та книга Ленина, которую я сейчас назвал: «Кто такие друзья народа». (Последняя, несмотря на то, что она не была до сих пор опубликована и не имела широкого массового читателя, все же проникла в кружки марксистов и первых рабочих-революционеров и сыграла свою историческую роль.)

Струве раньше и теперь

Кем был тогда Струве? Он был в то время молодым, но уже подававшим надежды литератором, который называл себя марксистом, вел борьбу с Михайловским, считал себя членом нашей партии и стал впоследствии автором мани-

---

[1]) В виду громадной важности вопроса о гегемонии пролетариата, мы даем, в «Приложениях», статью Г. Зиновьева, в которой этот вопрос освещен более подробно.

феста ее первого съезда, в 1898 году. Словом, он был тогда марксистской звездой первой величины. Кто такой Струве сейчас? Вы это знаете. Он сделался, перед 1905 годом, редактором нелегального буржуазно-либерального журнала «Освобождение», выходившего заграницей, в Штутгарте. Затем он стал одним из вождей кадетской партии, на-ряду с Милюковым, заняв место на ее правом крыле. Еще позже он сделался убежденным монархистом и контр-революционером, а в годы торжества Столыпина—его бардом. После Февральской революции он сразу занял место на крайнем правом крыле кадетской партии, а затем сыграл роль (и очень большую) среди белой эмиграции, в правительстве Деникина, Врангеля и др. Сейчас Струве находится за границей, являясь одним из виднейших идеологов контр-революции. Превращение, как видите, на редкость.

Скажу, кстати, что на протяжении моего изложения вы увидите не мало крупных личностей, проделавших путь от левого крыла революционного движения до правого контр-революционного лагеря. Достаточно назвать, кроме Струве, Чайковского, о котором я говорил в моей прошлой лекции, Тихомирова, ухитрившегося докатиться от «Народной Воли» к подножию царского трона, Плеханова, который, начав с основоположника идеи гегемонии пролетариата, кончил свои печальные дни в положении правого меньшевика-оборонца, и, наконец, Брешковскую, начавшую свою революционную деятельность на левом крыле революционеров-народников и кончающую свои дни тоже в свите буржуазной контр-революции.

Все эти эволюции и метаморфозы — не случайны. В тот период страшной ломки, которую пережила наша страна, когда, на протяжении 12 лет, мы имели три больших революции, было неизбежно, что отдельные личности терпели крах. Под ярмом царизма, под этой могильной плитой, придавившей всю страну, было неизбежно, что некоторые считали свое место не там, где оно было в действительности, что они случайно попадали в ту или другую партию, а когда наступал решающий момент, часто оказывались в другом лагере. Так случилось и с ле-

гальным марксизмом. Целое его крыло оказалось потом вожаком буржуазной контр-революции в России.

«Критические заметки» Струве.

Книга Струве «Критические заметки» была целиком направлена против народничества. Она была посвящена, в сущности говоря, одной теме: быть или не быть в России капитализму. Струве был прав в своей критике народников, когда писал: Напрасно вы мечтаете о какой-то самобытной России, об экономически независимом мелком собственнике. Нет, снимите ваши народнические очки: смотрите—Россия идет вперед, в ней возникают фабрики и заводы, появляется городской промышленный пролетариат. Капитализм в России неизбежен. Россия пройдет через него.—В этой части Струве, как и Туган-Барановский, был прав, сходясь с Лениным и Плехановым. Действительно, в то время очередная задача заключалась в том, чтобы доказать неизбежность нарождения в России рабочего класса, крупных фабрик и заводов; надо было доказать, что капитализм идет и что он имеет и свою прогрессивную сторону, о чем мы, марксисты, всегда имели смелость говорить, утверждая и до сих пор, что, по сравнению с крепостничеством или с допотопным феодальным строем, капитализм есть шаг вперед. Капитализм ломает рабочим кости, эксплоатирует их и, в известном смысле, уродует; это верно,—но капитализм создает мощные фабрики и заводы, электрифицирует страны, поднимает сельскую промышленность, создает пути сообщения, пробивает стену крепостничества, и постольку он прогрессивен.

Задача революционных марксистов была двоякая. Им нужно было, с одной стороны, положить на обе лопатки народников, доказывавших, что капитализма не будет, и уверявших, что капитализм—это только чумазый, грех, зло, исчадие ада, и что мы должны бежать от него, как от огня. С другой стороны, революционным марксистам того времени было необходимо, при первых же проблесках капитализма, при самом зарождении рабочего класса, начать организовывать его и создавать рабочую партию. И вот Струве, очень хорошо разрабатывая первую задачу, совершенно «забывал» о второй. Он убедительно доказывал, что капитализм неизбежен, что он идет, что он

уже пришел и что у него есть своя прогрессивная сторона; но он упускал из виду нашу основную задачу, что, раз капитализм пришел, раз рабочий класс появился, то надо немедленно начать организовывать рабочих, создавать свою рабочую партию уже в самой царской России и подготовлять ее к боям не только против царя, но и против буржуазии. Книга Струве «Критические заметки» кончалась знаменательной фразой. Он писал: Итак, признаем свою некультурность и пойдем на выучку к капитализму. Сравните этот финальный аккорд Струве в 1895 году с заключением из книги Ленина: «Кто такие друзья народа» — в 1894 году. Ленин также бил по народничеству, доказывая, что капитализм идет, что он пришел, что он неизбежен, что этот этап необходим, что капитализм подготовляет торжество рабочего класса; но, вместе с тем, он давал в конце своей книги прогноз, предсказание, которое теперь оправдалось и заключалось в том, что русские рабочие поймут роль рабочего класса, как гегемона, и, поняв это, поведут за собою крестьянство и приведут Россию к коммунистической революции. Такова была в те времена «маленькая» разница между Лениным и Струве. И все же, отношения были при господстве царизма настолько запутаны, что люди, столь резко расходившиеся по существу, в те годы считались, тем не менее, единомышленниками и были в одном лагере. Одни давали лозунг: «Пойдем на выучку к капитализму!». Другие говорили: «Будем поднимать рабочий класс, пролетариат-гегемон, чтобы повести Россию к пролетарской революции!». И все шли вместе, одной, как будто, фалангой, одним фронтом против народничества. Повторяю, это было неизбежно в ту пору весьма неясных, недифференцированных общественных отношений. Но это наложило неизгладимую печать на все дальнейшее развитие нашей партии.

Плеханов, как теоретик, и Ленин, как политический деятель.

Из других литературных произведений надо упомянуть еще книгу Плеханова (Бельтова), выпущенную им в 1895 году: «К развитию монистического взгляда на историю». В этом труде Плеханов показал себя с самой блестящей стороны, дав народничеству бой, главным образом, на другой арене — на философской и выступив в защиту

материализма. Мне кажется, что многие наши современные доценты, вместо того, чтобы с чванством полузнаек «критиковать» Плеханова, как они это обычно делают, поступали бы умнее, если бы они *излагали и толковали* новому поколению эту замечательную книгу, на которой учились целые поколения марксистов, учась из нее понимать основы воинствующего материализма. Политическая сторона никогда не была особенно сильной у Плеханова. Он был теоретик. Он был тогда признанным идейным вождем партии, даже целого поколения марксистской интеллигенции и марксистских рабочих. Ленин был моложе его; он только начинал работать. И вот, оглядываясь назад, мы ясно видим теперь, как, со второй половины 90-х годов, установилось вначале как бы известное разделение труда между Плехановым и Лениным. Оба они об этом никогда не договаривались, но фактически это было так. Сильной стороной Плеханова была теоретическая сторона, и он брал на себя философские бои с противником, в каковой области он был и останется несравненным мастером. Молодой же Ленин, с первых своих произведений, сосредоточил все свое внимание на социально-политических вопросах, на организации партии и рабочего класса. И в этом смысле они друг друга одно время дополняли.

Надо еще упомянуть книгу Ленина, написанную им в ссылке: «О развитии капитализма в России», в которой он впервые выступил как крупный экономист. В этом труде он разбирает социальные отношения в России и доказывает с замечательной ясностью и научностью бесспорное развитие капитализма в России.

Борьба Ленина со Струве.

Таким образом, в легальном марксизме наметились с самого начала два направления. Ленин раскритиковал книгу Струве «Критические заметки» и другие его выступления в сожженном «Марксистском сборнике», который тоже не вышел в свет. (Его статья по этому поводу, под псевдонимом «Тулин», вошла в собрание его сочинений, и вы можете ее прочитать.) Ленин был одним из первых, который, идя рука об руку со Струве, всетаки чувствовал, что союзник это не совсем надежный. В те годы, когда Струве был одним из самых блестящих представителей

легального марксизма в России, возражать против него было довольно трудно, но Ленин все же сделал это. Уже в упомянутой статье, за подписью «Тулин», он, разбирая легальные произведения Струве, упрекал его уже в то время в самом серьезном грехе. Он как бы говорил ему: Ты видишь одну сторону явления; ты видишь, что капитализм идет, что он бьет общину и крепостничество, — но ты не видишь другой стороны явления, не видишь, что наша задача не в том, чтобы на основе появления капитализма пойти к нему на выучку, а в том, чтобы организовать сейчас же свой класс, рабочий класс, который сумеет разбить самодержавие царя и двинуться затем против самодержавия капитала... В сущности, здесь можно опять сказать, что основной спор между этими двумя группами в одном и том же лагере легального марксизма сводился к спору о гегемонии пролетариата, к вопросу о том, сыграет ли пролетариат, как класс, руководящую роль в революции, поведет ли он действительно такую борьбу, которая кончится победой рабочего класса и уничтожением капитализма, или же он будет итти только в упряжке рядом с другими оппозиционными силами и остановится на победе над самодержавием, т.-е. на том, чтобы в России учредить буржуазный строй.

На этом фоне происходит образование рабочей партии в России.

Если вы взглянете на другие страны, хотя бы на Германию, если вспомните историческую работу Лассаля, то увидите, что в этой стране буржуазным партиям удалось овладеть значительной частью рабочих раньше, чем последние создали свою партию. Лассаль начал с того, что высвобождал из-под влияния буржуазных партий рабочих—те первые их слои, которые буржуазия успела завоевать, и перетягивал их на сторону рабочей социалистической партии. И то, что происходило в Германии,—явление не случайное. Буржуазия всюду складывалась, как класс, раньше, чем пролетариат, и всюду она имела свои партии, своих идеологов и свою литературу раньше, чем пролетариат, стараясь увлечь часть рабочих за собою, за своей партией.

В России это явление тоже было, но в весьма своеобразной форме. Несмотря на то, что буржуазия, как открытая политическая сила, стала складываться у нас позже, тем не менее и у нас тоже мы видим, что первые рабочие кружки, первые рабочие революционеры были увлечены не в сторону рабочих партий, а в сторону народнической партии, которая, в конечном счете, была хотя буржуазно-демократической, но все же буржуазной партией. Ленину тоже приходилось начинать, в известной мере, с того же, с чего начал Лассаль в Германии. Обстановка, конечно, была другая, идеологическая борьба носила иные формы, но суть вещей была во многом та же. Пришлось начать с того, чтобы отвоевать отдельные группы рабочих, которые заблудились и попали не в рабочие, а в народнические партии, по сути вещей буржуазные, а затем, отвоевав эти группы, начать строить вместе с ними рабочую партию. Таким образом, если мы будем иметь в виду два течения в народничестве, с одной стороны, и два течения в легальном марксизме, с другой, то перед нами будет та идейная канва, на основе которой начала создаваться рабочая партия в России.

А теперь, после всего сказанного, я могу перейти к моей непосредственной теме—к истории партии в собственном смысле.

Утробный период партии.

В своей книге «Что делать?», о которой мне придется еще говорить, тов. Ленин писал, что наше движение, с начала 80-х и 90-х годов, являлось как бы утробным периодом партии. В это десятилетие рабочий класс как бы еще вынашивал своего будущего ребенка—рабочую партию. Еще только возникали первые кружки, которые были очень непрочны, то распадаясь, то возрождаясь, и начинались первые крупные идейные бои за самостоятельность рабочей партии, за идею пролетариата-гегемона.

В первой половине 90-х годов партия строится уже на основе массового рабочего движения, и этот период можно рассматривать, как ее детство и юность. Вместе с тем, возникает забастовочное движение, которое быстро растет, как это видно из следующих цифр. С 1881 до 1886 г. было всего 40 стачек, в которых участвовало 80 тысяч рабочих.

С 1895 до 1899 г. стачечное движение охватывает уже почти полмиллиона—450 тысяч—рабочих, т.-е. число забастовщиков увеличилось, примерно, в 6—7 раз. В Петрограде забастовочное движение было довольно значительным в 1878-м году. С начала 80-х годов оно принимает еще более крупные размеры, а в средине 90-х годов забастовка охватывает сразу до 30 тысяч рабочих текстильного производства.

Первые рабочие социал-демократические кружки в Петрограде.

На этой основе начинают возникать рабочие *социал-демократические* кружки. Первый такой кружок был создан Благоевым, болгарином по происхождению. В 1887 г. он был студентом в Петрограде, где тогда учились многие болгаре. Вместе с другими товарищами, имена которых сохранились—Герасимовым и Харитоновым,—он объединил вокруг себя группу единомышленников, основав первый в Петрограде социал-демократический кружок, который сыграл не меньшую роль, чем «Северно-русский рабочий союз», основанный Халтуриным. Благоев жив до сих пор. Он—лидер болгарской коммунистической партии и один из основателей III Интернационала.

«Союзы борьбы за освобождение рабочего класса».

Особенно был богат событиями 1895 г. Я уже указывал, что в том году появился целый ряд книг, которые были не просто книгами, а вехами на пути к созданию рабочей партии. Этот год замечателен еще тем, что тогда был основан в Петрограде «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В сущности, это был, можно сказать, первый губком нашей партии. Союзы борьбы за освобождение рабочего класса создались впоследствии и в ряде других городов: в 1895 г.—в Иваново-Вознесенске, в 1896 г.—в Москве. Эти союзы были первыми крупными социал-демократическими организациями, легшими в основу нашей партии, а первый, петроградский, насчитывал в своих рядах не мало замечательных людей и, прежде всего, самого тов. Ленина, который его организовал. К нему принадлежали также: С. И. Радченко, Кржижановский, работающий теперь над электрификацией Советской России, Ванеев, Старков, Мартов, который, как вы знаете, теперь меньшевик, Сильвин (большевик), рабочий Путиловского завода Б. Зиновьев, о судьбе которого я, к сожа-

лению, ничего не знаю, рабочий Обуховского завода Шелгунов, член нашей партии, который жив до сих пор, но, к несчастью, ослеп, и, наконец, рабочий Александровского чугунно-литейного завода И. В. Бабушкин, расстрелянный в 1905 г. в Сибири отрядом Ренненкампфа,—один из первых большевиков, человек, к которому тов. Ленин сохранил глубокую симпатию, как к одному из самых выдающихся представителей первого поколения рабочих-марксистов.

Провинциальные с-д. рабочие кружки.

В это же время по всей России были разбросаны многочисленные кружки, пытавшиеся объединиться и имевшие значительное влияние во многих городах. В книге Мартова вы найдете (у него удивительная память на имена) длинный перечень руководителей тогдашних кружков. Они заслуживают, чтобы я их прочитал: Красин—в Петрограде,—тот самый, который является теперь нашим виднейшим работником; Федосеев—во Владимире, Мельницкий—в Киеве, Алабышев — в Ростове на Дону, Гольдендах (Рязанов), Стеклов и Цыперович—в Одессе, Кремер, Айзенштадт, Косовский и другие—в Вильне, Хинчук—в Туле. Тов. Хинчук был сначала одним из основателей партии, затем ушел к меньшевикам и был членом их центрального комитета, затем он был первым председателем московского меньшевистского совета, после чего перешел в ряды нашей партии; сейчас он—руководитель кооперации. Что касается Кремера, Айзенштадта и Косовского, то они были основателями Бунда, о котором я должен сказать несколько слов.

«Бунд».

В настоящее время слово «Бунд» очень мало известно рабочим наших крупных городов, но когда-то в революционном лагере оно было весьма популярным. Бунд означает по-еврейски *союз*, — в данном случае союз еврейских рабочих Польши и Литвы. Он был основан в 1897 году, за год до первого съезда нашей партии. Его вызвало к жизни сильное, даже бурное движение среди еврейских ремесленников в Польше и Литве, движение, опередившее на несколько лет рабочее движение в Петрограде и в Москве. На это были свои особые и вполне достаточные причины. Дело в том, что еврейским рабочим и ремесленникам приходилось в то время стонать под

игом не только капитализма, экономической эксплоатации, но еще под ярмом национального гнета. В силу этого обстоятельства, еврейские рабочие и ремесленники революционизировались раньше, чем рабочие других городов, и сумели создать раньше других массовую рабочую организацию, объединившись в союз, получивший название Бунда.

Из недр этой еврейской рабочей организации вышло не мало героев-одиночек, не мало крупных деятелей. Достаточно назвать еврейского рабочего Лекерта, убившего виленского полицмейстера фон-Валя, и вспомнить целый ряд деятелей еврейского рабочего движения, которые находятся до сих пор в рядах нашей партии и принимали участие в ее организации.

Основанный, как я уже сказал, в 1897 году, Бунд одно время был, в течение двух-трех лет, самой мощной и многочисленной организацией нашей партии. Но затем, когда проснулись наши крупнейшие города—Петроград, Москва, Иваново-Вознесенск и Орехово-Зуево, — когда поднялись глубокие пласты русских рабочих, тогда небольшой отряд еврейских ремесленников, занимавший раньше, в известном смысле, авансцену, должен был, конечно, отойти на второй план. Но как бы то ни было, во второй половине 90-х годов движение еврейских рабочих было очень значительно и роль Бунда в партии очень велика. Достаточно сказать, что главным организатором первого съезда нашей партии в 1898 году был Бунд. И совсем не случайно этот съезд был в Минске, в городе еврейской черты оседлости, на территории деятельности Бунда. Между прочим, видя, что еврейские рабочие и ремесленники играли некоторое время роль застрельщиков, черносотенная печать подняла, как вам не безызвестно, бешеную травлю и долгие годы доказывала, что виновниками революционного движения в России являются исключительно евреи.

Ныне, обозревая историю нашей партии, уже выросшей в мощную организацию, мы обязаны, кажется мне, вспомнить о смелых еврейских ремесленниках и рабочих, которые поднявшись первыми на борьбу, помогали нам класть первые кирпичи здания нашей партии.

Первый съезд партии.

А теперь вернемся к Союзам борьбы за освобождение рабочего класса. Из представителей этих союзов, находившихся в Петрограде, Москве, Иваново-Вознесенске, Киеве и др. городах, а также из делегатов Бунда и отдельных групп, издававших тогда рабочие газеты, был созван в Минске, 1-го марта 1898 года, первый съезд нашей партии, на котором было девять представителей. Мы можем их назвать по именам. От «Рабочей Газеты» были Эйдельман и Вигдорчик. (Оба живы; первый—большевик, а второй—увы!—правый меньшевик.) От петербургского союза борьбы прибыл С. И. Радченко, умерший в 1912 году. (Брат его, И. И. Радченко,—жив и работает в нашей партии.) От киевского союза был Тучапский, который, если не ошибаюсь, также умер. От московского союза—Ванновский. От екатеринославского—Петрусевич. От Бунда—Кремер, Косовский и Мутник. Что касается последнего, то о нем я не могу ничего сказать; Кремера же и Косовского я знавал лично. (Они—увы!—правейшие из правых меньшевиков.)

Таков был состав этого первого съезда, пытавшегося выполнить работу по созданию партии. Съезд выбрал центральный комитет, назначил редакцию центрального органа и выпустил воззвание, написанное, как я вам сказал, не кем иным, как П. Б. Струве, тем самым, который является теперь злейшим врагом рабочего класса. Я советую вам прочитать этот документ, который вы можете найти во многих книгах, а также, в виде приложения, в «Очерках по истории социалдемократии в России», Н. Батурина.

Не могу отказать себе в удовольствии прочитать пару выдержек из этого воззвания. Струве, давая характеристику международного положения, писал, между прочим, следующее о революции 1848 года, пятидесятилетие которой исполнилось, как раз, в 1898 году.

Пятьдесят лет тому назад, над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года. Впервые на сцену выступил, как крупная историческая сила, современный рабочий класс. Его усилиями буржуазии удалось смести многие устарелые феодально-монархические порядки. Однако, она быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Но было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через десять—пятнадцать лет снова появился на исто-

рической сцене, но с удвоенными силами и с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение...

Далее Струве описывает предательскую роль международной буржуазии и переходит к оценке роли русской буржуазии. И—что особенно интересно—он говорит, буквально, следующее:

Чем дальше на восток Европы (а Россия, как известно, есть восток Европы), тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем бо́льшие культурные и политические задачи выпадают на долю пролетариата.

Я думаю, что Петру Струве можно многое простить за эти пророческие слова. Ведь оказалось, что он писал их о себе, о своем классе. Нам остается только повторять вслед за ним, что «чем дальше на восток, тем слабее, трусливее и подлее становится в политическом отношении буржуазия». И никто так ярко этого не доказал, как сам П. Б. Струве.

Экономизм. К концу 90-х годов, ко времени первого съезда партии, начинают обнаруживаться два течения, уже не только на литературной арене, но и в самом рабочем движении, в самой тогдашней, пусть мало оформленной, социал-демократической партии. Одно из них получило название экономизма, и я попытаюсь вкратце его очертить. Для начала скажу, что экономизм был тесно связан с борьбой тех направлений, которые наметились в легальном марксизме. А если выразить совсем кратко суть экономизма и того спора, который шел между революционерами-марксистами того времени, сторонниками политической борьбы, искровцами, будущими ленинцами, с одной стороны, и экономистами—с другой, то придется сказать, что и здесь, как и раньше, все сводится к вопросу о роли пролетариата в революции, к вопросу о гегемонии пролетариата. Эта идея служит, в течение 30 лет слишком, основным водоразделом, вставая перед нами в различной обстановке и в разных формах. В 1917 г. она развела нас с меньшевиками по разным сторонам баррикады; в 1895 г. она вылилась в чисто литературную схватку, а в 1898—1900 г.г. решалась в междупартийной борьбе... И вот, присматриваясь к фактам, вы увидите, что между сторонниками экономизма и представителями правого крыла легального марксизма, будущими строителями меньшевистской партии, есть и лич-

ная связь. Это одно и то же ядро: от легального марксизма, через экономизм, к меньшевизму, потом—к ликвидаторству, а затем к тому, что мы имеем сейчас, когда меньшевики явно перешли в лагерь буржуазии. Это—одна логическая цепь. Вопрос о пролетариате-гегемоне настолько важен, что всякому, кто сделал в нем ошибку, она не пройдет безнаказанно. Всякий, кто в этом вопросе споткнулся, вынужден, по законам падения тел, катиться все ниже и ниже.

Источники экономизма.

Экономизм возник во второй половине 90-х годов, когда социал-демократия стала переходить от кружковщины, как тогда говорили, к агитации, к массовой работе. Что такое кружковщина? Из названия видно, что это был такой период, когда партия слагалась из отдельных, очень небольших пропагандистских кружков. Да и ничего другого в то время нельзя было сделать, потому собирать рабочих можно было лишь отдельными единицами. Но, когда движение стало разрастаться, тогда на фоне значительного стачечного движения, о котором я говорил, революционеры начали себе ставить новые, более крупные задачи. Они говорили: нельзя довольствоваться кружковщиной, надо перейти к массовой работе, к агитации; надо попытаться собрать не только одиночек-рабочих, но сорганизовать рабочий класс. И вот тогда-то, в этот очень важный момент, и родилось течение, названное «экономизмом». Почему ему дали такое название, я сейчас поясню.

Когда начали переходить к массовой организации рабочих, тогда вопросы экономической борьбы и непосредственного быта рабочих стали, вполне понятно, играть громадную роль. Кроме того, в период кружковщины шла только пропаганда, которую пришлось, разумеется, при массовой работе, заменить агитацией.

Замечу, кстати, что между агитацией и пропагандой есть разница. Плеханов схватил ее очень метко. Он сказал: «Если мы даем много идей небольшому числу людей, это—пропаганда; если мы даем одну идею большому количеству лиц,—это агитация». Это определение—классическое. В этом, действительно, отличие агитации от пропаганды.

В период кружковщины была пропаганда, т.-е. много идей, целое мировоззрение проповедывали небольшой группе людей; в период агитации, наоборот, одну основную идею об экономической подчиненности рабочего класса старались внушить многочисленным рабочим.

Итак, к тому времени мы перешли на экономические рельсы. Оно и понятно. Совсем не случайное явление, что одним из первых произведений Ленина была брошюра «О штрафах», которые налагали тогда на рабочих и работниц Петрограда за опаздывание, плохую работу и т. п. Эти штрафы и вычеты были тогда злобой дня, так как отнимали $^1/_5$, а иногда $^1/_4$ часть заработной платы. Поэтому, кто хотел живо затронуть массовика, должен был говорить о штрафах. Недаром первые листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», написанные тов. Лениным частью на свободе, частью когда он сидел в Крестах, были посвящены вопросу о кипятке или тем или иным непорядкам на заводах. В то время приходилось подходить к рабочим через элементарные, чисто азбучные вопросы, ибо только так можно было разбудить спавшего беспробудным сном массовика-рабочего, который, в значительной мере, был деревенским неграмотным человеком, не привыкшим к протесту и организованности. Отсюда ясно, почему марксисты того времени так подчеркивали экономический момент.

Но тут случился диалектический казус, часто наблюдаемый в ходе исторических явлений. Правильно подчеркивая экономический момент, часть деятелей, которые на деле были нам только попутчиками, будущими меньшевиками, перегнула идею экономизма в том смысле, что рабочие не должны вообще интересоваться ничем другим, а только узко-экономическими вопросами: все остальное рабочих, мол, не касается, они этого не понимают, и говорить с ними надо лишь о вещах, непосредственно их затрагивающих, т.-е. только об их экономических требованиях. И вот тогда-то и появилось слово «экономист». Так стали называть не специалистов экономической науки, а тех, кто стал доказывать, будто с рабочим ни о чем другом не надо толковать, как о кипятке, штрафах и тому подобных вещах. Экономисты дошли до того, что

стали отрицать даже необходимость борьбы с самодержавием. Они говорили: рабочий этого не поймет; мы отпугнем его, если придем к нему с лозунгом «долой самодержавие». Развивая и «углубляя» свои взгляды, экономисты выдвинули, наконец, такое «разделение труда»: политикой должна заниматься либеральная буржуазия, а борьбой за экономические улучшения—рабочие.

Деятели экономизма.

Если я вам назову лиц, которые состояли в числе руководителей этого течения, то вы увидите перед собою довольно старых знакомых. Это—Прокопович и Кускова, те самые, которые в прошлом году получили сокращенное прозвище «Прокукиш». В то время они были членами социал-демократической партии и принимали участие в легальном марксизме. В этом факте нет ничего случайного. Как Струве, так и многие деятели радикальной интеллигенции, из которой потом вылепилась буржуазная партия, входили тогда в социал-демократическую партию и числились среди рабочих вождей. Так вот, эти самые Прокопович и Кускова выступили, по поводу экономизма, со своим «credo», с символом веры, пытаясь доказать, что рабочим ввязываться в политику не следует, что это—занятие для либералов и оппозиционного буржуазного общества. Дело рабочих—уверяли они—очень маленькое: экономические требования. Мало того. В борьбе с Плехановым и Лениным, Прокопович и Кускова становились даже в позу настоящих рабочелюбцев. Они говорили: Настоящие друзья рабочих это—мы. Вот вы думаете о свержении самодержавия, о революционной политической борьбе. Да это вовсе не дело рабочих! Вы выдвигаете задачи буржуазно-демократического характера, а мы, истинные друзья рабочих, мы им говорим: самодержавие вас не касается,—вам надо думать о своем кипятке, о заработной плате, о рабочем дне.

В чем тут дело? Опять и опять в полном непонимании роли рабочего класса, как гегемона. Предложение марксистов совсем не в том, чтобы забывать о рабочем дне и заработной плате. Об этом помнили и тов. Ленин и Союз борьбы за освобождение рабочих. Мы, конечно, хотели поднять заработную плату и улучшить

жизнь рабочих, но этого для нас маловато; мы хотим, чтобы рабочий управлял государством, был его хозяином и руководителем. А потому — говорим мы — нет такого вопроса, которым не должен интересоваться рабочий класс. Тем более — вопросом о царском самодержавии, который касается его непосредственно. Мы стоим за гегемонию пролетариата и не позволим загнать рабочих в конуру мелких экономических требований. Так говорили противники «экономистов».

Прокоповича и Кускову поддерживали в России несколько групп, в том числе нелегальная газета «Рабочая Мысль», выходившая в Петрограде в 1896 году под редакцией Тахтарева, автора ценных исторических исследований по рабочему движению и одного из крупных его деятелей в 90-х годах. Вместе с ним, в «Рабочей Мысли», которая пользовалась тогда значительным влиянием среди петроградских кружков, участвовали Лохов-Ольхин и финляндец Кок. Этот орган и его руководители энергично защищали взгляд Прокоповича и Кусковой—что рабочий класс должен заниматься только непосредственно его касающимися экономическими вопросами и не вдаваться в политику.

Первый ответ на это направление дали Плеханов и Ленин. Первый сделал это в книжке, озаглавленной «Vademecum» (т.-е. путеводитель, справочник). В своем «Vademecum» Плеханов разбил наголову идеи Прокоповича и Кусковой и нанес несколько сильных ударов «Рабочей Мысли». Он доказывал, что тот, кто хочет оставить рабочим лишь жалкие крохи «экономики» и не желает, чтобы они занимались политикой, тот—не рабочий вождь.

Другой ответ, еще более меткий, был дан тов. Лениным. Последний находился тогда в сибирской ссылке и там, в далекой деревушке, он написал экономистам замечательный ответ, под которым собрал ряд подписей сосланных вместе с ним единомышленников. Тов. Ленин всегда отличался от Плеханова тем, что был, так сказать, «хоровым» человеком, стараясь, во всех случаях, выступать организованно. Этот ответ тов. Ленина обошел тогда все рабочие кружки. Брошюра т. Ленина «Задачи русской социал-демократии» вышла за границей с предисловием

нынешнего меньшевика Аксельрода, который, двадцать лет тому назад, не мог нахвалиться проявленной тогда Лениным прозорливостью. В этой брошюре тов. Ленин поставил вопрос о гегемонии пролетариата вполне конкретно и дал экономистам, противникам этой идеи, бой по всей линии.

Экономисты были окончательно разбиты в начале 900-х годов: примерно, в 1902 году их песенка была спета. Но между 1898-м и 1901-м годами они были, в известном смысле, властителями дум. В то время, благодаря им, рабочее движение находилось в величайшей опасности, так как лозунг экономистов, с внешней стороны, был очень соблазнителен для мало подготовленных рабочих, и их легко было поймать на эту удочку. И если бы в тот период Плеханов и Ленин, а потом практики русского рабочего революционного движения не дали боя по этой линии внутри рабочего движения, то, кто знает, на сколько лет оно было бы отвлечено на путь «экономизма», т.-е. оппортунизма.

Заграничный центр экономизма.

Мы видим на примере легального и нелегального марксизма (экономизм был нелегальным: царское самодержавие его преследовало, и он был вынужден издавать нелегальные газеты и листки) пути влияния либеральной буржуазии, которая, при тогдашнем соотношении сил, иногда даже прямо входила в рабочую партию, стараясь заразить ее ядом приспособленчества и отравой буржуазных идей. Они делают это то на литературной арене, как Струве в «Критических заметках» или как Туган-Барановский, то на организационной почве, как некоторые «экономисты», основавшие за границей «Союз русских социал-демократов» и издававшие журнал «Рабочее Дело», имевший значительное распространение. В состав редакции «Рабочего Дела» входили крупные деятели тогдашнего рабочего движения, как, например, Мартынов, который впоследствии стал видным меньшевиком и недавно перешел к нам, Акимов-Махновец, Иваньшин, Кричевский и другие. Они окопались за границей, создав там эмигрантский центр, а в России имели нелегальные газеты, кружки и комитеты, планомерно работавшие над тем,

чтобы все рабочее движение наклонить направо, толкнуть его в сторону умеренной политики и заставить рабочего думать только о своих узких экономических интересах. Идеологія их была весьма незамысловата, но крайне опасна: рабочий должен знать свое место, политикой не заниматься, царским самодержавием не интересоваться; он должен лишь работать над улучшением своего цехового положения и не тянуться вверх, предоставив это дело белой кости—либералам. Само собой понятно, что все это говорилось не в такой грубовато-открытой форме, а в более искусной и, очень часто, вполне искренней, потому что таким людям, как Мартынову, Теплову, Акимову-Махновцу или Тахтареву казалось, что так оно и должно быть. Идея эта, повторяю, была в высшей степени опасна, ибо она могла увлечь мало-искушенные массы, находившиеся в отчаянном экономическом положении. И если бы это случилось, то революция была бы отсрочена на много лет, и рабочему классу не удалось бы сыграть в ней самостоятельную роль.

Роль рабочего класса с точки зрения «экономизма» и большевизма.

Сторонники «экономизма» не признавали за пролетариатом роли гегемона. Они говорили: «Что же, по-вашему, рабочий класс—мессия?». На это мы отвечали и отвечаем: Мессия, мессианство это—не наш язык, мы не любим таких слов; но то понятие, которое в них вкладывают, мы принимаем: да, в известном смысле рабочий класс—мессия и роль его—мессианская, ибо это тот класс, который освободит весь мир. Рабочим нечего терять, кроме цепей; у них нет собственности, они продают свой труд; это—единственный класс, заинтересованный в переустройстве мира на новых началах и способный увлечь за собой крестьянство против буржуазии. Мы избегаем полумистических терминов—мессия, мессианство—и предпочитаем им научный: *пролетариат-гегемон*, т.-е. пролетариат, который не довольствуется увеличением ему заработной платы на 10% или сокращением рабочего дня на полчаса, а заявляет: Я—хозяин. Я создаю богатства для капитализма, который произвел меня на свою погибель. До поры до времени я работаю, как наемный раб, на капитализм, но пробьет час экспроприации экспроприаторов,

и наступит момент, когда рабочий класс возьмет власть в свои руки.

Гегемония пролетариата—власть советам.

Слово «гегемон»—иностранное. Ныне рабочие перевели его на русский язык: гегемония пролетариата означает, говоря современным стилем,—*власть советам*, власть рабочему классу. Этот лозунг подготовлялся годами и прошел через многолетнее горнило испытаний, выдержав жестокую борьбу не только с самодержавием и с кадетской партией (если говорить справа налево), не только с буржуазией и с народничеством, но также с правым крылом легального марксизма—с экономизмом, а впоследствии и с меньшевизмом. Вот почему идея гегемонии пролетариата—основной идейный фонд большевизма. Это—один из «китов», на которых стоит большевистская партия. И это должен продумать каждый сознательный сторонник коммунизма, если он хочет понять историю нашей партии.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

В сегодняшней лекции я коснусь пятилетия 1898—1903, т.-е. того периода, который лежит между первым и вторым съездами партии и который можно рассматривать, как преддверие первой революции 1905 г.

Студенческое движение.

Я говорил до сих пор о зарождении рабочего класса и о выделении им своей партии. Теперь необходимо остановиться на некоторых других явлениях и, прежде всего, на студенческом движении того времени. В общих чертах, оно развивалось следующим образом.

Рабочий сначала разбудил студента, а тот впоследствии поддержал рабочего. Хронологически, стачечное движение рабочих предшествовало демонстрациям и, вообще, политическому движению студенчества. Отсюда ясно, что именно рабочее движение вызвало к жизни студенческое, а не наоборот. Но и студенческое движение, в свою очередь, сильно способствовало, на определенном этапе, развитию рабочего движения.

Студент нынешний и прежний—совершенно различные люди. Было время (главным образом, во второй половине 90-х годов), когда понятие «студент» было синонимом понятия «революционер», ибо в ту эпоху учащиеся высших учебных заведений были настроены революционно или оппозиционно и поддерживали революционное движение рабочих. Сейчас мы себе представляем это с трудом, потому что за последние годы гражданской войны мы видели студента почти постоянно по другую сторону баррикады.

К 1923 г. положение несколько изменилось, так как в недрах студенчества обнаруживается, несомненно, какая-то новая эволюция.

Эволюция студенчества.

Если ее внимательно рассмотреть, то можно сказать, что студенчество развивалось «по Гегелю». Сначала у нас было студенчество сплошь революционное, целиком помогавшее рабочему классу; затем, с 1917 г. до 1920-го, мы имели как бы антитезу, когда студенческое движение шло целиком против рабочего класса и против революции; наконец, теперь мы как будто наблюдаем нечто вроде синтеза, когда значительная часть студенчества начинает, кажется, догадываться о своих обязанностях по отношению к трудящимся классам и, хотя бы одной ногой, вступает в лагерь революции.

Первая полоса упомянутого развития приходится на конец 90-х годов, когда студенчество всецело поддерживало тогдашнее рабочее движение. Недаром самодержавие считало студентов, на-ряду с рабочими, своими опаснейшими врагами. А когда студенты, углубляя свое движение, стали постепенно переходить от академизма к открытой политической деятельности, то царское правительство начало принимать против них свои меры.

Академическое движение того времени, в отличие от нынешнего, носило налет революционности. Ныне, *после* низвержения буржуазии, академизм, по сравнению с тем, что было до революции, приобретает другое значение. Конечно, во времена Ванновского и Плеве требование автономии университета было революционным и заслуживало, с этой точки зрения, поддержки; *даже* тогдашний академизм был движением, направленным против царского самодержавия. Совершенно иное значение приобретает так называемый академизм в наши дни, когда в стенах наших учебных заведений, как за баррикадами, пытаются отсидеться от пролетарской революции более или менее белогвардейские профессора и студенты.

Студенческая молодежь того времени, тесно связанная с либеральным и демократическим обществом, искала ту массовую силу, которая могла бы сокрушить самодержавие. И на каждом шагу студенты убеждались, что

такой силой является рабочий класс, что только он держит в своих руках тот молот, который обрушится на голову царизма. И студенчество, так или иначе, поддерживало рабочее движение того времени.

Борьба царизма со студенческим движением.

Царское правительство, видя стремление студентов сблизиться с рабочими, обрушило на учащихся тучу всяких скорпионов. Самой глупой мерой, которую тогда придумали, была сдача в солдаты оппозиционно настроенных студентов. Десятками и сотнями их хватали во время уличных демонстраций и на бурных студенческих сходках и отправляли в полки. Но это только подливало масла в огонь. Движение ширилось, росло, и, вместе с тем, студенческая молодежь, брошенная в казармы, зажигала и там искры недовольства, ведя пропаганду среди армии. На этой почве стало крепнуть среди студентов террористическое движение. Вскоре раздался выстрел Карповича в министра народного просвещения Боголепова, а потом Лаговский стрелял в Победоносцева. Боголепова сменил генерал Ванновский с его программой «сердечного попечения», над которой тогдашние студенты, конечно, смеялись.

Студенты и эсеры.

Тут важно отметить одно обстоятельство: студенты-террористы, связавшиеся впоследствии с партией эсеров, принадлежали раньше к социал-демократам. Своей террористической тактикой эсеры привлекли на свою сторону две группы студентов: с одной стороны, людей высокого мужества и безусловной искренности, как Балмашова, Карповича и Сазонова, которых тянуло к террору их горячее сердце, недостаточная вера в массовое рабочее движение и желание заменить его своей личной активностью; с другой стороны, к эсерам отходили люди типа Савинкова, которых влекли на эту стезю заложенные в них уже тогда зародыши авантюризма и вражды к рабочему движению. (Савинков тоже одно время считал себя социал-демократом.)

Отношение социал-демократов к студенческому движению.

Перед социал-демократией того времени возник вопрос—как отнестись к студенческому движению? Из того, что я говорил об «экономистах», ясно, что последовательные сторонники этого течения должны были игнорировать студенческое движение, и они, действительно,

это делали, ибо студенческое движение, как чисто политическое, ничего общего с непосредственными экономическими задачами рабочих, по их мнению, не имело. Но не так посмотрели на это дело сторонники политической борьбы, революционное крыло тогдашней социал-демократии, во главе с тов. Лениным и с будущими искровцами, оценившие это движение совсем по-иному. Конечно, и тов. Ленин, и его единомышленники отдавали себе отчет в том, что студенческое движение того времени не было пролетарским; они понимали, что это явление временное и что придет пора, когда студенты отвернутся от рабочих; равным образом, они знали, что, в своей массе, тогдашние студенты, будучи сыновьями имущих родителей, шли на улицу и демонстрировали не потому, что хотели социализма и коммунизма, а потому, что желали добиться политической свободы и установления в стране господства буржуазной демократии. Но тов. Ленин и его сторонники, стоявшие за гегемонию пролетариата, держались того взгляда, что если рабочий класс—гегемон, если он основная и коренная сила революции, то он должен брать себе в качестве помощников и подсобной силы всех, кто сколько-нибудь склонен бороться с самодержавием. Как революционные марксисты, стоявшие на точке зрения гегемонии пролетариата, они говорили себе: В большом хозяйстве все может пригодиться: студенческое движение может принести нам пользу в борьбе с царизмом. Мы обязаны использовать всякое оппозиционное движение, направленное против самодержавия. Студенты бунтуют против царя,—отлично, возьмем их на буксир рабочего класса, поможем им, попытаемся ими руководить, направим и их удары на твердыни самодержавия...

Революционные марксисты и студенчество

Таким образом, революционные марксисты того времени, будущие большевики, не только не игнорировали, в противоположность экономистам, студенческое движение, но уделяли ему много внимания. Это обстоятельство вы должны хорошо запомнить, если хотите правильно понять некоторые важнейшие и характерные особенности большевизма. Большевизм дореволюционного времени, до 1905 г., часто упрекали в том, что он слишком интересовался бур-

жуазными либералами и буржуазной оппозицией: студенчеством, земским движением, «Союзом Освобождения» и т. п. Меньшевики, пользуясь этим, неоднократно становились в позу и уверяли, что они бо̀льшие, чем мы, друзья рабочего класса. Они говорили: Что нам до каких-то земцев и студентов; наше дело—чисто рабочее; мы думаем только о рабочем движении. Они нередко обвиняли тов. Ленина в том, что он, будто бы, искал чрезмерно тесного контакта с оппозиционной буржуазией, — либералами, студентами и т. п.

Тактика большевиков по отношению к студенчеству.

Каков же был действительный смысл этой тактики большевиков? А вот каков. Если большевизм, с самого своего зарождения, интересовался малейшими проблесками оппозиционного и революционного движения, направленного против царизма; если он протягивал руку любой группе, шедшей против самодержавия,—то не для того, чтобы низвести свою программу до программы либерально-буржуазной. Нет, и в данном случае он оставался верен себе. Выдвинув программу-максимум (низвержение буржуазии), он считал, вместе с тем, что для ее осуществления надо, прежде всего, свергнуть царя, а для этого необходимо использовать всякое течение, старавшееся размыть плотину самодержавия. И потому большевики смотрели, с самого начала, на рабочий класс, как на гегемона, и заявляли, что рабочие не только не будут проходить мимо студенческого или либерального движения, а, как выражался тов. Ленин, будут его подталкивать. Но, в то же время, большевизм предостерегал рабочих: «Будьте начеку: студенты сегодня вас поддерживают, либералы сегодня фрондируют против царя, а завтра, когда царь будет низвергнут, они пойдут против вас; получив все, что им нужно, т.-е. политическую свободу, они двинутся против вас».

Таким образом, перед большевизмом стояла двойная задача: с одной стороны, строить классовую партию, которая должна довести борьбу до полной победы социализма, а с другой—использовать всякую силу, направленную против царизма, в том числе и студентов, и либералов, и буржуазную оппозицию. Отсюда—то различное отношение к студенчеству, которое ясно наметилось, к концу

90-х годов, у экономистов, будущих меньшевиков, с одной стороны, и сторонников политической борьбы, будущих искровцев и впоследствии большевиков,—с другой.

«Союз Освобождения» и Союз эсеров.

В то время наблюдалось, впрочем, начало либерального движения не только среди студенчества: подготовлялся также «Союз Освобождения», во главе которого стали Милюков, Кускова, Струве, Прокопович, Богучарский и другие деятели, находившиеся сначала одной ногой в лагере социал-демократии, а другой—в стане либералов. Союз эсеров сложился к концу 900-х годов. В первый период своего существования обе эти группировки—«Союз Освобождения» и союз эсеров—оттягивали к себе сторонников, принадлежавших до того к общей социал-демократической массе.

Одновременно и довольно быстро росло и рабочее движение, особенно забастовочное. С середины 900-х годов началось, в целом ряде городов, празднование первого мая, и, с каждым годом, эта маевка принимала все более и более крупные размеры. И здесь движение развивалось, в известном смысле, против экономистов, которые всегда шли в хвосте рабочего движения, представляя не головную его часть, не авангард, а его арьергард. И недаром тов. Ленин в своей книжке «Что делать?» прозвал их тогда в шутку «хвостистами»; а Плеханов, в своем «Vademecum», сказал экономистам, несколько грубовато, но вполне правильно, что они видят не голову рабочего движения, не его лицо, а заднюю его часть...

Рабочие волнения в Петербурге и других городах.

Раз начавшись, рабочее движение быстро пошло вперед, увлекая за собой все более широкие слои рабочих. Начало 1901 г. и весь этот год были наиболее бурным периодом этого движения, в частности, в Петрограде. Революционное настроение в столице наростало с большой быстротой и, с каждым днем, перекатывалось все дальше *через* программу экономистов. В 1901 г., в связи с маевкой, вспыхнули крупные волнения на Выборгской стороне, где дело дошло до кровавых столкновений и настоящих уличных сражений. По той же причине и вследствие демонстрации студентов, поддержанной рабочими, главным образом, Обуховским заводом, произошли беспорядки, окон-

чившиеся форменной схваткой с городовыми и солдатами. Эта, так называемая, Обуховская оборона захватила несколько тысяч рабочих и вызвала бурное движение во всем Петрограде. А когда студенчество вышло на улицу не только в столице, но еще в Москве и Киеве, когда 1 мая демонстранты-рабочие вышли на улицу, особенно в Петрограде, тогда борьба приняла особенно яркий характер.

Письма рабочих.

В литературных источниках по истории рабочего движения вы найдете отрывки из «писем в редакцию», которые тогдашние рабочие и работницы посылали в нелегальные газеты. Вот что писала одна работница после сражения на Выборгской стороне:

Вы не знаете, как мне обидно, и всем нам. Уж очень хотелось пройти на Невский или в город. Уж очень горько умирать, как собакам, в углу, чтобы никто даже не видел... И вот, что еще хочу я вам сказать: хоть и очень многих у нас взяли,—может, их нет больше совсем—а всетаки мы твердо будем стоять.

Рабочий Б. замечает:

Жаль, что у нас не было знамени. В другой раз будет и знамя, и пистолеты достанут.

Эти письма раздобывали тогда, на вес золота, тов. Ленин и его группа и печатали их для борьбы с «экономистами», желая показать, что передовые рабочие хотят не только увеличения заработной платы, но сознают необходимость итти на улицу, доставать пистолеты и сражаться с царской полицией. С великой радостью тов. Ленин напечатал следующий отрывок из письма одного рабочего из-за Невской заставы, который писал об экономистах следующее:

Я показывал его [1]) многим товарищам, и весь он сильно истрепался. А он мне дорог, много дороже «Мысли» [2]), хоть и нет там наших строк. Там—про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь... Рабочий народ может теперь легко загореться; все уже тлеет внизу,—нужна только искра, и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень [3]). Раньше каждая стачка была событием, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего: теперь сво-

[1]) Речь идет о первом номере «Искры».

[2]) «Рабочая Мысль»—орган экономистов. *(См. предыд. лекцию.)*

[3]) Газета «Искра» имела своим девизом слова: «Из искры возгорится пламя»—из памятного ответа декабристов Пушкину.

боды нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь уж нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки; теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать.

Газета «Искра».

Тогдашние сторонники ленинизма подхватывали такие заявления отдельных рабочих, желая доказать, что передовой рабочий уже не думает ограничиваться одной экономической борьбой, а просит, чтобы его научили, как итти в бой, как низвергнуть вооруженной рукой самодержавие, т.-е. хочет создать настоящую революционную партию, которая поможет ему сыграть роль гегемона, основной силы в революционной борьбе. И вот, на фоне всех этих фактов и событий, создается газета «Искра».

В начале 900-х годов из ссылки возвратился тов. Ленин, а вместе с ним и группа тогдашних его единомышленников— Мартов, Потресов и некоторые другие. В Петрограде они встретились с Верой Ивановной Засулич, одной из основательниц группы «Освобождение Труда», и, через нее, завязали связь с этой группой, центр которой находился в Женеве, в Швейцарии. Как я говорил в прошлый раз, свою борьбу с «экономизмом» тов. Ленин начал еще в ссылке. Вернувшись в Петроград, он стал собирать своих единомышленников, находя их во всех городах, где развивалось рабочее движение. Между прочим, он начал отыскивать и тех рабочих, с которыми он создавал, в 1895 году, «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; он вошел также в связь с московскими рабочими и, вместе с его тогдашними единомышленниками Мартовым и Потресовым, пришел к убеждению, что для борьбы с «экономистами», для создания настоящей революционной пролетарской партии, необходимо основать, как тогда говорили, «обще-русскую» политическую газету.

Вскоре после того, в 1900 году, в городе Пскове состоялось нелегальное совещание, на котором присутствовали Ленин, Мартов и Потресов, и всего два представителя местной революционной практики: Степан и Любовь Радченко. (Она жива и теперь, и многие из нас знают ее по работе за Московской заставой в 1905—6 годах, когда она была — увы! — меньшевичкой.) Любопытно отметить, что на псковское совещание приехали также Струве и Туган-

Барановский, задумывавшие в то время создать либерально-буржуазный орган «Освобождение»; а так как им не хотелось рвать связь и с рабочим движением, то они пытались наладить что-то вроде коалиции тогдашних нелегальных либералов с нелегальными социал-демократами.

На совещании во Пскове было решено издавать газету «Искра». Тов. Ленин отправился с Потресовым за границу, чтобы осуществить это решение. В декабре 1900 года в Мюнхене вышел первый номер газеты «Искра», сыгравшей громадную роль в истории революции, вообще, и коммунистической партии, в частности. Это была не просто одна из газет: это был орган печати, которому удалось стать властителем дум целого поколения, выполнить большое литературно-политическое дело и одновременно проделать огромную организационно-политическую работу по сплочению партии.

Ее роль и значение.

Если сравнивать «Искру» с наиболее вам известными газетами, то можно сказать, что она сыграла никак не меньшую, а, может быть, даже бо́льшую роль, чем «Звезда» и «Правда» в 1910—12 годах. Как «Правда», в предреволюционный период, подняла громадный слой рабочих, так и «Искра», в свое время, всколыхнула определенный пласт рабочих и революционеров. Как от «Правды» пошло целое поколение «правдистов», так от «Искры» пошло целое поколение «искровцев», или «искряков», как их тогда называли.

«Искра» выходила под редакцией Плеханова, Ленина, Мартова, Аксельрода, Потресова и Засулич. В числе этих шести человек был один будущий большевик и пять будущих меньшевиков. Но роль в ней тов. Ленина была настолько велика, что уже через короткое время эту газету стали называть «ленинской», и она, на самом деле, была таковой.

Ее направление и идеи.

Основные идеи «Искры» заключались в следующем. Прежде всего, она объявила крестовый поход против уродования рабочего движения, которое проповедывали «экономисты»; она жестоко высмеивала и бичевала их за их желание уложить, во что бы то ни стало, рабочее движение в Прокрустово ложе мирных экономических требований. Ее маяком была идея гегемонии пролетариата, уверен-

ность в том, что пролетариат будет классом-освободителем, главной силой в революции. Затем газета повела борьбу против эсеров. Впервые на ее столбцах, уже в 1901 году, они были названы не социалистами-революционерами, а «социалистами-*реакционерами*», и это в то время, когда они только возникали, когда члены их партии совершали эффектные террористические акты, когда еще трудно было распознать их реакционную сущность. Но острый глаз тов. Ленина и редакции «Искры» уже разглядел в этой партии будущих социалистов-реакционеров, будущих представителей кулацкой мелкой буржуазии. Поход «Искры» против эсеров вызвал, однако, сильное возмущение среди тогдашних кружков еще сохранившейся народнической интеллигенции, а также среди известной части рабочих, которые говорили: Зачем драться друг с другом; давайте все вместе, одним строем, пойдем против самодержавия. Под гнетом царизма психология рабочих была такая: пусть все революционеры, независимо от партий и разногласий, тесно объединятся и дружно учат нас сражаться с самодержавием. Таким образом, «Искре» пришлось, с одной стороны, собирать под высокую руку рабочих все оппозиционные и революционные течения—и студентов, и либералов, и земцев, и эсеров,—а с другой, закладывая основы своей чисто пролетарской и непримиримой рабочей партии, воевать, в то же время, против либералов и эсеров, разоблачать их мелкобуржуазную сущность и доказывать, что они не пролетарские революционеры. Наконец, третья главная идея «Искры» заключалась в том, что она боролась за централизованную, единую всероссийскую политическую организацию пролетариата.

Литературная и практическая деятельность «Искры».

В наши дни такая идея кажется азбучной истиной. Но в 1900—1901 годах, когда революционеры привыкли ютиться каждый в своем небольшом кружке, когда ни у кого не было всероссийской перспективы и понимания, что только таким путем можно чего-нибудь добиться, когда не было верного глазомера, когда никто не представлял себе, какую громадную силу надо двинуть в бой, чтобы добиться какого-нибудь результата,—в те дни идея централизованной партии, всероссийской политической организации, пытаю-

щейся объединить весь пролетариат, была одновременно и новой и в высшей степени трудной. Газета проповедовала ее не только в своих статьях: она создала особую организацию «Искры», в которую вошло человек 100—150 искровцев—виднейших революционеров того времени. И эта группа воплощала в жизнь те планы, которые Ленин и Плеханов развивали в газете в литературной форме.

«Освобожденцы» и «Искра».

Но, в то же время, в «Искре» вначале принимали участие люди, уже стоявшие одной ногой вне рабочего лагеря. Это вызывалось необходимостью единого фронта с либералами и эсерами против самодержавия. В этом отношении замечателен следующий эпизод, о котором подробно, по своим личным воспоминаниям, рассказывает Мартов.

Как я уже говорил, около «Искры» терлись некоторое время такие люди, как Струве и Туган-Барановский, будущие вожаки освобожденцев. Мало того: в самом начале в ней сотрудничал князь Оболенский, состоявший даже членом партии. Через год после своего основания, когда газета показала вполне ясно свою политическую физиономию руководительницы рабочего класса, проповедницы идеи гегемонии пролетариата, в средине 1902 года, Оболенский написал из Орла в «Искру» следующие слова: «Я думаю, что от гегемонии в освободительном движении нам пора отказаться». На этой почве Оболенский скоро порвал с «Искрой» и фактически был изгнан из партии. С его уходом порвалась последняя связь, еще существовавшая между «Искрой» и теми революционерами-либералами, которые еще могли рассчитывать вначале на определенный блок, на коалицию с искровцами.

Этот эпизод в высшей степени любопытен. Весьма знаменательно, на мой взгляд, что такие люди, как Струве, Туган-Барановский и князь Оболенский, могли, вообще, ходить в то время вокруг и около рабочей партии. Сейчас это многим покажется непонятным, но тогда это было неизбежно. И прав был тов. Ленин, который, до поры до времени, извлекал пользу из Струве, Туган-Барановского и Оболенского, говоря, что в большом хозяйстве и веревочка пригодится: для чего-нибудь пригодится и Обо-

ленский. Вспомните: рабочий класс был загнан в подполье, находился вне закона, его агитаторы и пропагандисты не имели пристанища и ни копейки денег. А эти представители либералов, ненавидевшие по-своему царизм, были богаты связями и деньгами и имели обширные квартиры. Уже по одному этому было вполне правильно ими пользоваться до поры, до времени.

Но если примечательно то обстоятельство, что такие люди, как князь Оболенский, могли ходить тогда около партии, то еще интереснее их разрыв с нею. Из-за чего он произошел? Из-за мелких разногласий? Нет, из-за основной идеи. Оболенский говорил: «Я думаю, что пора отказаться от гегемонии в освободительном движении». Другими словами, пора отказаться от того, чтобы рабочий стремился к руководящей роли в революции: он должен быть лишь подсобной силой. Вот как эти люди смотрели на рабочего. Пусть он везет воз революции,—это хорошо; но на этом возу должны сидеть либеральные баре, вроде Струве, Туган-Барановского или князя Оболенского, держать в своих руках вожжи и определять программу, цель и тактику революционного движения. Когда же они убедились, что «Искра» на это не согласна, то сказали: «Мы уходим». Конечно, тов. Ленину и его единомышленникам, уже использовавшим этих людей, ничего не оставалось, как пожелать им счастливого пути.

Успех и влияние «Искры».

«Искра», опираясь на свою вышеупомянутую организацию и, главным образом, на свои печатные столбцы (как вы видели из приведенного мною письма, ее зачитывали до дыр, тем более, что она печаталась на тонкой шелковой бумаге),—«Искра» добилась того, что завоевала рабочие комитеты—тогдашние губкомы—в целом ряде городов, и, прежде всего, в обеих столицах.

Исключительно важную роль, на-ряду с «Искрой», сыграла книга тов. Ленина «Что делать?», вышедшая весною 1902 года. Это была не просто книга: это была книга, сделавшая эпоху. Она подводила двухлетний итог работе «Искры». Она была, в то время, настольной книгой, евангелием для всех тогдашних революционных деятелей марксистов. И только в 1903 году, меньшевики,

увидев те выводы, которые делали из этой книги, стали задним числом, через увеличительное стекло, искать с ней разногласий. Главные идеи книги «Что делать?»—те же, что идеи «Искры»: т.-е. все та же идея гегемонии пролетариата. Но книга «Что делать?» выдвинула, кроме того, с особой силой, вопрос о так называемом «кустарничестве» и о профессиональных революционерах.

«Кустарничество».

Словом «кустарничество» тов. Ленин окрестил тогдашнюю убогую практику отдельных замкнутых в себе кружков. Он критиковал и высмеивал тех революционеров тогдашнего времени, которые самодовольно похвалялись тем, что в таком-то городе у них есть кружок, а в таком-то целых два. Тов. Ленин писал: это—мелкое дело, это—кустарничество, а нам нужна революция в размерах крупного фабричного производства; с кустарничеством надо покончить: в те годы, когда ничего другого нельзя было сделать, оно было необходимо, но теперь, когда масса кипит, когда рабочие и работницы пишут, что требуют борьбы и просят научить их, как «итти в бой», когда забастовки, вроде выступления ткачей, насчитывают по 30.000 человек, когда на Выборгской стороне происходят сражения, когда даже студенты—буржуазные сынки—тысячами и десятками тысяч выходят на улицу и дерутся голыми руками против царской конной полиции,—теперь, в наши дни, ограничиваться кружками значит—заниматься кустарничеством, крохоборством в то время, когда нам нужно фабричное революционное производство. Нет, говорил Ленин в «Что делать?», нам надо создать всероссийскую партию с таким разделением в ней труда, чтобы каждый знал, что он должен делать и каковы его обязанности. За это разделение труда особенно набросилось на тов. Ленина тогдашнее правое крыло. Его упрекали в том, что он стремится превратить отдельных революционеров в бездушные винтики и колесики большого механизма, что он якобы унижает этим звание революционера. А тов. Ленин отвечал: Нет, быть маленьким винтиком или колесиком крупной революционной партии, преследующей мировые исторические цели, это не значит—унижать звание революционера. И, в связи с этим, тов. Ленин выдвинул идею корпо-

ративного, если можно так выразиться, сплочения профессиональных революционеров, т.-е. людей, занимающихся революцией по профессии.

Профессиональные революционеры.

Этот термин — «профессиональный революционер» — сыграл свою роль и в спорах большевиков с меньшевиками. Последние годами воевали впоследствии против него и уверяли, будто профессиональные революционеры станут замкнутой кастой людей, которые оторвутся от масс, не будут дышать одной грудью с рабочим движением, выродятся в заговорщическую группу и т. д. Отвечая им, тов. Ленин доказывал очень простую истину: против нас,—говорил он,—огромная сила царского самодержавия, весь его аппарат, созданный им за 300 лет пребывания у власти; против нас все научные силы старой России, ее школы и печать; у нас же совсем юное рабочее движение. Если мы хотим спаять рабочую массу и слить в одно большое единое пламя отдельные огоньки, вспыхивающие то тут, то там, нам необходим исключительный, почти чудесный аппарат, могущий все это осуществить. А для этого, в свою очередь, не менее необходимо, чтобы люди, действительно преданные рабочему классу, были нами объединены в одну организацию профессиональных революционеров, т.-е. таких людей, которые, не занимаясь ничем другим, служили бы только революции и сумели бы, в условиях нелегальности, в невероятно тяжелой обстановке, создать очень сложную революционную кооперацию, с точным разделением труда и владеющую искусством легкого и свободного маневрирования.

Их работа и значение для партии.

Тов. Ленину пришлось выдержать большой бой, чтобы отстоять идею организации профессиональных революционеров. Мысль эта была в то время совершенно новой и казалась многим «организационным бредом». Но тов. Ленин был прав, и эта его идея оказалась одной из самых плодотворных идей. В самом деле, если, с точки зрения личного состава руководителей, присмотреться к тому, чем живет сейчас наша партия, даже наше государство, то становится ясным, что, в значительной мере, даже теперь, спустя двадцать лет, партия, так сказать, питается этой группой профессиональных революционеров, основа кото-

рой была положена в начале 900-х годов. Старые работники нашей партии, составляющие крохотный отряд (членов партии со стажем до 1917 года на всю Россию у нас теперь 10 тысяч человек), но пользующиеся огромным обаянием и авторитетом, представляют цемент, прочно скрепляющий нашу партию. Эти 10 тысяч—славная когорта профессиональных революционеров, ведущих из года в год революционную борьбу и не знающих никакого другого занятия. Их сажают в тюрьмы, а они, по выходе оттуда,—бежав или отбыв срок,—снова идут на революционную работу, совершенно так же, как рабочий, когда он, придя вечером с завода и выспавшись, наутро снова идет на завод.

Идее организации профессиональных революционеров была посвящена значительная часть книги «Что делать?». Она оказала, в свое время, огромное влияние и производила сильнейшее впечатление. Один бундовец, сторонник меньшевизма, который не одобрял ни организации профессиональных революционеров, ни борьбы с кустарничеством, ни разделения труда, писал недавно, вспоминая о 900-м годе:

> **Я часто ловил себя на мысли: а как хорошо было бы, все-таки, походить хоть немного на идеал того революционера, который рисует Ленин в своей книге «Что делать?»...**

Прочитав «Что делать?», лучшие из меньшевиков, противники тов. Ленина, если не сознавали, то чувствовали, какая великая, полная жизни, революционная правда заложена в страницах этой книги.

Разгром организации «Искры» в Киеве.

Тем временем, организация «Искры» продолжала расти. Царское правительство, убедившись, что она становится влиятельнейшим революционным очагом и будоражит весь революционный лагерь, обрушило на нее ряд репрессий. В феврале 1901 года, в Киеве, который был важнейшим опорным пунктом «Искры», власти разгромили ее тогдашнюю организацию и арестовали ее руководителей. Некоторых из них я вам напомню. Во-первых, Н. Бауман, убитый в Москве в 1905 году, определенный большевик. Затем, В. Крохмаль, ставший потом яростным меньшевиком; он был председателем или одним из председателей Предпарламента, разогнанного нами в Октябрьские дни, а позже в Петрограде,—нечего греха таить,—был не раз

арестован за контр-революционную деятельность нашим Г. П. У. Далее следуют Басовский, сошедший с революционной сцены; Радченко, о котором я говорил, ныне покойник; Литвинов, наш нынешний товарищ наркоминдела; Пятницкий, большевик, работающий в настоящее время в Коминтерне,—и некоторые другие. Словом, в организации «Искры»—по существу большевистской—в течение некоторого времени уживались рядом люди, из рядов которых вышли лучшие вожди большевизма и наиболее яркие представители меньшевизма.

1902-й год.

В апреле 1902 года была сделана попытка снова созвать всероссийский съезд. В Белостоке собралась, удавшаяся лишь наполовину, конференция, на которой были представлены, как будущие большевики, так и будущие меньшевики, в том числе пресловутый Дан.

4 апреля 1902 года Балмашов убил Сипягина, которого сменил Плеве. Это был наиболее высокий подъем студенческого движения, возглавлявшегося частью студентов, шедших, до того времени, вместе с рабочими и с социал-демократами и начавших потом отдаляться от рабочих и переходить в партию эсеров. Параллельно ширилось и революционное движение среди рабочих. Тогда же произошла знаменитая нижегородская демонстрация рабочих, повлекшая за собою арест многих товарищей. В связи с демонстрациями рабочих, развернулся первый крупный судебный процесс, на котором выступали Заломов, Денисов и другие. Денисов, ныне член нашей партии и один из старейших большевиков, произнес тогда на суде, в обстановке царской реакции, истинно героическую речь. Она была подхвачена на улицах Нижнего-Новгорода и прочитана потом в целом ряде русских городов.

Ростовские события.

Наконец, в ноябре 1902 года грянули ростовские события, носившие явный предреволюционный характер. Надо сказать, что весь 1902 год изобиловал стачками, особенно на юге России. К концу этого года, в ноябре, в городе Ростове, на почве сначала, как будто, экономической, возникло сильное политическое движение. Здесь, впервые, состоялся митинг, собравший около 40 тысяч человек, которых полиция не могла разогнать. В течение

нескольких дней шел непрерывный митинг, причем манифестанты произносили зажигательные речи в духе «Искры». Во главе этого движения стояли, главным образом, большевик Ставский, ростовский рабочий, ныне член нашей партии, и тов. Гусев, работающий сейчас у нас в качестве военного. (Тогда он был членом ростовского комитета и душой этого движения.)

Ростовские события подвели итог определенной полосе. К этому моменту экономисты были окончательно разбиты. Такие движения, как в Нижнем-Новгороде, на Обуховском заводе, на Выборгской стороне и в Ростове были ярко политическими и, не имея ничего общего с «экономизмом», доказывали, что рабочие поднимали в них свой голос, как будущие руководители революции.

Первый Ц. К.

Все эти события предшествовали II съезду нашей партии и служили фоном при его подготовке. После арестов в Киеве и побега из местной тюрьмы, в каковом деле принимали участие Литвинов и Пятницкий, организация «Искры» создала свой организационный комитет, который, в сущности говоря, был первым Центральным Комитетом того времени. И здесь не менее интересно перечислить тех, кто входил в состав этого комитета. Это перечисление ясно показывает, что, чем ближе мы приближаемся к революции, тем чаще встречаются имена нынешних большевиков.

В этот организационный комитет входили: нынешний электрификатор России—Кржижановский, о котором я уже упоминал; будущая меньшевичка Александрова; работающий ныне в Наркомпросе—Ленгник; один из главных сотрудников нашего Наркомюста—Красиков; представитель тогдашнего Петербургского Комитета—Краснуха; представитель «Южного Рабочего»—Левин и, наконец, Розанов, о котором мне придется еще говорить (в 1920 г. он был арестован по делу так называемого «национального центра»). От Бунда был Портной. Добрая половина, это — нынешние большевики, ближайшие единомышленники Ленина, который из-за границы руководил организацией этой работы.

Проект программы партии.

Этот организационный комитет имел своей задачей созвать всероссийский партийный съезд, который должен

был заложить фундамент партии, на основе программы, выработанной для этой цели «Искрой». Последняя опубликовала к этому времени проект программы нашей партии, составленный редакцией «Искры» и «Зари». («Заря» была теоретическим органом, который издавала заграницей та же группа Плеханова и Ленина.)

Этот первоначальный проект, написанный, главным образом, Плехановым и Лениным, перешел, в значительной части, по настоянию тов. Ленина, в нашу нынешнюю программу. В ее теоретическую часть включены положения, касающиеся развития капитализма, концентрации капитала, создания пролетариата и перехода власти к пролетариату. К 1903 году этот проект программы был готов. К этому же времени Организационный Комитет собрал партию на съезд.

В то же время, в разных местах, вспыхивали молнии революционной борьбы. В 1902 году началось крестьянское движение в Саратове—ряд крестьянских бунтов, подавленных тогдашним губернатором Столыпиным. Они показывали, что, вслед за рабочим классом, разбудившим студенчество и давшим толчок буржуазной оппозиции, начинает подниматься и крестьянство. Одновременно гремели и выстрелы отдельных террористов: Карповича, Балмашова и Гирша Лекерта, стрелявшего в фон-Валя. В некоторых городах демонстранты сражались с царской полицией.

Второй съезд партии.

На фоне этих событий, летом 1903 года, собрался второй съезд нашей партии. Он начался в Брюсселе, но так как бельгийские власти чинили препятствия, то он переехал в Лондон, где и закончился. На этом съезде присутствовало около 60 человек, имевших 48 решающих голосов. Между ними были: тов. Шотман—от Петроградского Комитета, работающий сейчас в Карельской коммуне; Лидия Махновец—вторая представительница Петербурга, сестра Акимова-Махновца, одна из ярых «экономисток», стоявшая на правом крыле; Н. Бауман—от Московского Комитета; от Северного Союза, объединявшего ряд комитетов на севере России, прибыла Лидия Книпович, которую должны помнить старые рабочие и работницы Петрограда, где она,

под кличкой «Дяденька», проработала много лет; она скончалась в позапрошлом году; от того же Северного Союза вторым представителем был Стопани, основатель бакинского рабочего движения, один из виднейших большевиков; от Уфимского Комитета были Махлин и Леонов, впоследствии анархист; от Киевского Комитета—Красиков; от Тульского—брат Владимира Ильича Ульянова, Дмитрий Ульянов, находящийся теперь в наших рядах; от Одесского Комитета—Землячка; от Крымского Союза—меньшевик Панин; от Донецкого Союза—Машинский, тоже меньшевик; от Донского Комитета—Гусев, теперь большевик, и меньшевик Аккерман; от Саратовского Комитета—Галкин и Лядов, оба теперь большевики; от Харьковского Комитета—Левина и Николаев; от Сибирского Союза—доктор Мандельберг, меньшевик и член второй Думы, а также тов. Троцкий, который был, в то время, меньшевиком; от Батумского Комитета—Зурабов, впоследствии депутат второй Думы, меньшевик и интернационалист; от Бакинского Комитета—Богдан Кнунианц, участвовавший в первом Рабочем Совете в 1905 году и, во время контр-революции, перешедший на сторону меньшевиков; от Тифлисского Комитета—Топуридзе; от Бунда—Кремер, Эйзенштадт, Портной, Либер, Медем и Косовский, все меньшевики; наконец, тов. Ленин представлял заграничную организацию искровцев, а Мартов—редакцию; присутствовали также на съезде Плеханов, Аксельрод, Дейч и другие.

Социальный состав партии в начале 900-ых годов.

Кстати, два слова о социальном составе тогдашней партии. В организации «Искры»—и на этом съезде, как и в наших комитетах того времени,—большинство составляли не рабочие. Это обстоятельство весьма важно для уяснения себе нашего нынешнего спора о социальном составе партии. Иногда об этом судят в высшей степени примитивно. Берут статистику—сколько в партии рабочих, крестьян и служащих—и говорят: так как рабочие там не в безусловном большинстве, то партия, значит, не рабочая. А между тем, на деле это не так просто. Мы знаем, что есть чисто рабочие по своему составу организации, политика которых, однако, не революционна и не проникнута пролетарским духом. Один социальный состав партии еще

не решает дела. Это, конечно, важный момент, но не единственный момент.

Организация «Искры» и наши тогдашние комитеты состояли больше из студентов и, отчасти, из профессиональных революционеров; рабочих там было мало, это были еще одиночные фигуры, вроде Бабушкина и Шотмана, начинавшие выдвигаться из рабочей массы. В силу этого, и II партийный съезд, положивший начало партии, тоже состоял в большинстве не из рабочих. Но, не взирая на это, организация «Искры», являвшаяся, по существу, первой большевистской организацией, сыграла большую и активную роль в революции, роль коммунистического авангарда. Состоя из профессиональных революционеров, руководимых тов. Лениным, она, не будучи чисто рабочей по составу, вела, тем не менее, за собой рабочие массы и в недрах ее формулировалось то, что назревало в их глубине пролетарских масс. И именно рабочая масса несла на своем гребне эту группу, создавшую впоследствии партию.

Но вернемся ко II съезду, на котором ярко обнаружился раскол между большевиками и меньшевиками. Первым пунктом расхождения явилось отношение сторон к национальному вопросу, другими словами,—к Бунду. Воздавая еще раз должное героизму еврейских рабочих и ремесленников, которые, в темную ночь реакции, поднялись первыми на борьбу, надо, вместе с тем, сказать, что в историю партии эта организация вошла в качестве меньшевистской и оппортунистической. На II съезде эти свойства ее отчетливо проявились в национальном вопросе. Бунд требовал, чтобы его рассматривали, как «единственного представителя всего живущего в России еврейского пролетариата», не желая, повидимому, считаться с тем, что еврейские рабочие, как и весь еврейский народ, разбросаны по всей стране и что, поэтому, правильнее будет еврейским рабочим, как и рабочим финнам, эстонцам и другим, входить в организации тех местностей, где они живут. Мы не могли согласиться дробить нашу организацию на отдельные национальные курии, ибо мы — единая интернациональная партия, ведущая борьбу с интернациональным капи-

Спор с Бундом.

талом. Искровцы стояли именно на такой точке зрения, допуская лишь, что еврейские рабочие могут иметь свои подсобные организации и специальные группы, могут издавать свои газеты на родном языке и т. д. Но Бунд, показывая впервые свой будущий социал-шовинизм, поставил вопрос ребром, требуя разделения рабочих по национальностям и предоставления им права иметь свои отдельные партии. Спор этот, казалось бы, организационный, был, на самом деле, весьма важным политическим расхождением, заключавшим в себе будущие дискуссии об отношении к национальному вопросу и к интернационализму. Искровцы, идя общим фронтом,—и Ленин и Мартов,—боролись с Бундом, но на съезде будущие меньшевики и бундовцы, почувствовав, что они близки друг другу и что у них одинаковые взгляды на некоторые другие коренные вопросы, стали сближаться. Однако, пока что, дело кончилось тем, что Бунд, отколовшись от партии, ушел со съезда.

Спор о первом параграфе устава партии (членство в партии).

Второй спор, не менее серьезный, возник по поводу первого параграфа устава партии, в котором говорилось об обязанностях члена партии. Тов. Ленин формулировал его так: член партии—тот, кто *участвует в какой-нибудь из организаций* партии, выполняет свои обязанности члена партии, платит членский взнос, соблюдает дисциплину и т. д. Мартов предлагал такую формулу: член партии—тот, кто работает *под контролем* партии и оказывает какое-нибудь содействие партийным организациям. На первых порах могло показаться, что спор, как будто, не особенно важный, собственно говоря только из-за слов. И многие на съезде так, действительно, и думали. Но, на самом деле, спор был не из-за слов, а о том, чем должна быть партия.

Тов. Ленин говорил: рабочий, если он хочет быть членом партии, должен войти в ту или другую ячейку и работать в той или иной организации партии—рабочему это не страшно; при соблюдении этого условия мы будем знать, из кого состоит партия, мы будем иметь не рыхлую партийную массу, не месиво, а крепко отлитую организацию, состоящую из подлинных пролетариев. Мартов, Аксельрод

и остальные меньшевики полагали иначе. Мы переживаем,—говорили они,—нелегальное время, когда участие в партии—дело не безопасное. Рабочий, может быть, к нам пойдет, но, кроме рабочего, есть еще студент, есть профессор, есть разночинец, которые не пойдут. Поэтому, если мы примем относительно обязанностей члена партии более широкую формулировку, сказав, что в партию может войти всякий, оказывающий ей содействие и работающий под ее контролем, но без обязательства входить в ячейки и организации,—тогда к нам придут и студент, и профессор, и разночинец. Тов. Ленин энергично возражал против такой постановки вопроса: Ваша аргументация,—говорил он,—грозит партии гибелью. Нам нужны в партии не студенты, не профессора и не разночинцы: нам нужны рабочие. Мы готовы использовать студенческое и профессорское движения; мы не отказываемся от услуг князя Оболенского, светлейшего Петра Струве и всякого, кого мы встретим на своем пути, но мы должны помнить, что класс-руководитель, это—пролетариат, и что партия у него должна быть пролетарская. Таким образом, спор шел не из-за словесных формул, а из-за жизненного вопроса — быть ли нашей партии рабочей, пролетарской, революционной, или же стать тем, чем сделалась германская социал-демократия, которая, набрав десятки и сотни тысяч попутчиков и насчитывая в своих рядах столько же трактирщиков, сколько рабочих, неимоверно разбухла и пережила во время войны всем известное банкротство. То, что предлагали Мартов и Аксельрод, грозило нам таким же концом, какой постиг партию эсеров, которая, принимая всякого встречного, так разбухла к 1917 году, что отдельные революционеры утопали в ней, как мухи в молоке, среди гущи буржуазных демократов.

Съезд не особенно ясно разобрался в этом совершенно новом для него вопросе; кроме того, дело осложнялось еще тем, что партия была на положении нелегальной. Даже такие острые умы, как Плеханов, и те не отдавали себе точного отчета в том—какой это был серьезный спор. Плеханов произнес полушутливую речь, в которой говорил: Когда слушаешь Ленина, кажется, что он прав; когда

слушаешь Мартова, кажется, что и он недалек от истины. «То сей, то оный набок клонит»... Ему хотелось, повидимому, примирить обе стороны. Но Ленин твердо стоял на своей позиции, и борьба разгорелась жестокая. В конце концов, победа досталась Мартову, который, благодаря незначительному большинству, провел меньшевистскую формулу. Съезд постановил, что в партию могут входить все, кто оказывает ей содействие и работает под ее контролем. Другими словами, было принято решение, открывавшее двери в партию непролетарскому элементу, который, без сомнения, погубил бы ее, если бы жизнь не внесла потом своих определенных поправок. Мартов, описывая много позже этот момент съезда, говорит: Я одержал победу, но Ленин ухитрился, через короткое время, при помощи нескольких других пунктов, так окорнать мою формулу, взять такой реванш, что, в конечном счете, от моей победы ничего почти не осталось.

Этот спор по поводу § 1 устава чрезвычайно поучителен, так как он показал, что в рамках единой партии у нас уже тогда были две партии, подобно тому, как в рамках легального марксизма одно время уживались два мировоззрения.

Третье расхождение на II съезде было еще крупнее и серьезнее. Это—вопрос об отношении к либералам.

Спор об отношении к либеральной буржуазии

К тому времени, либеральная буржуазия, уже оперившаяся и имевшая свой орган, стала показывать рабочему классу свои когти. В 900-х годах дело обстояло еще так, что главным врагом либералов было самодержавие. Но в 1903 году, когда отношения начали складываться быстрее, в особенности, после стачек на юге и ростовских событий, после того как рабочие заговорили голосом класса-гегемона, думающего о *своих* интересах,—либералы стали коситься налево и повели борьбу на два фронта: не только против царизма, но и против рабочих. Классовым инстинктом они почуяли, что не сегодня-завтра им придется сразиться с рабочим классом, с рабочей партией.

В связи с таким положением на съезде и встал вопрос о том, как относиться к либералам. Тов. Ленин, говоривший в свое время, что мы должны использовать либералов,

ибо в большом хозяйстве и веревочка пригодится, тов. Ленин, увидев, что либералы сорганизовались и выпускают когти, сказал: Да, мы используем либералов против царя, но, вместе с тем, мы должны сказать рабочему классу, что либеральная буржуазия организуется, что она создает свою партию и, становясь все более контр-революционной, пойдет против рабочих и против доведения революции до конца. Поэтому, поскольку буржуазия выступает против царя, мы будем ее поддерживать, но мы не должны забывать, что этот класс—наш враг. Другими словами, на съезде был впервые ясно и точно формулирован вопрос об отношении к буржуазии, тот вопрос, который, в конце концов, привел к расколу между нами и меньшевиками. Последние, в лице Мартова, Потресова и некоторых других, внесли следующее предложение: Мы должны итти вместе с либералами, поставив им условие, чтобы они высказались за всеобщее избирательное право; те из них, которые искренно выскажутся за него, докажут, что они не контр-революционеры. Меньшевики утверждали (устами Потресова), что это условие будет своего рода пробой, лакмусовой бумажкой [1]) для либералов. Но их постановка вопроса ясно показывала, что они хотели не использовать буржуазию, а итти с ней рука об руку, для чего и придумывали приемлемые для нее условия.

Ленин и Плеханов резко критиковали это предложение, доказывая, что «лакмусовая бумажка» не поможет: либерал на то и либерал, чтобы сегодня принять какое угодно условие, а завтра—надуть. Рабочих надо учить недоверию,—говорили они,—а не внушать им наивные маниловские мысли, будто при помощи «условий» можно сговориться с либеральной буржуазией, желающей использовать рабочих в своей борьбе с самодержавием.

В 1903 году картина была такая: налицо были три основных силы—царское самодержавие, рабочий класс и либеральная буржуазия. Рабочий класс говорил: используем

---

[1]) Бумажка, меняющая свой цвет в зависимости от химического состава жидкости, в которую ее опускают.

либеральную буржуазию против царя, а завтра с нею будем драться; либеральная буржуазия говорила: используем рабочих против царя, а завтра будем драться против них. При таком положении вещей—ясно, что отношение к либералам, к буржуазии, было центральным, коренным вопросом, определявшим будущую тактику на целую эпоху.

Но съезд не видел этого разногласия с той ясностью, с какой мы видим его теперь. А так как Мартов, боровшийся долгие годы рука об руку с Лениным, пользовался популярностью и доверием партии, то съезд принял соломоново решение: он почти одинаковым количеством голосов (две половины съезда) принял обе резолюции, найдя, что они не противоречат одна другой. Это показывает, насколько разногласия были, действительно, еще неопределенны.

Были на съезде, кроме трех вышеупомянутых, еще и другие разногласия, менее крупного значения. Например, вопрос о том, следует ли нашу партию строить по признаку строгой централизации или наоборот. Тов. Ленин стоял за строго централизованную партию. Меньшевики начали робко отстаивать децентрализацию, федеративный принцип, бóльшую власть на местах.

Спор по поводу состава редакции «Искры».

Возник также спор о лицах—по поводу состава редакции «Искры». В последней было шесть человек: Плеханов, Ленин, Мартов, Потресов, Аксельрод и Засулич. Когда на съезде обнаружились разногласия, тов. Ленин заявил, что надо составить такую редакцию, которая выражала бы мнение большинства съезда, и предложил тройку—Плеханов, Ленин и Мартов. Но в ней большинство было против Мартова, и на этой почве возгорелся жаркий спор. Предложение тов. Ленина объявили чуть ли не святотатственным посягательством на старейших и лучших людей партии, а Мартов, в знак протеста, отказался войти в состав редакции, причем его поддержал целый ряд его сотрудников. Съезд ничего не мог сделать. Наконец, остановились на Плеханове и Ленине, и это решение прошло большинством, кажется, 25 голосов против 23. Отсюда и пошло гулять по свету—«большевики» и «меньшевики». Как

известно, во время революции в этот термин часто вкладывали совсем другое содержание. В деревне заговорили о «большаках». Многие просто-напросто считали, что большевики это те, которые хотят побольше, а меньшевики—те, которые готовы довольствоваться меньшим. На самом же деле эти крылатые слова зародились на съезде, когда большинство («большевики») голосовало за редакцию Плеханов—Ленин, а меньшинство («меньшевики») было против нее.

Спор о программе партии.

Наконец, был еще на съезде спор по вопросу о программе партии. На нем стоит немного остановиться, потому что Плеханов снова выступил тут в роли энергичного защитника идеи гегемонии пролетариата.

Плеханов был одним из главных авторов программы партии, которую экономисты, во главе с Мартовым, сильно критиковали, предложив к ней несколько дюжин поправок. Спор шел по некоторым пунктам, имеющим глубокое принципиальное и даже, можно сказать, злободневное значение. Прежде всего, по вопросу о всеобщем избирательном праве. В одной из своих программных речей, произнесенных им на съезде, Плеханов формулировал свой взгляд так: Мы, конечно, выдвигаем сейчас всеобщее избирательное право, но, как революционеры, мы должны открыто сказать, что не хотим превращать его в фетиш. Ведь легко можно себе представить такое положение, когда победивший рабочий класс на время лишит избирательного права своего противника—буржуазию. Эти слова вызвали сильное возмущение со стороны будущих меньшевиков.

Во время дальнейших прений, возник вопрос об Учредительном Собрании и о сроках парламента. В программе-минимум мы требовали созыва парламента каждые два года, т.-е. как можно чаще. Один из будущих меньшевиков заявил, что лучше—раз в год: это еще демократичнее. Тогда поднялся Плеханов и произнес замечательную речь. Он сказал: Вы должны иметь в виду, друзья, что вопрос о сроке парламента для нас, революционеров, является подчиненным. Если данный парламент будет выгоден для рабочего класса, то мы, конечно, постараемся его продлить; если же он будет против рабочего класса, то мы, если

сможем, постараемся разогнать его в две недели. Едва Плеханов произнес эти слова, как съездом овладело сильнейшее волнение. Часть делегатов разразилась аплодисментами, другие начали свистать и шикать. Председатель призвал к порядку шикавших делегатов, но один из них, встав в гордую позу, заявил: «Если на съезде рабочей партии раздаются такие неслыханные слова, то я обязан им шикать». По иронии истории, этот человек был не кто иной, как Розанов, тот самый который, под кличкой «Мартын», работал в Петрограде, был членом П. К. и Ц. К. и выдающимся деятелем тогдашнего поколения революционеров; тот самый Розанов, который начал с протеста против упомянутых слов Плеханова, а кончил тем, что стал организатором партии Деникина, был арестован за участие в «национальном центре» и приговорен к смертной казни, но, по свойственной нам мягкости, разгуливает теперь на свободе, бросив, кажется, политику.

Плеханов о смертной казни.

В этом небольшом инциденте, отразился, как солнце в малой капле вод, спор Горы и Жиронды, будущих большевиков и меньшевиков. На II съезде были поставлены ребром те коренные вопросы, которые впоследствии сыграли столь решающую роль и провели окончательный рубеж между нами и меньшевиками. Плеханов был в то время большевиком, в лучшем смысле этого слова: он гордился кличкой «якобинец». Когда разбирался вопрос о смертной казни и меньшевики потребовали ее отмены, Плеханов окатил их ушатом холодной воды, сказав: Отмена смертной казни, — очень хорошо; но я считаю, что некоторые оговорки необходимы. Как вы думаете: Николая II можно оставить в живых? Я думаю, что для него смертную казнь надо сохранить. Меньшевики рассуждали уже тогда, как либералы: нехорошо, мол, когда льется кровь, — а не как революционеры, которые говорят: все зависит от обстоятельств: ничего дурного в уничтожении тирана Николая II не может быть. Когда Керенский пытался ввести смертную казнь по отношению к рабочим и солдатам, мы поднимали тогда против этой меры весь народ—и мы были правы. А смертная казнь, обрушивающаяся на Николая, на помещиков, это—совсем другое.

Во всех острых вопросах,—вроде всеобщего избирательного права, парламентаризма, Учредительного Собрания или смертной казни,—Плеханов выступал, как настоящий большевик, как истинный защитник идеи гегемонии пролетариата, и, как революционер, он с гордостью называл себя якобинцем. Плеханов намекал на съезде: Да, наша социал-демократия разделяется на Гору и Жиронду; вы, меньшевики, вы—жирондисты, будущие предатели рабочей революции. Некоторые знают Плеханова только в последние годы его жизни, когда его звезда закатилась, когда он, во время войны, перешел в лагерь противника. Но, в известной мере, он—один из основоположников большевизма. В 1903 году он защищал те идеи, которые являются нашим общим достоянием. На II съезде он был вместе с Лениным и вошел в совет партии и в редакцию ее центрального органа, как представитель тех же взглядов, что и Ленин. Плеханов—большевик.

Съезд закрылся, расколовшись. Ц. К. был выбран одними большевиками. Мартов выступил с брошюрой «Осадное положение партии», в которой обвинял Ленина во всех смертных грехах и разных обидах, нанесенных им многим достойным людям. Делегаты - меньшевики поехали в Россию и создали особое «Бюро», сразу объявившее бойкот большевистскому Центральному Комитету. В «Искре» никто не работал, кроме Ленина и Плеханова. Произошла, как выражался, со свойственным ему остроумием, Плеханов, grève générale des généraux («всеобщая стачка генералов»). Эти «генералы», сотрудничавшие в «Искре», положили свои перья и отказались писать в газете, в которой не было ни Мартова ни Аксельрода. Шесть номеров «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова, и в этих номерах последний еще раз тряхнул стариной. Он стал помещать статьи, в которых учил тактике уличного боя; он, ученый марксист, писал о том, как строить проволочные заграждения для сражений с царскими жандармами. Он делал то, что делали тогда большевики, предчувствовавшие революционную грозу. Но очень скоро, даже слишком скоро, Плеханов сдал свои позиции. Не прошло и нескольких месяцев, как он пере- После II съезда.

метнулся. Он предложил Ленину вернуть в редакцию «забастовавших генералов» и уступить их стачке, надеясь взять их как-нибудь в руки, даже будучи в меньшинстве. Но Ленин, как всегда в принципиальных вопросах, оказался непримиримым и ушел из редакции. Плеханов остался один и, как тогда шутили, «единогласно» пригласил четырех меньшевистских вельмож назад в «Искру». Новая «Искра» стала меньшевистским органом. Плеханов пытался сначала удержать «генералов» от чрезмерного уклона вправо, но потом постепенно смирился, покорился судьбе и сам стал меньшевиком.

Таким образом, к концу 1903 года, мы имели уже две сложившихся группы, две организации, две партии. Можно сказать, что в то время большевизм и меньшевизм, как идейные течения, уже оформились, и к тому моменту, когда грянула революционная гроза, они сложились окончательно.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Русско-японская война.

Важнейшим событием 1904 года была, разумеется, русско-японская война. Она имела громадное значение, явившись фактором, революционизировавшим нашу страну и приблизившим первую революцию 1905 года, без которой был бы немыслим и 1917 год.

Небесполезно сказать несколько слов о причинах этой войны, насчет которых в тогдашней русской социал-демократии наблюдалось некоторое расхождение. Меньшевики подчеркивали, главным образом, ее династический характер, объясняя ее исключительно стремлением дома Романовых упрочиться на троне при помощи попытки отвлечь внимание народа от внутренних событий к внешним. До известной степени, это, конечно, верно. Страна была недовольна, глухо волновалась, и вполне естественно, что тогдашнее правительство, которым верховодили Победоносцев, Витте и К°, прибегло к этому отвлекающему средству. В истории найдется не один пример, когда короли и императоры, в критический для них момент, старались, при помощи войны, искусственно вызвать в народе патриотическую лихорадку и отсрочить тем самым развязку внутри государства. Но из той же истории известно, что бо́льшая часть таких попыток приводила, обыкновенно, лишь к ускорению краха монархических правительств. Так было и с русско-японской войной.

Точка зрения меньшевиков.

Но мотив династический не исчерпывал дела. Рядом с династическим мотивом в этой войне играли, несомненно, значительную роль и стремления чисто импе-

риалистические, завоевательные, желание заполучить новые рынки и т. п. Многие партийные комитеты, работавшие в России, подчеркивали именно этот характер русско-японской войны, но меньшевики боролись против такого взгляда, доказывая, что ничего подобного, в данном случае, нет. И если вдуматься теперь в эволюцию меньшевизма, то придется сказать, что уже в самом анализе причин русско-японской войны также заключалось зерно их будущего политического мышления, не хотевшего видеть, как это было и в 1917 году, коренные экономические мотивы этого столкновения.

Пораженчество. Во время русско-японской войны впервые возникло течение, которое в 1917 году получило название «пораженчества». На нем необходимо остановиться, так как оно имеет ближайшее отношение к дальнейшей эволюции большевизма и к нашим спорам с нашими политическими антиподами.

Пораженчеством были охвачены не только обе части рабочей партии, т.-е. большевики и меньшевики, но и почти все либеральное буржуазное общество. Это явление, далеко не случайное, показывает, что в те годы, когда царизм наступал, если можно так сказать, на любимые мозоли буржуазии, она умела итти напролом и даже допускала поражение «своего» правительства во внешней войне, лишь бы добиться уступок во внутренней политике. Желающим ознакомиться с этим вопросом подробнее рекомендую прочитать сборник «Против течения»; с своей же стороны, ограничусь лишь некоторыми доказательствами того, что пораженчество, во время русско-японской войны, было разлито широкой волной по всей России.

В 1904 году, известный либеральный писатель,—убежденный, в то же время, монархист,—Борис Чичерин (не наш теперешний наркоминдел, а его родственник, известный публицист) писал:

> Последствия этой войны помогут, наконец, разрешить внутренний кризис. *Трудно сказать, какой исход войны для этого более желателен.*

Эти слова, довольно недвусмысленно заявляющие, что более желательным является поражение царской

России, чем ее победа, были написаны под царской цензурой. Можно ли себе представить, хотя бы на минуту, чтобы в 1914 году, во время империалистической войны, нашелся какой-нибудь буржуа, способный сказать что-нибудь подобное. Это было невозможно, потому что через 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю Государственные Думы царское самодержавие, как-никак, установило известное, более или менее, тесное соглашение с верхами русской буржуазии; потому что в 14-м году, хотя бы только внешним образом, монархия была не та, что в 1904-м. Раздел власти между помещиками и буржуазией в 1914 году уже совершился, и по этой причине буржуазия в 14-м году относилась к войне совсем не так, как в 1904-м. В 1916 году, в самый разгар войны, Милюков произнес в Государственной Думе речь, в которой заявил, что, если бы путь к победе над немцами вел через революцию, то он отказался бы от победы. Этот просвещеннейший представитель буржуазии говорил, таким образом, что если без революции нельзя побить немцев, то лучше отказаться от победы над ненавистными немцами, лишь бы обойтись без революции. Другими словами, он хотел сказать, что революции он боялся больше, чем победы немцев. Эти два заявления: с одной стороны—виднейшего представителя революционной буржуазии Бориса Чичерина, в 1904 году, а с другой—крупнейшего представителя либеральной буржуазии Милюкова, в 1916 году, указывают пройденный Россией путь и эволюцию самой буржуазии.

В 1904 году значительная часть буржуазии стояла за поражение России в русско-японской войне, надеясь, таким образом, добиться от самодержавия известных уступок и поделить власть с помещиками, которые иначе никогда бы не уступили. Буржуазия прекрасно знала, что, если бы царизм победил, то позиция помещиков укрепилась бы еще больше и исчезла бы всякая надежда на конституцию, т.-е. на разделение власти между помещиками и буржуазией.

Пораженческое настроение в более резкой форме разделяли, конечно, и революционеры, в том числе эсеры. Эта партия, не выходившая в 1914—1917 годах из плена «патриотизма», была, во время русско-японской войны, тоже

Воспоминания Гершуни.

настроена архипораженчески. Вот что пишет, например, по этому поводу один из признанных вождей эсеровской партии—покойный Гершуни, сидевший тогда в Петропавловской крепости. О поражении русских войск и, вообще, о самой русско-японской войне он впервые узнал от своего защитника, адвоката Карабчевского, который явился к нему в тюрьму. Эта встреча известного русского террориста с виднейшим русским адвокатом, типичным представителем тогдашнего оппозиционного общества, весьма интересна.

С нетерпением ждешь,—пишет Гершуни,—когда кончится вся эта комедия и останешься, наконец, наедине с защитником—единственным живым человеком не из вражеского стана, имеющим на то право.

После долгой и томительной церемонии, дверь камеры захлопывается, и мы остаемся вдвоем, только вдвоем!

(Начинаются долгие и лихорадочные расспросы.)

—Плеве еще у власти? Жив?

—Да. Но есть большие новости: вы знаете, что объявлена война?

—Война?! С кем?

—С Японией. Некоторые наши крейсера уже взорваны, и мы терпим поражения...

—Вторая Крымская кампания? Порт-Артур—Севастополь? Ex oriente lux?

—Похоже на то.

—А как страна: охвачена «патриотическим» угаром, жаждет сплотиться с «державным вождем»?

—Да, не без того, конечно. Но все, в значительной степени, вздуто и искусственно. Война непопулярна. Никто ее не ждал и никто ее не хочет.

— Странно,—прибавляет Гершуни,—что тут, в полутемной камере Петропавловской крепости, все, как-то сразу, стало ясным. Чувствовалось, что надвигается что-то бесконечно грозное, бесконечно тяжелое, бесконечно скорбное и что оно сыграет для государства роль того громового удара, который разбудит спящих, разорвет и испепелит завесу, скрывающую перед большинством страны истинную суть самодержавного строя...

Дальше, в своих воспоминаниях, тот же Гершуни рассказывает, как из клочка газеты, подобранного им на прогулке во дворе Шлиссельбургской крепости, он и его товарищи по заключению узнали о падении Порт-Артура. Поддавшийся на «военную хитрость» крепостной жандарм

подтвердил им эту новость. Трудно описать, что испытали шлиссельбургские узники. «Мы задрожали,—пишет Гершуни,—пал Порт-Артур... падет и самодержавие»! Настроение явно пораженческое.

Пораженчество в романе Савинкова.

И не только у Гершуни. Даже такой человек, как Савинков, в своем известном романе «Конь бледный», который он напечатал под псевдонимом Ропшина, описывает состояние своего героя, едущего из-за границы в Россию на террористическую работу. По дороге он узнает о Цусиме,—о грандиозном поражении царского флота,—и его охватывают самые противоположные чувства: с одной стороны, как русский человек, он жалеет о разбитом флоте, о погибших людях, об убитых и потопленных русских матросах, а с другой,—как революционер, он понимает, что поражение под Цусимой означает победу революции, что разгром царского флота пойдет ей на пользу.

То же настроение мы видим и в «Записках о русско-японской войне»—Вересаева, превосходно отражающего в своих произведениях все новые веяния, возникающие в русской интеллигенции. Каждая строка его «Записок» свидетельствует о том, что почти вся русская интеллигенция, настроенная пораженчески, прекрасно понимала, что поражение царской России в японской войне будет означать победу освободительного движения.

Большевики и русско-японская война.

Теперь обратимся к лагерю тогдашней социал-демократии. Что касается большевиков, то они, без малейших колебаний, высказывались за желательность полного поражения царской России. Когда «Искра», уже ставшая меньшевистской (после того, как тов. Ленин ушел из нее, а Плеханов пригласил к себе на помощь четырех меньшевиков), выкинула лозунг «мир во что бы то ни стало», большевики возразили, что этот лозунг неправилен. Мы не стоим за мир во что бы то ни стало,—говорили они,—мы не пацифисты. Бывают такие войны, которые, в конце концов, идут на пользу народу. Значит, уже тогда в мировоззрении большевизма обнаружились зачатки их будущей идеологии: превращения империалистической войны в гражданскую.

Позиция меньшевиков.

Меньшевики, хотя не без колебаний, тоже заняли пораженческую позицию. На Международном Социалисти-

ческом Конгрессе в Амстердаме, в 1904 году, где наша партия была представлена двумя делегациями: одной — официальной, во главе с меньшевиками (потому что они владели тогда центральным органом партии), и другой — нашей большевистской, малочисленной, не признанной и допущенной лишь с правом совещательного голоса, — на этом конгрессе Плеханов встретился с нашим нынешним товарищем Катаямой, которого многие из вас, вероятно, видели и который представлял на упомянутом конгрессе японское движение. И вот, между ними разыгралась тогда сцена братания: они облобызались, при восторженных кликах всего конгресса, с энтузиазмом аплодировавшего пораженческой речи Плеханова. Вот как он описывает это событие:

—Я сказал, что, в случае победы царского правительства над Японией, побежденным окажется не кто иной, как тот же русский народ... Победоносное царское правительство могло бы, пользуясь обаянием победы, еще сильнее затянуть те цепи, которыми оно сковывает русский народ. Я напомнил конгрессу о той, к сожалению, неоспоримой исторической истине, что иностранная политика царского правительства была издавна политикой хищничества и захвата; что это правительство неизменно стремилось подчинить себе все те из окружающих нас народов, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпор, и что оно охватило собственно русскую землю непрерывным ожерельем из побежденных народностей, возвращающих ему, в виде ненависти, все то, что они получают от него в виде угнетения. И я прибавил, что от такой политики само русское население страдало не меньше, если не больше всех, потому что ни один народ не может быть свободным, если он служит орудием угнетения своих соседей... И, говоря все это, я сознавал, что выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей. Никогда еще голос российской социал-демократии не был в такой сильной степени голосом русского народа.

И весь II Интернационал, в лице Амстердамского Конгресса, подписался под этими словами меньшевистского вождя о том, что победу царского правительства он считал бы поражением русского народа. Таким образом, под давлением всей революционной обстановки и видя, что даже буржуазия была настроена тогда пораженчески, меньшевики заняли, в свою очередь, пораженческую позицию.

Предательство меньшевиков.

Все это необходимо иметь в виду, чтобы уяснить себе предательство меньшевиков во время войны 1914—17 годов,

когда они представляли дело так, будто наша пораженческая позиция была не чем иным, как неслыханной изменой русскому народу. Как известно, далее, в июльские дни 1917 года, они уверяли даже, что за наше «пораженчество» нам было хорошо заплачено. Во всяком случае, эта страница русской истории весьма примечательна, выявляя тот любопытный факт, что в те дни, когда русская буржуазия была еще не у власти, когда над ней сидел помещик, она была настроена весьма пораженчески. Ныне, задним числом, Мартов пытается отречься в своей «Истории российской социал-демократии» от пораженческой позиции меньшевиков во время войны. Он пишет:

Как только, после неудач русской армии, в либеральном обществе и в революционных кругах развились типичные «пораженческие» настроения и окрепла надежда на то, что дальнейший военный разгром добьет царизм почти без новых усилий со стороны народа; как только, в связи с этим, обнаружились известное «японофильство» и идеализация роли, которую в данной войне играл японский империализм,—«Искра» (т.-е. меньшевики, владевшие тогда этой газетой) выступила против «пораженчества», отстаивая заинтересованность народа и революции в том, чтобы война не закончилась возложением на Россию тяжелых жертв и чтобы свобода была принесена русскому народу не на японских штыках.

Японофильство и большевики.

Мартов явно замазывает дело и ныне, задним числом, пытается замолить свои революционные грехи перед буржуазией. Он нарочно смешивает два вопроса, говоря о японофильстве и о том, что «Искра» боролась против него. Эта симпатия к японцам ничего общего с «пораженчеством» не имела. Во время войны, когда японцы дрались с войсками русского царя, некоторые слои либерального общества (в особенности, студенчество) заходили настолько далеко, что отдельные группы студентов посылали, будто бы, приветственные телеграммы японскому микадо. Этот факт не вполне проверен, но царская печать пустила его в ход и усиленно распространяла. Во всяком случае, если симптомы японофильства и существовали, то мы, революционеры, выступали, понятно, против них. Мы говорили: японский монарх нисколько не лучше нашего русского, и мы не ждем, что он принесет нам свободу на штыках своих солдат. И, с этой точки зрения, мы осуждали всякие крайности со стороны либералов и поверхностных

революционеров-студентов, которые если не послали, то собирались, может быть, послать телеграмму японскому императору. В этом смысле Мартов был прав: да, мы были против японофильства, но мы стояли за поражение царской армии в этой войне, и Мартов нарочно спутывает карты, рассказывая следующий факт:

Лидер финских буржуазных «активистов»,—впоследствии глава финляндского правительства в 1905 году,—Конни Циллиакус, предложил непосредственно, как Плеханову, так и заграничным представителям Бунда, вступить в переговоры с агентами японского правительства о помощи русской революции деньгами и оружием.

Мартов добавляет, что это предложение было отвергнуто. Это верно. Когда русские революционеры, и даже часть русской буржуазии, выступили определенными пораженцами, тогда японцы и некоторые их наемные агенты сделали попытку забросить к нам удочку: так как вы стоите за поражение царской монархии, то, если хотите, мы охотно вас поддержим деньгами и оружием. Само собой разумеется, что все такие предложения отвергались с негодованием нашей организацией и всеми честными революционерами, а также меньшевиками и Плехановым. Большевики говорили: мы против русского царя, но это не значит, что мы за японского монарха. Но это все же не мешало всем нам—в том числе и меньшевикам—быть пораженцами.

Рост либерального движения.

По мере того как развивались вызванные японской войной события, либеральное движение росло и ширилось. Возникло не только сильное забастовочное движение среди рабочих, не только студенческое движение, но произошел также громадный сдвиг среди земцев-либералов, увидевших, что самодержавие влипло в историю, из которой оно не вылезет. Либеральная буржуазия почувствовала, что война неизбежно принесет конституцию, подобно тому, как Крымская война повлекла за собою освобождение крестьян в 1861 году. И чем больше японцы били царские войска, чем яснее самодержавие доказывало, что оно—колосс на глиняных ногах, тем смелее, и даже наглее, в силу тогдашнего переплета социальных сил, становилась русская буржуазия. Мало того: обретя храбрость, она начала организоваться с удивительной быстротой, при чем, как это вполне

понятно, эта организация выливалась у нее в те формы, какие ей были свойственны. У рабочего класса, когда в недрах его начинается подъем, движение принимает, обыкновенно, формы стачек, массовых демонстраций, а затем—вооруженного восстания; но либеральной буржуазии свойственны иные приемы борьбы: собрания, банкеты и петиции. Самые знатные земцы, среди которых многие были княжеского рода, повели систематические кампании на губернских земских собраниях, составляли на них свои резолюции, которые они называли адресами, и, покрывая их своими подписями, направляли царю. В этих адресах они ему говорили, что он должен послушаться общественного разума и «голоса страны», т.-е. *их* голоса, и дать народу конституцию, призвав их, земцев, к власти. Скоро это земское движение достигло своей высшей точки, выразившись в форме посылки депутации к царю. Это было все, на что либералы могли решиться.

Взаимоотношения рабочего класса и буржуазии в 1904 году.

В связи с этим пробуждением буржуазии к политической жизни, чего до тех пор в России не наблюдалось, снова возник с особой остротой вопрос об отношении рабочего класса к буржуазии, тот самый основной вопрос, с которым мы сталкивались на всех этапах истории партии и к которому, в конце концов, сводятся все наши разногласия с меньшевиками. Этот вопрос уже вставал, как мы видели, и в легальном марксизме, и в борьбе с народниками, со Струве, с «экономистами», и на втором съезде партии, когда была предложена, с одной стороны, резолюция Ленина-Плеханова, а с другой—Мартова и его единомышленников. На этот раз, в 1904 году, вопрос этот возник впервые уже не как теоретический, а как политический и архи-злободневный: либеральная буржуазия пришла в движение, и рабочему классу надо было решить— как относиться, в этом случае, к буржуазии? И вот тут-то, как и раньше, между нами и меньшевиками обнаружились крупные разногласия.

Меньшевики выдвинули так называемый план земской кампании, который сводился к следующему. Принимая во внимание, что повсюду происходили губернские собрания представителей либерального земства, обсужда-

вших положение в России и обращавшихся с петициями к царю, рабочий класс должен был, по мнению меньшевиков, посылать на эти собрания своих представителей, поручив им сказать дворянам и либеральной буржуазии, что рабочие будут их поддерживать и пойдут вместе с ними, если они будут энергично продолжать свою петиционную кампанию. При этом меньшевики особенно напирали на то, что рабочие не должны запугивать либеральную буржуазию своими чрезмерными пролетарскими требованиями. Меньшевистская «Искра», та писала прямо и открыто:

Если посмотреть на арену борьбы в России, что мы увидим? Только две силы: царское самодержавие и либеральную буржуазию, которая сорганизовалась и имеет теперь громадный удельный вес. Рабочая масса же распылена и ничего не может сделать; как самостоятельная сила, мы не существуем, и потому наша задача заключается в том, чтобы вторую силу—либеральную буржуазию—поддерживать, ободрять и, ни в коем случае, ее не запугивать предъявлением своих самостоятельных пролетарских требований.

Из этой постановки вопроса план меньшевиков выступает с особенной ясностью: рабочий класс, как самостоятельную силу, надо скинуть со счетов, имея в виду лишь две силы: царя и либеральную буржуазию. Какая из них лучше? Конечно, либеральная буржуазия. А если так, давайте поддержим ее. В этой постановке вопроса ярко сказался оппортунизм меньшевиков и обнаружился их курс: на блок, на союз с буржуазией, а не на самостоятельную роль рабочего класса.

Позиция тов. Ленина.

Против этого меньшевистского плана, явившегося первым крупным практическим разногласием после второго съезда, на котором большевистская партия начала складываться, решительно выступил большевизм в лице тов. Ленина, написавшего по этому поводу ряд статей и брошюр, которые можно считать первыми важнейшими политическими документами большевизма. Их надо изучить всякому, кто хочет понять историю нашей партии.

Тов. Ленин, отвечая меньшевикам, говорил:—Вы требуете от нас, чтобы мы не запугивали либералов и либе-

ральствующих дворян, но, ведь, вы сами себя запугиваете тенью запуганного либерала. Вы полагаете, что надо иметь в виду только две силы: царское самодержавие и либеральное дворянство, но вы кое-что забыли, вы не заметили малого; ведь, кроме этих двух сил, есть еще одна—громадная, решающая, суверенная: рабочий класс, который сорганизовался и который, несмотря на то, что его партия—в подполье, что его бьют на каждом шагу в три кнута, все-таки является главной движущей силой революции. Вы забыли, что пролетариат имеет свою самостоятельную задачу, а не только выбор: либо царь, либо Родичев, либо царская монархия, либо либеральная конституция; вы забыли, что у него есть свой путь, ведущий к соединению с крестьянством, к настоящей народной революции, которая вырвет с корнем монархию, выжжет каленым железом остатки феодализма и станет первым шагом к подлинной пролетарской революции.

И, основываясь на этих словах тов. Ленина, мы, большевики, выдвинули другой план: когда буржуазия начинает путаться в ногах у монархии и якобы с ней бороться, в этот момент мы и должны выступить, как самостоятельная сила, выйти на улицу, громить полицейские участки и т. д. Последний проект меньшевикам особенно не понравился, и они принялись над нами насмехаться; что же мы, по-вашему, громилы? разве это революционная работа—громить полицейские участки? По их мнению, гораздо важнее было ходить на губернские собрания либеральных дворян и поддерживать их, «не запугивая». Сыграет ли рабочий класс самостоятельную роль в революции или останется прихвостнем либеральной буржуазии? Будет ли он простым придатком буржуазии, ее левым крылом, или, наоборот, самостоятельной и главной движущей силой революции, которая произведет своим вмешательством известную перетасовку в соотношении классовых сил? Так стоял вопрос.

Отход от меньшевиков.

И вот тогда-то, в эту земскую кампанию, когда вполне обрисовалась позиция меньшевиков и их тактика поддержки буржуазии и союза с ней, от них стали отходить Парвус и тов. Троцкий, которые их до тех пор поддер-

живали. В то же время большевизм стал укрепляться, так как к нему стали переходить все революционеры и рабочие, которые считали до тех пор все разногласия лишь спорами о пустяках и деталях, а теперь убедились, что дело шло не о второстепенном вопросе, но об исторической роли рабочего класса в революции, другими словами, о характере самой русской революции: быть ли ей обычной буржуазной революцией, какие не раз уже были в 1848 году и раньше, или же стать революцией нового типа, когда главной движущей силой и гегемоном будет рабочий класс. С этого момента, повторяю, в большевизме начался процесс консолидации и, как губка всасывает воду, так и он стал притягивать к себе наиболее революционные элементы тогдашней социал-демократии, убедившиеся, наконец, в его правоте.

Здесь необходимо сказать, попутно, несколько слов относительно внутрипартийных и организационных вопросов, которые развели нас и меньшевиков в разные стороны.

Спор о демократизме внутри партии.

В 1904—5 годах большую роль сыграл вопрос о демократизме в партии. Это—весьма интересный эпизод, бросающий яркий свет на некоторые споры нашего времени. Меньшевики крепко стояли за «последовательный демократизм» в партии, за строгое выборное начало, между тем как большевики, с тов. Лениным во главе, решительно против него тогда боролись. В данную минуту молодым товарищам может показаться странным, как это большевики были против демократизма, против выборности в партии, а меньшевики стояли и за то и за другое. Но их недоумение легко рассеять.

Дело в том, что меньшевики не верили в самостоятельную роль пролетарской партии в революции, не верили, что нам удастся, при самодержавии, создать серьезную пролетарскую партию. Как я уже говорил, они хотели иметь такую партию, куда легко и свободно могли бы входить и студент и профессор; они думали, что наша партия всегда будет интеллигентской, и стремились, поэтому, к такой, вполне законченной постройке, при которой каждый «его величество интеллигент» сможет получить свою долю прав, когда никто его не будет «угнетать», когда он

будет выбирать и слушать отчеты,—одним словом, когда будет «настоящий демократизм»—совсем «как в Европе».

Большевики, устами тов. Ленина, возражали им следующее:—И мы стоим за демократизм, но только тогда, когда он действительно будет возможен; теперь же демократизм был бы игрой в бирюльки, а этого мы не хотим, потому что нам нужна серьезная партия, которая могла бы бить царя и буржуазию. В настоящее время, когда мы—в подполье, мы осуществить подлинный демократизм партии не сможем; нам нужна организация испытанных профессиональных революционеров, доказавших долгими годами работы, что они готовы отдать свою жизнь за революцию и партию; и вот этих-то людей мы возьмем и им в руки отдадим свою судьбу. При самодержавии, при его зверских репрессиях, если мы будем гнаться за выборностью, за демократизмом, мы только поможем царской шайке разбить нашу организацию и облегчим царским сыщикам и провокаторам охоту на наших людей.

Меньшевики, как ловкие демагоги, ловили всех мало опытных рабочих, печатали их письма и кричали: «Вот видите! Это—рабочие, они требуют выборности, а вы их обижаете, не соглашаетесь». В Питере есть рабочий Глебов-Путиловский (он был тогда меньшевиком), написавший, в таком именно духе, очень путаную брошюру за демократизм. Меньшевики моментально ее напечатали с предисловием самого Аксельрода, заявив: Вот видите—его устами глаголет весь пролетариат, все рабочие требуют выборности, а вы ее не даете.

Тов. Ленин отвечал статьей: «Соловья баснями не кормят». Смысл ее был таков:

Мы тоже знаем рабочих: они стоят за демократизм, как и мы, но за такой, который действительно нам нужен; и, когда он будет возможен, мы первые проведем его. А своими сказками вы только заговариваете зубы. Настоящий серьезный рабочий понимает, что демократизм и выборность — не самоцель, а средство для освобождения рабочего класса. Мы строим партию так, как это нам выгоднее для борьбы в данный момент. А в эту минуту нам необходима строгая иерархия и централизм.

Теперь нам ясно, что в то время меньшевики пытались при помощи «демократизма», играть с рабочими, рассчитывая поймать их на эту удочку. Они кричали на всех перекрестках: «Мы предлагаем выборность, а большевики против; значит, они против вас, а потому—идите к нам». Но скоро рабочие их раскусили.

Организационно, события развивались, в этом отношении, следующим образом.

Засилье меньшевиков.

На втором съезде большевикам достались, как известно, и Центральный Комитет партии, и ее центральный орган, которым руководили Плеханов и Ленин, и Совет Партии. В последний входили: два представителя от Центрального Комитета, два—от центральнюго органа партии, который находился за границей, и пятый—председатель, которого выбирали на самом съезде. Этим пятым был выбран Плеханов. В Совете Партии у нас тоже было большинство. Однако, через несколько месяцев, когда Плеханов повернул фронт, а часть членов-большевиков Центрального Комитета была арестована в России, получилась такая вещь: сначала перешел к меньшевикам центральный орган партии «Искра», затем из наших рук выскользнул Центральный Комитет, куда, после ареста наших товарищей, выбрали меньшевиков, и, наконец Плеханов, перейдя на сторону меньшевиков, принес им в приданое и Совет Партии. В короткое сравнительно время мы потеряли все эти центральные позиции. Меньшевики сидели и в Центральном Комитете, и в центральном органе партии и в Совете Партии, и Мартов мог разгуливать, надев по ермолке на каждую руку, ибо он был «един в трех лицах»—Совет Партии, Центральный Комитет и центральный орган партии.

Такое положение было для нас чрезвычайно тяжелым. Надо сказать, что в то время весь авторитет партии был на стороне меньшевиков. Тов. Ленин, при всем весе, каким он пользовался в партии, был всетаки, по сравнению с Плехановым, еще молодым деятелем. А это имело, конечно, большое значение. Я, например, вспоминаю свои первые беседы с Плехановым (в то время я и подавно был «комсомольцем»), когда он запугивал нас, говоря: «За кем вы идете? Вы посчитайте только, кто на

нашей стороне: я (Плеханов), Мартов, Засулич, Аксельрод и другие, а там, у вас, один только Ленин. Ведь, дело, в конце концов, повернется так, что через несколько месяцев все воробьи будут смеяться над вашим Лениным. А вы идете за ним!» И, действительно, часть партии была под гипнозом этих старых авторитетов, заслуги которых (хотя бы такого человека, как Плеханов) были громадны.

Положение большевиков было, повторяю, чрезвычайно трудным и осложнялось еще тем, что не было возможности опросить партию, которая была загнана в подполье и подвергалась яростным преследованиям со стороны царизма.

Бюро Комитетов Большинства (Б. К. Б.).

В связи с таким положением, для большевиков все острее и острее выявлялась необходимость сорганизоваться особо и формально закрепить эту организацию. Тов. Ленин, которого многие, в особенности меньшевики, прославили, как свирепого и неутомимого «раскольника», хотя, на самом деле, он решался на такие шаги с большим трудом и после многих размышлений, когда иного выхода не оказывалось,—тов. Ленин, после долгого размышления и всестороннего рассмотрения вопроса, решился на этот раскол. На него повлияло также, до известной степени, давление русских комитетов и, отчасти, тогдашней, более нетерпеливой большевистской молодежи, которая говорила: время не ждет, революция близка, надвигаются крупные события (дело было незадолго до 9 января), надо организовать свою партию. И вот, целый ряд областных конференций партии—северной, южной, московской и др.—выдвинул план создания в России «Бюро Комитетов Большинства», в противовес меньшевистскому Центральному Комитету. Когда, таким образом, основалась всероссийская центральная организация большевиков, вступившая в непосредственную борьбу с меньшевистским Центральным Комитетом, тогда тов. Ленин дал окончательное свое согласие на организацию отдельной партии, после чего мы приступили к изданию заграницей первой большевистской газеты, которая называлась «Вперед» и вышла в начале 1905 года в Женеве, питаясь жалкими средствами, собранными по грошам среди большевиков, сочувствовавших этому движению.

«Вперед» продолжало дело старой, ленинской, «Искры», но уже в новой обстановке, и закладывало основание тактики большевиков. Таким образом, к началу 1905 года большевики имели в России Бюро Комитетов Большинства, а за границей большевистский орган «Вперед». Меньшевики, с своей стороны, имели в своем распоряжении Центральный Комитет, центральный орган и Совет Партии.

9-ое января. В такой обстановке, когда партия была все еще распылена, все еще пребывала в подполье, а внутри нее шла сильная борьба двух оформлявшихся течений, разыгрались события 9-го января. Я не буду говорить о них сколько-нибудь подробно; они вам известны. Их основное содержание заключалось в том, что, через голову оформленной партийной организации, беспартийная рабочая масса вышла на улицу, заполонила площадь Зимнего дворца и показала, что меньшевики ошибались, когда говорили, будто на арене борьбы действуют только две силы: царская монархия и дворянская оппозиция. 9-е января доказало, что есть еще одна сила, которую меньшевики, как слона, и не заметили, а именно — *рабочий класс*. Правда, рабочая масса еще ясно не знала, чего она хотела, она была неорганизована и не имела своих вождей, выдвигая, в качестве таковых, случайных людей; правда, она шла с иконами, была несознательна и ее расстреляли, как стаю уток,— все это так, но эта масса существовала и была могучим политическим фактором. Ее выступление 9-го января потрясло всю Россию, а это было куда ценнее всяких либеральных резолюций и петиций. 9-го января рабочий класс доказал, что он жив и что задача истинных революционеров была не в том, чтобы бегать по губернским собраниям и передним знатных земцев, не в том, чтобы говорить спокойные и никого «не пугающие» речи, а в том, чтобы возглавить бурно разразившееся рабочее движение, которое прорвалось, как плотина, не имея на первых порах ни вождей, ни ясной политической программы. Другими словами, было туловище, к которому надо было приставить голову: надо было партии вмешаться в эту массу, взять на буксир ее великое движение и повести ее по историческому пути рабочего класса.

9-е января и дальнейшие события выдвинули, как известно, несколько случайных беспартийных фигур. Это факт вполне понятный и объясняется он тем, что партия была тогда в подполье и не могла связаться как следует с поднимавшейся рабочей массой. Среди этих случайных фигур были Гапон, Хрусталев и лейтенант Шмидт,—люди сильно отличавшиеся друг от друга, но все трое совершенно новые для революции. Гапон, сыгравший 9-го января крупную роль, оказался потом провокатором и был казнен революционерами; Хрусталев, впоследствии отошедший от партии, показал себя полуавантюристом. А что касается лейтенанта Шмидта, то, будучи довольно привлекательной фигурой, он не был все же сознательным революционером. На-днях вышли его письма к близкому человеку, которые я советую каждому из вас прочитать, так как они представляют большой интерес, как человеческий документ, затрагивающий, между прочим, некоторые вопросы личной этики. Со страниц этой книги Шмидт смотрит на нас глубоко преданным революции человеком, спокойно шедшим за нее на смерть, но, вместе с тем, мы видим, что в политическом отношении это был человек без руля и без ветрил. Это можно сказать при всем уважении к его памяти. В письме к близкому ему человеку Шмидт пишет: Надо повидаться с Милюковым и обсудить с ним важные дела. Я надеюсь с ними сговориться. Мы пойдем вместе с ними. Таким образом, он был вначале полукадетом. Но это не мешает нам склоняться перед его могилой: это—человек, героически погибший за дело революции.

Значение 9-го января.

Я привел эти имена, чтобы показать, какие неожиданные фигуры выдвигало тогда движение, выбрасывая на свою поверхность людей, не имевших ясной программы и не знавших, как руководить всколыхнувшимися массами. Тот самый Шмидт, который руководил восстанием в черноморском флоте, мечтал, вместе с тем, сговориться с кадетами, т.-е. с помещичьей и монархической партией, каковыми были тогда «конституционные демократы». Нисколько, поэтому, не удивительно, что три крупных, каждая по-своему, фигуры, выдвинутые 1905-м годом, остались эпизодическими, так как не имели корней в рабочем классе.

9-е января поставило на очередь общий вопрос о том, как должна партия руководить могучим движением рабочих, которые рвутся в бой, но, в то же время, не имеют программы, не знают, чего хотят, и идут к Зимнему дворцу с иконами и хоругвями. Вместе с тем, 9-е января, гулко прогремевшее на всю Россию, уничтожило веру в монархию. Это не преувеличение. Рабочие, еще вчера верившие в монархию и думавшие, что плохи только министры, увидели, что их самый страшный враг — именно монархия, именно царь.

Споры вокруг лозунга «Временное Революционное Правительство».

Что касается нашей партии, то перед ней 9-е января поставило во весь рост вопрос о власти или, как тогда говорили, об участии во временном революционном правительстве. Большевики со всей силой выдвинули лозунг: организация вооруженного восстания и создание Временного Революционного Правительства. Но меньшевики энергично против него возражали. И снова, крайне характерно, что против нашего участия во временном революционном правительстве они приводили якобы «марксистские» доводы. Они говорили: Как можем мы, социалисты, войти в правительство, которое не будет социалистическим? Они намекали на свежий западно-европейский опыт.

Как раз незадолго во Франции закончилась эпопея так называемого мильерандизма. Слово это происходит от имени нынешнего президента французской буржуазной республики—Мильерана. В те годы он был социалистом и даже, одно время,—левым. Но потом буржуазия его подкупила и привлекла к участию в правительстве. Он вошел во французский буржуазный кабинет, говоря: «Я иду туда, чтобы защищать там интересы рабочих». Но он там этого не делал и не мог, конечно, делать, а постепенно стал агентом буржуазии. Против Мильерана, против мильерандизма, боролись все ортодоксальные марксисты, и на Амстердамском съезде даже Второй Интернационал высказался против него. Там по этому поводу произошел поединок между покойным Жоресом, защищавшим (правда, наполовину) мильерандистскую тактику, и Бебелем, который был против участия в буржуазном правительстве. Победил Бебель, и было постановлено, что участие социалистов

в буржуазном правительстве ни в коем случае не допустимо, ибо всякий такой социалист на деле станет заложником, приказчиком буржуазии и будет ею использован. Во Франции оно так и было. Мильеран, уже через год, расстреливал бастовавших рабочих, а ныне он—президент французской буржуазной республики.

Меньшевики не преминули припутать к нашему спору этот французский опыт. Они говорили: «А как же мильерандизм? Посмотрите, что из этого вышло. Можем ли мы после этого участвовать во временном революционном правительстве России?» А мы им отвечали: «Позвольте,— но вы не замечаете одной небольшой детали: во Франции Мильеран пошел в устойчивое буржуазное правительство, когда никакой революции не было, — попросту говоря, он продался буржуазии. У нас же, в 1905 году, дело идет о том, чтобы свергнуть царя, трон которого уже трещит, а для этого надо в ходе борьбы создать какую-нибудь центральную революционную рабоче-крестьянскую организацию, другими словами,—временное революционное правительство».

Точка зрения меньшевиков в вопросе о лозунге «Временное Революционное Правительство».

Но меньшевики стояли на своем, пуская в ход софизмы, подтасовывая факты и указывая на мильерандизм, т.-е. распевая совсем из другой оперы. Что было бы, если бы их взгляд, будто мы не должны входить во временное революционное правительство, одержал победу? Было бы то, что после падения царизма в правительство прошла бы буржуазия (ибо кто-нибудь, ведь, должен организовать правительство). Именно этого меньшевики и хотели. Их точка зрения была такая: рабочие не должны соваться в политику: их дело маленькое—экономическая борьба или поддержка либеральных земцев; а что до временного революционного правительства—или, вернее, временного *не*революционного правительства,—то его сумеет организовать и Милюков. И, действительно, в 1917 году они были рады-радехоньки, что нашелся Милюков и осчастливил их, согласившись принять из рук эсеров и меньшевиков власть, завоеванную рабочими.

Из вышесказанного ясно, почему меньшевики выступали против лозунга «временное революционное правительство». Их пуританские, на первый взгляд, доводы

были не чем иным, как оппортунизмом. Верные своей неизменной тактике, они пользовались всем, вплоть до марксистской терминологии, чтобы оттиснуть рабочих от власти и лишить их роли руководящего класса. Меньшевистский пуританизм на деле все время был оппортунизмом. Они вопили против сближения рабочих с крестьянами, выдвигая мотивом «классовую чистоту». А сами все время входили в блок с Черновыми, Савинковыми, Керенскими, т.-е. с самой дрянной и контр-революционной частью «крестьянской» партии.

Третий съезд большевиков в Лондоне и первая конференция меньшевиков в Женеве.

В середине 1905 года состоялся третий съезд партии, который, как уже было сказано, можно считать, в известном смысле, первым съездом большевиков потому, что на нем участвовали только они. Меньшевики, имея в правом кармане печать Центрального Комитета, а в левом—Совета Партии, говорили, что им никакого съезда не надо, потому что вся власть была в их руках. Вследствие этого мы, большевики, были вынуждены, чтобы выйти из этого положения, созвать новый съезд. Но меньшевики решительным образом этому воспротивились, и нам пришлось его собрать вопреки тогдашнему Ц. К. Съезд был созван Бюро Комитетов Большинства и состоялся за границей, в Лондоне, в середине 1905 года. В то же время, меньшевики собрали свою первую, как они выражались, Всероссийскую Конференцию в Женеве. Таким образом, летом 1905 года, уже перед самой революцией, состоялся смотр сил, с одной стороны—большевиков, на III съезде в Лондоне, а с другой—меньшевиков, на «Первой Всероссийской Конференции» в Женеве. На этих двух съездах обе стороны выработали детальную тактику—каждая сторона свою—применительно к революции 1905 года, ибо все чувствовали, что не сегодня-завтра настанут решающие дни.

III съезд имел громадное значение. Главная его заслуга была в том, что он впервые выдвинул разработанную программным образом идею соединения всеобщей забастовки с вооруженным восстанием. Теперь это нам кажется, как и многое другое, довольно обычной вещью, но в то время это было очень ново. Остановимся, на несколько минут, на вопросе о всеобщей забастовке.

Международная социал-демократия, в лице II Интернационала, эту идею тогда отвергала. Во II Интернационале ходило крылатое словечко покойного Ауэра, известного оппортуниста-вожака немецкой партии: Generalstreick ist Generalunsinn [1]). Почему? А потому, — говорил он, — что, если бы мы, действительно, могли провести всеобщую забастовку так, чтобы все рабочие, как один, бросили работу, то это значило бы, что мы можем сделать и революцию; но, если, с другой стороны, мы — такая сила, тогда нам не надо всеобщей забастовки; если же мы этого не можем, значит — у нас не выйдет и всеобщая забастовка. Отсюда Ауэр делал вывод: всеобщая забастовка—бессмыслица. Меньшевики подпевали Второму Интернационалу в этом вопросе. И тогда, действительно, о всеобщей забастовке не было и речи: была полоса такого затишья, что, когда в Бельгии, в связи с избирательным правом, произошла небольшая стачка, продолжавшаяся всего два дня, то это было громадное событие, о котором писали целые исследования, в том числе и покойная Роза Люксембург.

Вопрос о всеобщей забастовке.

При таком отношении Второго Интернационала, а меньшевиков и подавно, к вопросу о всеобщей забастовке, III съезд оказал большую услугу революционному движению, выдвинув вперед эту идею и заявив, что всеобщая забастовка—*не* бессмыслица, что в России она стоит в порядке дня, и что мы ее проведем.

Еще более остро стоял вопрос о вооруженном восстании. О нем Второй Интернационал и слышать не хотел, доказывая, что это анархизм, и ссылаясь на предисловие Энгельса, написанное им в 90-х годах. В этом предисловии Энгельс, указывая на бешеный рост военной техники буржуазных армий и на перестройку улиц в больших городах, которые, став слишком широкими, не давали возможности вести баррикадные бои, приходил к выводу, что, при таких условиях, вооруженное восстание—вещь очень трудная, так как буржуазия разобьет в несколько часов любое движение такого рода. За это предисловие крепко

Вопрос о вооруженном восстании.

[1]) Всеобщая стачка—всеобщая бессмыслица.

ухватились все оппортунисты и твердили в один голос, что вооруженное восстание—невозможно, что это, мол, «доказано Энгельсом», совершенно упуская из виду, что в России—условия иные и что империалистские войны могут создать другое положение в самих армиях и в Западной Европе.

И в этом отношении III съезд нашей партии опять оказал революционному движению крупнейшую услугу, заявив, что он ставит вооруженное восстание в порядок дня, что оно возможно и что оппортунисты неправильно толкуют Энгельса. При этом он не только выдвинул каждую из этих идей в отдельности, но еще предложил их синтез, т.-е. соединение вооруженного восстания со всеобщей забастовкой, как бы предусмотрев пророческим оком ход событий 1905 года, а потом и 1917-го.

Заслуги III съезда.

Таким образом, на III съезде был заложен несокрушимый фундамент большевистской тактики и начертана точная программа грядущей революции. Не надо забывать, что этот съезд заседал за два-три месяца до решающих событий 1905 года и что его постановления явились для революционных партий всего мира как бы образцом того, как революционная марксистская мысль, если она связана с массовым рабочим движением, может предугадывать путь революции. Перечитывая резолюции III съезда, можно сказать, что, приложив ухо к земле и прислушавшись к событиям в России, он предсказал, на основе марксистского анализа, их дальнейший ход.

Вопрос о вооружении рабочих.

Тем временем меньшевики завершали и совершенствовали свою оппортунистическую программу. На своей Всероссийской Конференции они выдвинули совершенно другую идею—так называемого «революционного самоуправления». Они готовились к участию в Булыгинской Думе и разработали оппортунистически все стоявшие на очереди вопросы. В этом смысле, отличным примером может служить вопрос о вооружении рабочих. III съезд нашей партии выдвинул его с большой силой и энергией. В наши дни он кажется нам, как и многое другое, азбукой, но тогда, в годы мирного развития Второго Интернационала, когда Каутский и его присные боялись ружья, как огня,

вооружение рабочих казалось многим диким бунтарским бредом. И вот, когда III съезд нашей партии поставил этот вопрос ребром, меньшевики, на своей Всероссийской Конференции, завопили, что это неслыханный анархизм, что это бунтарство! Нам надо вооружать рабочих не оружием,—говорили они, — а сначала «жгучим сознанием необходимости вооружаться». На это им превосходно ответил большевизм. Вы считаете русских рабочих маленькими детьми, вы хотите «вооружать их сознанием»; но это время уже прошло; сознание у них есть, и теперь их надо вооружать уже винтовкой, чтобы бить царя и буржуазию.

Вот как резко расходились мы тогда с меньшевиками. С одной стороны, была боевая рабочая фаланга, готовившаяся к революции, а с другой—кисло-сладкие разговоры о жгучем сознании и революционном самоуправлении, т.-е. об улучшении земств и городских дум и об участии в Булыгинской Думе.

Комиссия Шидловского.

После событий 9-го января, царское самодержавие увидело себя вынужденным пойти на известные уступки рабочим, выдвинув, для этой цели, так называемую комиссию Шидловского, которую многие петербургские рабочие, вероятно, еще помнят. Царь назначил председателем этой комиссии сенатора Шидловского и предложил рабочим послать туда своих представителей для совместного обсуждения вопросов о некотором улучшении быта рабочих, в духе требований Гапона. Само собой понятно, что коренных политических вопросов эта комиссия не затронула, ограничившись сущими пустяками. Эту комиссию надо было использовать, как всякую легальную возможность, что мы и сделали. Но меньшевики построили тут целую философию и набросились на комиссию, как мухи на сахар.

Булыгинская Дума

Еще позднее, когда рабочее движение получило дальнейшее развитие, когда сорганизовался Союз Союзов и стало усиливаться движение среди крестьян, когда в армии и во флоте, особенно на военных кораблях, стало зреть настроение, приведшее потом к восстанию на броненосце «Потемкин Таврический»,—тогда царское самодержавие подумало

о более значительных «реформах» и решило созвать Думу, получившую название—«Булыгинской». Подготовка этого дела, в смысле выработки соответственного избирательного закона, была поручена царем Булыгину. Мысль царской шайки заключалась в том, чтобы созвать такую Государственную Думу, которая не имела бы никаких серьезных прав, а являлась бы лишь органом совещательным, представляющим свои мнения на «благовоззрение» монарха, который и решает все вопросы. Выработанный Булыгиным избирательный закон был таков, что рабочие не получали почти ничего, между тем как дворянство и буржуазия имели все права.

Когда очертания Булыгинской Думы выяснились в достаточной степени, возник вопрос—как к ней отнестись. Большевики предложили отказаться от какого бы то ни было участия в этой Думе, бойкотировать ее и, мобилизовав массы, сорвать ее. Мы чувствовали, что начавшееся движение было исключительной силы, что своими плохо испеченными пряниками царское самодержавие никого уже не накормит, что надо их вырвать у него из рук, бросить на земь и итти дальше против царизма. Меньшевики, как водится, увидели в царском проекте начало парламентаризма в России и предложили сначала участвовать в Думе. А когда их стали высмеивать, они от участия отказались, заявив: в таком случае, мы будем созывать избирательные собрания, выбирать своих людей не в Думу, а в органы революционного самоуправления. Но потом и этот план был отброшен, и революция перешла к очередным делам через Булыгина с его Думой и через меньшевистский проект «революционного самоуправления». Рабочие сказали: в бирюльки играть мы не намерены; наступает серьезное время, пахнет порохом, близится настоящая революция; незачем выбирать в Думу, которую подсовывает нам царское самодержавие.

Октябрьские события 1905 года.

При такой обстановке разыгрались октябрьские события 1905 года: всероссийская забастовка, энергичная деятельность Союза Союзов, 17-е октября, известные уступки со стороны самодержавия и, наконец, конституция. Подробности и закулисную сторону дарования кон-

ституции можно узнать из записок Витте, который всесторонне обрисовывает в своей книге игру страстей, партий и придворных интриг. В то же время нарождается первый петроградский Совет Рабочих Депутатов. Я подчеркиваю: Совет *Рабочих* Депутатов, а не Совет *Рабочих и Солдатских* Депутатов. Это очень важно, потому что именно в этом была его главная слабость. Большевики говорили: для того, чтобы стать силой, надо иметь Советы не только рабочих, но еще солдатских и крестьянских депутатов. Это, однако, не удалось сделать, потому что движение было слишком слабо.

Сама идея Советов, как и все крупные идеи, родилась в массах. Меньшевики пытались потом представить дело так, будто их куцая идея революционного самоуправления воплотилась затем в идею Советов. Но от их идеи до Советов так же далеко, как до звезды небесной. Не меньшевики выдвинули идею Советов: она родилась в массах, в их глубоких недрах, на фабриках и заводах Петрограда. Петроградский Совет стал зародышем правительства. И дело обстояло так: либо этот Совет возьмет в свои руки власть и разгонит царское правительство, либо оно разгонит Совет. Как известно, произошло последнее. Часть большевиков совершила ошибку, требуя, чтобы Совет оффициально принял с.-д. партийную программу. Но Ленин и большевистский Ц. К. скоро поправили эту большую ошибку.

Декабрьское (1905 г.) вооруженное восстание в Москве.

Кульминационным пунктом движения было декабрьское восстание в Москве, на Пресне. Руководящая и организационная роль принадлежала в нем большевикам, их комитету, во главе которого стояли: покойный Шанцер (Марат), умерший заграницей в 1911 году, нынешний замнаркомвнудел Владимирский, член нашей партии Седой, который жив, и несколько других товарищей. Этим же комитетом были впервые организованы рабочие боевые дружины.

Московское вооруженное восстание, имевшее громадное историческое значение было разбито и потоплено в крови рабочих. И почти сейчас же после того, даже лучшие из меньшевиков,—как, например, Плеханов,—поспешили от него отречься. Плеханов написал по этому поводу

холодную, бездушную, почти предательскую фразу: «Не надо было браться за оружие». На это мы ему ответили: ошибочно это движение или нет,—но только из-под пера враждебного рабочему классу человека могли вырваться такие слова. Когда, в 1871-м году парижские коммунары потерпели поражение, Маркс, предостерегавший парижских рабочих от восстания, не сказал им, что не надо было браться за оружие, а написал блестящую книгу: «Гражданская война во Франции», увековечив великое дело парижских коммунаров в поистине бессмертном творении, являющемся шедевром марксистской публицистики. Плеханов, как и многие другие, не пошел по пути Маркса: словно барин от революции, он остался стоять в стороне и, как звездочет, обсуждал движение лишь с отвлеченной точки зрения — «не надо было браться за оружие». Большевики поступили не так. Тов. Ленин отнесся к этому восстанию с величайшей любовью. Его первый лозунг был: изучать все, даже малейшие эпизоды этой борьбы, технику боев и биографии отдельных участников. Ленин не из тех «революционеров», которые солидаризуются лишь с победоносным восстанием (на это охотников найдется очень много)—ему дорого также и разбитое восстание нашего класса. Бывают поражения, которые ценнее иной победы. А декабрьское поражение 1905 года было именно таким. Это было первое восстание передовых рабочих под лозунгами нашей партии, когда они уже ясно знали, чего хотели, а не шли за знаменами Гапонов. Самый факт его показал, что движение поднялось на новую ступень, что рабочий класс вырос в грандиозную самостоятельную силу, имеет ясную программу и был проникнут готовностью обрушиться на вооруженную до зубов царскую армию. Пусть движение потерпело неудачу: мы не заключали договора с победой. Рабочие обычно идут к ней через ряд поражений. И потому, солидаризируясь целиком с этим восстанием, большевики объявили решительную борьбу Плеханову за его ренегатскую фразу—«не надо было браться за оружие».

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Рассмотрим теперь период, примерно с 1906 года до 1909-го. Первая революция 1905 года была в известной мере репетицией революции 1917-го. Без 1905 года была бы невозможна такая, сравнительно, легкая победа в 1917 году. Несмотря на то, что идея Советов промелькнула в 1905 году, как метеор, она все же глубоко запала в душу рабочего класса, и, когда, в 1917 году, загремели первые раскаты Февральской революции, каждый рабочий считал уже само собой разумеющимся, что страна должна покрыться сетью Советов. Повторяю: многие события в 1917 году совершились бы по-другому, если бы у нас не было великого опыта революции 1905 года. Но непосредственно сама по себе, революция 1905 года потерпела поражение. И тут возникает вопрос: почему? в чем причины ее неудачи? Опыт революции 1905 года.

Меньшевики дали на это ответ, который изложен весьма подробно в их известном пятитомном труде, написанном под редакцией Мартова, Потресова, Дана и других меньшевистских вождей во время контр-революции, т.-е. в 1909—10 годах. Их объяснение следующее. Революция 1905 года потерпела поражение потому, что рабочий класс зашел слишком далеко в своих чисто классовых, пролетарских требованиях. Так, он выдвинул и даже стал осуществлять явочным порядком, в конце 1905 года, 8-часовой рабочий день. С точки зрения меньшевистской философии

истории, это было первое преступление рабочего класса в революцию 1905 года. Своими чрезмерными требованиями—уверяли меньшевики—рабочий класс оттолкнул от себя значительную часть буржуазии и побудил ее на союз с помещиками, т.-е. с царизмом. Меньшевики считали деятельность всего первого Совета Рабочих Депутатов в Петербурге ошибочной и даже прямо демагогической, несмотря на то, что, одно время, руководство в нем принадлежало, в значительной мере, самим меньшевикам. По их мнению, Совет шел стихийно по пути большевизма. Это последнее до некоторой степени верно. Первый Петербургский Совет Рабочих Депутатов, состоявший, в партийном отношении, далеко не из одних большевиков, действительно шел, под влиянием всей тогдашней обстановки, по пути большевизма. Более того История даже сыграла с меньшевиками такую злую штуку. Их ежедневная газета «Начало», выходившая с конца 1905 года, тоже сильно уклонилась на большевистский путь, и мы дожили до того, что впоследствии весь меньшевистский генеральный штаб отрекался от своего собственного органа печати. Скажу, попутно, несколько слов о «Начале», а также о «Новой Жизни».

«Новая Жизнь» и «Начало».

В конце 1905 года появились впервые легальные ежедневные газеты большевиков и меньшевиков: «Новая Жизнь»—у первых и «Начало»—у вторых.

«Новая Жизнь», до приезда из-за границы тов. Ленина и некоторых других наших вождей, находилась под руководством людей более или менее случайных. Во главе редакции стоял Румянцев, который впоследствии ушел от революции и обретается теперь неизвестно где. В газете принимали деятельное участие интеллигентские писатели, не только Горький, но и такие, как Минский, Тэффи и другие литераторы, давно уже теперь стоящие по другую сторону баррикады. Теперь нам даже трудно себе представить, что эти люди могли когда-либо быть в большевистском лагере. Положение изменилось только с приездом из-за границы основной руководящей группы большевиков, когда «Новая Жизнь» стала определенно большевистской газетой.

С меньшевистским «Началом» дело происходило несколько иначе. Эта газета попала в руки Парвуса и тов.

Троцкого. Начиная с середины 1905 года, когда наметилось разногласие в вопросе об отношении к буржуазии, эти два выдающихся меньшевика стали отходить от меньшевизма. Когда «Начало» по ряду обстоятельств попало под их руководство, они придали ему, в значительной мере, большевистский характер. В историю партии это направление, возглавлявшееся тогда Парвусом и тов. Троцким, вошло, как течение, отстаивавшее так называемую перманентную, т.-е. непрерывную, революцию. Идея эта заключалась в следующем.

«Перманентная революция».

«Начало» утверждало, что революция 1905 года открыла собою полосу революций, которая закончится лишь с полной победой мирового пролетариата. Газета подчеркивала, что русская революция есть часть международной и что, следовательно, ее полная победа возможна только при условии торжества международной. В этом течении было много привлекательного, но немало также и ошибочных сторон. Главное заблуждение его состояло в том, что оно либо игнорировало, либо в сильной степени *не дооценивало роль крестьянства*, совершенно упуская из виду, что русская революция не может победить, если рабочий класс не установит тесного содружества с деревней. Другими словами, лидеры этого течения не дооценивали лозунга большевиков, который был формулирован Лениным еще в середине 1905 года,—лозунга, провозглашавшего диктатуру пролетариата и революционного крестьянства.

Как бы то ни было, меньшевистская газета «Начало» стихийно пошла отнюдь не по меньшевистскому пути. И меньшевики, подводя итог поражению революции 1905 года, должны были оплакивать не только тактику большевиков, не только линию поведения Петроградского Совета, но и направление своей собственной газеты «Начало», которая, в то время, оказывала, разумеется, сильное влияние на все движение. Вполне понятно, в связи с этим, и их объяснение неудачи 1905 года: рабочий класс уклонился, мол, как тогда выражались, в максимализм, увлекся неосуществимыми требованиями, пошел по большевистскому пути и свернул себе шею; главная ошибка рабочего класса

заключалась, по мнению меньшевиков, в том, что он не окорнал свою программу, не приноровил свою тактику к требованиям буржуазного «общества», а перешагнул через них, выдвинув 8-часовой рабочий день и другие, чисто классовые притязания.

Причины неудачи движения 1905 года.

Большевики думали иначе. Даже если верно,—говорили они,—что выдвигать 8-часовой рабочий день было в то время ошибкой, то, все равно, движение в его пользу было неизбежно. Только чиновники могут представлять себе революцию так, что проснувшиеся миллионы угнетенного класса откажутся от своих требований и не будут выдвигать того, что является для них самым больным вопросом. Если бы в Петербурге, говорили мы, и, вообще, на свете не было тогда ни одного большевика, то, все равно, рабочие массы, проснувшись после десятилетий угнетения, выдвинули бы требование 8-часового рабочего дня и не ограничились бы поддержкой буржуазных конституционалистов. На самом же деле это требование не было ошибкой: иначе не могло и не должно было быть. Рабочий класс России, насчитывавший тогда, по крайней мере, восемь миллионов человек (а может быть, и все десять), почувствовал, что исход дела зависел от него. И, поднявшись на ноги, он не мог, разумеется, не поставить в порядок дня *своих* основных классовых требований. Если он в 1905 году был разбит, то придет все же время, когда требования 1905 года победят. Таковы были наши решительные возражения на упомянутую меньшевистскую философию.

Какой же диагноз ставил большевизм поражению революции 1905 года? Он держался и держится того мнения, что неудача 1905 года имела три коренных причины. Первая и самая главная: международная обстановка. И, в самом деле, русская революция была и должна была быть эпизодом международной борьбы. Тот факт, что наша революция 1917—20 годов тесно связана с международными событиями, теперь ясен каждому. Но и революция 1905 года была не менее тесно связана со всем международным положением. Заем, который министру Витте удалось заключить у иностранных банкиров, сыграл, без сомнения,

решающую роль. Кроме того, международная буржуазия, подав царизму помощь деньгами, оказала ему также большую моральную поддержку. В то время западно-европейский буржуазный мир не был так расколот, как в наши дни. Тогда он представлял собою одно, довольно прочное, целое. Царская Россия находилась в самых дружественных отношениях с буржуазной Францией, и пресловутый франко-русский союз был, в действительности, союзом миллионов царских штыков с миллиардами французских франков. И надо сказать, что это был могучий союз. Но русскому царизму оказывала могущественную поддержку не только Франция: почти все крупные западно-европейские державы также помогали ему довольно усердно. И хотя поражение царской России в русско-японской войне было на руку отдельным капиталистическим группам, соперничавшим с такими же русскими группами, но, в целом, западно-европейский буржуазный мир безусловно поддерживал царизм и не давал ему упасть. Кроме того, западно-европейские буржуазные политики мирили русский царизм с кадетами и с русскими либералами, вожди которых поддерживали связь с европейским капиталом. Ныне не подлежит сомнению, что французская и прочая иностранная буржуазия сыграла роль маклера и посредника между частью русской оппозиционной буржуазии и царским самодержавием. Русский царизм чувствовал за своей спиной буржуазию наиболее цивилизованных европейских государств. Такова первая причина поражения революции 1905 года.

Вторая причина—несознательность крестьянства. Плеханов сказал, что русская революция сможет победить только как рабочая революция. Это верно и бесспорно в том смысле, что рабочий класс должен быть гегемоном, основной силой, в революции. Но формула Плеханова страдала неполнотой. Надо было бы сказать так: русская революция должна победить, как рабочая революция, но рабочий класс во что бы то ни стало должен достигнуть тесного союза с крестьянством. В 1905 году осуществить это было невозможно. Совет Рабочих Депутатов был советом только рабочих депутатов, а крестьянство было

политически еще не воспитано. Если припомнить, что 9 января 1905 года рабочие Путиловского завода еще верили в царя и шли к нему с иконами, то тем более понятно, что такое настроение господствовало среди громадной массы крестьянства, имевшего еще меньший политический опыт. Этим объясняется и тогдашнее настроение армии, которая, в конце концов, помогла царизму победить восстание рабочих. Ее настроение было тогда таким, что царская монархия еще могла сравнительно свободно ею оперировать и посылать ее против рабочих. Если рабочий класс Петрограда и других центральных городов России прошел за каких-нибудь 8—10 месяцев, с 9 января по 17 октября 1905 года, ускоренный курс политической науки и понял, что такое монархия, то для крестьянства, для крестьянской армии, требовалось времени гораздо больше. Бунты в войсках, ставшие с 1902 года очень широким явлением, долгое время носили все-таки чисто местный характер и не имели определенной революционной программы. Первые проблески движения в армии были, конечно, очень знаменательны, причем особенно симптоматично было восстание в Черноморском флоте. Это было явление довольно крупное и серьезное. Но все же царизм еще владел в 1905 году в достаточной степени и своей армией и крестьянством. В революцию 1905 года последнее оказалось еще недостаточно подготовленным для пролетариата союзником: оно оставалось, более или менее, нейтральным, а в лице армии оно было больше в руках царизма, чем в руках революции.

Наконец, третья причина—измена буржуазии. Глубоко неправы были меньшевики, представляя дело так, будто во всем были виноваты рабочие, выдвинувшие слишком большие классовые требования. Правда была на стороне большевиков, когда они подчеркивали, что буржуазия в решающий момент отхлынула от движения и предала его, заключив сделку с царизмом. Она ухватилась за обглоданную кость, которую ей выбросили 17-го октября. С этого момента весь либерально-буржуазный лагерь решительно повернул против пролетариата. Тот же Струве, которому всегда везло на крылатые словечки, пустил тогда в обраще-

ние фразу о «безумии стихий» забастовочного движения, уже шедшего под классовыми пролетарскими лозунгами. Либеральная буржуазия рисовала дело так, что с цепи сорвалась безумная стихия, разбушевались волны, которые необходимо, во что бы то ни стало, успокоить, так как иначе над страной разразится всеобщий потоп, наступит полная разруха и исчезнет всякий порядок. На самом деле, у буржуазии был правильный классовый инстинкт и расчет. Когда она увидела, что царизм надломлен и идет ей навстречу, протягивая руку для соглашения, она сразу повернула направо, изменила освободительному движению и стала фактически союзницей царя.

Вот те коренные причины, которые, в достаточной степени, объясняют поражение революции 1905 г.

Результаты 1905 года.

Какие результаты дал 1905 год? Каковы были его последствия, неизбежные после каждой революции — даже такой, которая потерпела поражение? Прежде всего — перегруппировка классовых сил. Она заключалась, главным образом, в том, что буржуазия стала окончательно классом контр-революционным. Как известно, так бывало далеко не всегда. Во Франции, в 1789 году, буржуазия, в борьбе с феодализмом, с помещичьим строем и с монархией, была классом революционным. В России, до 1905 года, она также играла более или менее оппозиционную роль. Было время, когда часть русской буржуазии искала союза с рабочим классом и вертелась вокруг нашей рабочей партии. Известны попытки Струве, Туган-Барановского и лучших ее представителей добиться с нами соглашения. Милюков приезжал в Лондон, где жил тогда тов. Ленин, с поклоном к нему, как к вождю рабочих, и предлагал заключить договор о сотрудничестве. Было время, когда вся оппозиционная буржуазия из ненависти к царизму склонна была к известному сотрудничеству с рабочим классом, надеясь втайне, что он станет послушным орудием в ее руках и будет таскать для нее каштаны из огня, как это было в 1848 г. в Германии и в других странах. Но чем ярче выяснялась классовая сущность рабочего движения, чем явственнее буржуазия слышала в нем нотки классовых требований, тем более она отвора-

чивалась от освободительного движения, тем яснее становилось для нее, что как ни плох царь, а для буржуазии он все же лучше, чем победа рабочего класса. А когда она окончательно убедилась, что рабочий класс уже достаточно силен, что он идет не за Гапоном, а за своей партией, что он имеет свою классовую программу, выдвигает требование 8-часового рабочего дня и создает свой Совет Рабочих Депутатов, тогда буржуазия стала быстро линять и скоро сделалась определенным контр-революционным классом. Решающим мотивом было, в данном случае, возникновение петербургского Совета Рабочих Депутатов. Это собрание, заседавшее в Вольно-Экономическом Обществе, стало пугалом для всей буржуазии, у которой очень тонкий нюх. Она почуяла, что это будущее рабочее правительство, т.-е. такой классовый орган пролетариата, которым буржуазия никогда не овладеет. И, начиная с этого момента, она начинает из розового цвета перекрашиваться в черный. С этой минуты даже такие теоретики II Интернационала, как Каутский, поняли, что русская буржуазия уже не сможет играть такую роль, как французская в 1789 году, ибо пролетариат нашей страны окреп. Русской буржуазии пришлось стать контр-революционным классом, между тем как во время Великой Французской Революции рабочий класс был еще в пеленках, и это делало объективно возможным для буржуазии сыграть революционную роль.

Таким образом, первый результат революции 1905 г. заключался в том, что один из важнейших классов, молодая русская буржуазия, стал сразу контр-революционным. Ее второе последствие выразилось в несомненном пробуждении крестьянства от его вековой спячки. Если движение 1905 г. и не закончилось победой, то все же земельный вопрос был поставлен тогда чрезвычайно остро, ознаменовавшись появлением первых земельных комитетов. Крестьянство, как-никак, было разбужено и потрясено событиями 1905 г. И его представители в первой и второй Государственных Думах показали это вполне наглядно. В этих двух Думах, не только крестьяне-трудовики, т.-е. полуэсеры, составлявшие партию трудовиков, но и правые крестьяне, считавшиеся в политических вопросах

черносотенцами, произносили по земельному вопросу речи, полные революционного огня. Как только дело доходило до землицы, эти правые крестьяне, на которых делали свою ставку помещики и царская монархия, говорили таким языком, что большевикам оставалось только аплодировать.

Таким образом, вторым великим результатом революции 1905 г. была сильно возросшая сознательность крестьянских масс. В этом смысле произошла коренная передвижка: буржуазия отошла направо, а крестьянство, постепенно просыпавшееся, начало подталкивать движение налево.

Формула: «1847 или 1849 год?»

В 1906 г. перед партией встал вопрос: что же дальше? закончилась ли революция? Из возникших споров выявилась формула: что мы переживаем—1847 год или 1849-ый? Другими словами, это означало: чтó у нас—47-й год, т.-е. канун революции 48-го года, или 49-ый, т.-е. время после полупобеды и полупоражения революции 48-го года? Как известно, революция 48-го года закончилась в ряде стран именно таким образом, т.-е. выкидышем, компромиссом, причем плоды победы определенно достались буржуазии. В партийных кругах задавали себе вопрос: что же мы переживаем в 1906 году:—то, что Германия и значительная часть Европы переживали в 1847-ом, или то, что они переживали в 1849-ом? Иначе говоря: был ли 1906 год лишь предвестником новых боев, или же крупнейшие бои уже остались позади, и мы катимся вниз, т.-е. переживаем 49-ый год, когда революция считалась законченной? На этой почве и по поводу этой формулы между большевиками и меньшевиками разыгралась необычайно острая дискуссия.

Большевики защищали тот взгляд, что мы переживаем 1847 год, что революция не закончилась, что выдвинутые революцией объективные ее задачи не получили формального удовлетворения и что, рано или поздно, революционная волна подымется снова. Крестьянство—говорили мы—земли не добилось, рабочие удовлетворения своих требований не получили; эти два класса составляют огромное большинство в стране. В этом смысле, задачи, выдвинутые революцией, не разрешены; может быть, царь и Столыпин

загонят на время революционную борьбу внутрь, но только на время, и новые бои неизбежны. То, что было в 1905 году— лишь форпостные стычки, только репетиция, только 47-ой год, а настоящие большие бои предстоят еще впереди.

Меньшевики держались, конечно, другого взгляда. Они говорили: Мы пошли теперь по пути Пруссии, после ее неудачного 48-го года, когда дело кончилось наполовину в пользу революции, наполовину в пользу короля. Царь остался, у нас будет конституционная монархия, и нам надо теперь приспособляться к этой действительности. Отсюда вытекал и лозунг меньшевиков: во что бы то ни стало легализовать партию, или, как мы тогда иронизировали над ними,—вползти в легальность. И эта меньшевистская точка зрения была понятна. Раз они считали, что революция кончена, что дальнейших боев не будет, что Россия вступает в мирную полосу и будет развиваться на прусский манер, то ясно, что партии надо выйти из подполья, легализоваться, окорнать свою программу, приспособиться к легальности и установить способ сожительства с монархией и с буржуазными партиями.

Объединение большевиков с меньшевиками.

Таковы были две платформы—большевиков и меньшевиков—к весне 1906 года. К тому времени, вследствие революционных боев конца 1905 года и под влиянием масс, штабы большевиков и меньшевиков вынуждены были объединиться. В истории нашей партии это—в высшей степени интересный эпизод. В сущности говоря, массы заставляли большевиков мириться с меньшевиками раза два или три. Оно и не удивительно. Еще в 1917 году можно было слышать речи: «Зачем раскалываться? Чем больше, тем лучше, и если к большевику прибавить меньшевика, да еще эсера, тогда, наверное, мы победим буржуазию и царизм». Так рассуждали широкие рабочие массы, неискушенные в политической борьбе, и даже члены партии. Как бы то ни было, в 1905 году началось сильное движение в пользу объединения. Во многих местах образовались федеративные комитеты большевиков и меньшевиков, создававшие, на началах равенства, общие организации и вместе руководившие борьбой. Кончилось тем, что Центральному Комитету большевиков пришлось вступить в такую же федеративную

связь с меньшевистским Организационным Комитетом, а еще позже под давлением масс был созван объединительный съезд партии, состоявшийся в Стокгольме в 1906 году. Главное расхождение между большевиками и меньшевиками на этом съезде заключалось в том, что первые говорили: 47-й год, а вторые—49-й. Другими словами, большевики утверждали: Мы были разбиты в первой революционной схватке, но в дальнейшем предстоит еще революция, задачи которой 1905-м годом не разрешены. Меньшевики, наоборот, заявляли: Вы—утописты и фантазеры, вы не хотите признать печального факта, что это не 47-ой год, а 49-ый. Мы разбиты наголову, и русская революция погибла безвозвратно. Россия вступит на путь конституционной монархии, и партии надо итти, под знаком этой борьбы, по проторенной дорожке европейской социал-демократии.

Победа меньшевистской тенденции.

На Стокгольмском съезде победа досталась меньшевикам. Она доказывала, что во всей стране под влиянием понесенного поражения революционное настроение рабочих масс находилось в упадке и что таким же оно было и в партийных кругах, подавленных неизбежным разочарованием, после неудачи декабрьского восстания и ареста членов Петроградского Совета. Только благодаря этому обстоятельству, меньшевикам удалось собрать на Стокгольмском съезде большинство (правда, незначительное) и продиктовать партии свою тактику. Когда был поставлен на очередь вопрос о вооруженном восстании, они вынесли резолюцию против него, сделав это, конечно, в более или менее скрытой, дипломатической форме. Вслед затем они провели аграрную программу Маслова—Плеханова, также направленную против революции и заключавшуюся в том, что земля, при посредстве муниципальных органов—земств,—на деле должна была переходить к более зажиточным крестьянам. Наконец, они приняли постановление участвовать в выборах в первую Государственную Думу и создать там с.-д. фракцию.

Тактика большевиков.

Большевикам ничего не оставалось, как формально подчиниться, так как они были в меньшинстве, а рабочие требовали единства. Но, на деле, объединительный съезд нисколько не объединил большевиков с меньшевиками,

и на деле мы уехали из Стокгольма двумя отдельными фракциями. В Центральный Комитет взяли нескольких наших товарищей,—как мы тогда говорили,—заложниками. Но, в то же время, на самом съезде, большевики составили свой внутренний и нелегальный в партийном отношении Центральный Комитет. Этот период в истории нашей партии, когда мы были в меньшинстве и в Центральном Комитете и в Петроградском Комитете и должны были скрывать свою сепаратную революционную работу, был для нас очень тяжелым и мучительным. Часто бывало, что два секретаря—один меньшевик, а другой большевик—ходили следом друг за другом, не доверяя один другому. Положение было такое, словно две партии действовали в рамках одной.

Из литературных документов этого времени, ярко запечатлевших борьбу большевиков с меньшевиками, можно указать, прежде всего, на брошюру: «Отчет петроградским рабочим о Стокгольмском съезде», написанную тов. Лениным, который был на этом съезде делегатом от петроградских рабочих,—а затем на книгу: «Победа кадетов и задачи рабочей партии».

Дальнейший спор о «47-ом или 49-ом годе».

После Стокгольмского съезда, за которым потянулась полоса упадка революции и господства меньшевизма, спор о «47-ом или 49-ом годе», о том, кто прав: большевики или меньшевики, — еще продолжался. Меньшевики неоднократно и с большим торжеством нам указывали: Вы видите, как вы ошибались: вы думали, что революция не кончена и что скоро предстоят новые бои, а между тем, посмотрите—сколько времени уже прошло с тех пор. И, действительно, следующая революция разыгралась только в 1917 году, т.-е. через десять лет. Но следует ли отсюда, что большевики были неправы? Нет. Большевики и не указывали точного срока, хотя полагали, надо сказать правду, что дело пойдет гораздо быстрее, и не предвидели, что пройдет еще целое десятилетие до новой победы рабочего класса. Но, как известно, в сроках ошибались все, даже Маркс, не раз предвещавший близость мировой революции. Вполне понятно, что всякий искренний революционер склонен назначать сроки более короткие, чем длинные.

Во всяком случае, наш прогноз был, в общем, правильный революция не кончилась, ее основные требования, объективно, не выполнены, пролетариат и крестьянство не получили удовлетворения, новые бои неминуемы, никакого прусского пути у нас не будет, а будет путь *русский*, чреватый великими социальными переворотами. Эти наши предсказания *оправдались*. Все это стало ясно—и довольно скоро.

Стокгольмский съезд совпал, по времени, с головокружительной победой кадетов—партии либеральной буржуазии—на выборах в первую Государственную Думу. Она получила в Думе большое число мест и, вместе с ними, политическое руководство в первом русском парламенте, проведя в его председатели пресловутого Муромцева. Кадетская партия была первой в Государственной Думе, а ее вожди, Набоков и другие,—главными парламентскими ораторами. В конечном счете, первая Дума была крупной победой русской буржуазно-либеральной партии, называвшей себя конституционно-демократической (к.-д., отсюда: «кадеты»). Налицо был очень серьезный политический фактор, и перед рабочей партией встал вопрос—как ей к нему отнестись.

Ответственное (кадетское) министерство.

Меньшевистский Центральный Комитет, руководивший тогда партией, был в восторге от победы кадетов. Он считал, что в России наступает новая эра и что торжество конституционно-демократической партии, подтверждая его взгляды, поможет стране мирно разрешить земельный и многие другие коренные вопросы. И вот, в связи с этим, меньшевики дали лозунг: кадетское или,—как тогда выражались,—ответственное министерство, т.-е. такое, которое будет ответственным не перед царем, а перед Государственной Думой. Это, вообще, классическая формула всех буржуазных парламентов. У них всегда так: министерство, как будто, ответственно перед парламентом, а на самом деле оно ответственно перед кучкой банкиров. Как только меньшевистская социал-демократия дала упомянутый лозунг, в рабочих кварталах началась бешеная агитация за поддержку идеи ответственного министерства. Как видите, меньшевики были логичны и верны себе:

и здесь они искали подходящую форму для поддержки любезной их сердцу буржуазии. Но тут дело, что называется, сорвалось: этот лозунг погубил меньшевиков, он помог нам завоевать в Петрограде большинство. Я помню, что Выборгская сторона, где тогда работало много заводов,—не так, как теперь,—была в то время сплошь меньшевистской. Нас, грешных большевиков, рабочие там едва-едва слушали. Но, как только дело дошло до лозунга—ответственное кадетское министерство и им стало ясно, как на ладони, что меньшевистская тактика сводится к поддержке буржуазного министерства,—картина изменилась. С этой минуты меньшевики стали терять на Выборгской стороне завод за заводом. Вслед затем, и городская петроградская конференция также высказалась против меньшевистского лозунга. Эта конференция состоялась в Финляндии, которая жила тогда сравнительно свободно. Помню, в субботу, под перекрестными взглядами целой банды шпионов, мы сели. на Финляндском вокзале, в поезд и поехали в Териоки. Целое воскресенье шла там конференция, и дело доходило минутами чуть ли не до рукопашной между меньшевиками и большевиками. Наконец, несмотря на давление меньшевистского Центрального Комитета, нам удалось впервые получить большинство в Петрограде, а потом и в целом ряде других городов. Этот факт был уже наполовину победой во всероссийском масштабе, потому что Петроград был политическим центром страны. Меньшевистский Центральный Комитет был бессилен перед большевистским Петроградским Комитетом, и буржуазные газеты любили тогда пошутить, говоря, что маленький большевистский Петроградский Комитет побил большой меньшевистский Центральный Комитет.

Разгон первой Думы.

Первая Государственная Дума, несмотря на то, что кадеты имели в ней политическое руководство, должна была отдать дань революционному, в особенности, крестьянскому движению в стране, которое все разрасталось, и была вынуждена, хотя довольно нерешительно, поставить вопрос о земле. На этой почве между нею и царским правительством произошел конфликт. Первая Дума была разогнана. Кадетская партия, сгоряча, тоже поехала в Финлян-

дию на свою нелегальную конференцию и выпустила там пресловутое выборгское воззвание, которое потом называли «выборгским кренделем». Этот документ призывал население не платить налогов и был, в сущности, повторением того революционного жеста, который позволили себе умеренные либералы в революцию 1848 года, когда они показывали кукиш в кармане тогдашней монархии, не решаясь серьезно поддержать революционную борьбу и заранее зная, что их призыва не платить налоги никто не послушается. Царская монархия не приняла, конечно, в серьез «выборгского кренделя» и присудила его пекарей к трем месяцам тюрьмы—совсем пустяковому наказанию.

Разгон первой Государственной Думы был маленькой размолвкой царизма с либеральной буржуазией. Но она вскоре была забыта, и во второй Думе между обеими сторонами установились, в общем, довольно добрососедские отношения, причем часть либеральной буржуазии стала прямо воспевать Столыпина.

Лондонский съезд 1907 года.

На фоне этих событий, весною 1907 года, состоялся Лондонский—или пятый—съезд нашей партии. Долго спорили, как его называть. Мы, большевики, вели нумерацию с третьего, большевистского, съезда, считая Стокгольмский четвертым, а Лондонский—пятым. Но меньшевики не признавали нашего третьего съезда и, не желая считать этот съезд пятым, хотели называть его просто Лондонским. На этом съезде в партию влились три новых отряда: польская социал-демократия, латышская и Бунд, который, как я уже говорил раньше, в 1903 году вышел из нашей партии. Эти три организации (первые две—в громадном большинстве, а Бунд—в значительной части) стояли тогда на нашей стороне. И вот, в Лондоне, несмотря на то, что революция шла на убыль, мы, благодаря присоединению к нам трех новых отрядов, стоявших на нашей точке зрения, получили большинство, правда, сравнительно слабое, часто висевшее на паре голосов, но все же—большинство. Меньшевики держались зубами за свою партийную власть, и нам пришлось, при помощи весьма неделикатных мер, вырывать у них эту власть силой, добиваться освобождения партии из их рук.

На Лондонском съезде зашел спор о парламентской тактике, который вели Церетели, представлявший меньшевиков (он был членом второй Государственной Думы), и Алексинский, который был тогда большевиком и был выбран от нашей партии в Думу петроградскими рабочими. (Он не хочет этого забыть и до сих пор, когда уже стал монархистом: ныне, находясь у Врангеля, он все еще подписывается «депутатом Государственной Думы от петроградских рабочих».) Затем на съезде завязалась оживленная теоретическая борьба по вопросам об отношении либеральной буржуазии к революции и о характере революции вообще. Эту дискуссию, принявшую широкие размеры, вели лучшие теоретики и наиболее выдающиеся ораторы обеих сторон. От меньшевиков выступал, главным образом, Плеханов, а от большевиков—тов. Ленин и покойная Роза Люксембург, которая, как представительница польских рабочих, вошла в нашу партию и участвовала на этом съезде. Речи по вопросу о характере русской революции и об отношении к либеральной буржуазии, произнесенные на этом съезде Розой Люксембург и тов. Лениным, являются еще до сих пор образцами и шедеврами политического анализа. И в этом смысле, спор, который шел на Лондонском съезде, нисколько не устарел: ведь там решали коренной вопрос — должен ли рабочий класс России служить лишь подсобной силой для буржуазии или же сыграть самостоятельную роль в предстоящей революции.

Центральный Комитет, избранный на Лондонском съезде.

В Центральном Комитете, избранном на съезде в Лондоне, наше большинство было, однако, очень неустойчивое и весьма незначительное. Мартов, в своей книге, напомнил мне кое-что из того, что я забыл. На Лондонском съезде был избран Центральный Комитет в следующем составе: от меньшевиков—Мартынов (перешел теперь к нам), Н. Жордания (был председателем меньшевистской Грузинской республики, а теперь в Париже), Гольдман—Горев и Ной Рамишвили (член первой Государственной Думы, меньшевик); от поляков—Тышко (его расстреляли во время восстания, после Карла Либкнехта) и коммунист Варский (теперь в нашей партии); от Бунда—Абрамович и Либер; от большевиков—тов. Ленин, Зиновьев (я был тогда выбран

впервые в Центральный Комитет), Гольденберг (он успел побывать меньшевиком, а потом вернулся к нам и умер большевиком), Рожков (которого многие из вас, вероятно, знают,—в то время он был одним из наших лучших друзей и представителем большевизма) и, наконец, покойный Дубровинский; от латышей—Розин (ныне покойный, большевик) и Герман. Этот последний—не кто иной, как наш нынешний военный работник т. Данишевский. Я о нем упоминаю потому, что он был тогда примиренцем; в некоторых важных случаях получалась, как тогда шутили, «германизация» Центрального Комитета, ибо Герман поочереди голосовал то за большевиков, то за меньшевиков. Можно себе представить, какая устойчивая политика получалась в результате такого сожительства. Большевики это понимали и постарались, на том же Лондонском съезде, выбрать свой нелегальный Большевистский Центр. Мы говорили: в Центральном Комитете мы будем работать и страдать по долгу службы, но настоящую работу мы будем делать в своем Большевистском Центре, ибо было ясно, что этот брак поневоле с меньшевиками будет недолговечен. Таким образом, резюмируя результаты Лондонского съезда, можно сказать так: он дал теоретическую победу большевикам и отнял у меньшевиков партийную власть; но Центральный Комитет оставался не наш, положение было в высшей степени неустойчивое, система отдельных фракций продолжалась, и большевикам пришлось сорганизоваться отдельно.

Не успели мы вернуться с Лондонского съезда, как вторая Государственная Дума была разогнана. Социал-демократическая фракция была арестована по обвинению в заговоре, и против нее возбудили известное дело, кончившееся каторгой для целого ряда депутатов. Мы вступили в нелегальный период. Наши газеты были закрыты. Буржуазия хотя и протестовала против роспуска второй Думы, но уже не думала заниматься такими штуками, как поездка в Выборг. Она сидела спокойно в Петрограде и лишь иногда, для очистки совести, произносила оппозиционные речи против Столыпина, или бросала,—как, например, Родичев,—острые словечки о столыпинских «галстуках», т.-е.

виселицах. Но это была одна видимость: на деле вся буржуазия встала целиком на почву Столыпинской конституции.

Третья Дума. Разогнав вторую Государственную Думу, царская монархия поставила на очередь вопрос о третьей, «слегка» исправив избирательный закон,—и притом весьма любопытным образом. Главный корректив заключался в том, что крестьяне лишались избирательных прав. (Рабочим нечего было лишаться, потому что они, и без того, не имели почти никаких избирательных прав.) Эта мера была вполне понятна. До второй Думы самодержавие все еще надеялось на мужичка. В него веровал даже умнейший представитель царской монархии—такой старый крокодил, как Победоносцев. Монархисты думали, что надо делать ставку на мужичка: ён, мол, не выдаст, мы с ним столкуемся; крестьянин верит-де в батюшку-царя и не пойдет против него. Но вторая Дума показала царизму, что и крестьянство теряет веру в царя. И вот, главная операция, проделанная над избирательным законом, сводилась к тому, чтобы отнять избирательные права у крестьян. Это было сделано довольно искусно. Крестьянские выборщики должны были проходить через сито помещиков, которые имели большинство и выбирали того мужичка, который им нравился. Таким образом, главный смысл эволюции монархии в эпоху от второй до третьей Думы заключается в том, что она потеряла веру в крестьянина и, конечно, по той причине, что крестьянин утратил веру в нее.

Перед партией встал вопрос: надо ли участвовать в третьей Государственной Думе, которая будет явно черносотенной? Тут начались серьезные разногласия среди большевиков. Громадное большинство высказалось против участия и за бойкот Государственной Думы, надеясь, что удастся проделать то же, что в 1905 году было проделано по отношению к Булыгинской Думе. В большевистской фракции разыгралась сильная борьба. Тов. Ленин, с очень небольшим числом сторонников, отстаивал участие в третьей Думе, но главная масса большевиков была против этого. Появились брошюры, доказывавшие, что Ленин поправел, раз он хочет, чтобы рабочие шли в такую черносотенную

Думу, какою будет третья. На это он отвечал: третья Дума это—хлев; но если, в интересах рабочего класса, необходимо, чтобы мы некоторое время посидели в хлеву, то мы посидим. Мотивировка тов. Ленина была следующая: в 1905 году соотношение сил было таково, что не сегодня-завтра вспыхнет революция, и мы победим и царскую монархию и Булыгинскую Думу; в 1907 году такого соотношения не существовало, и было ясно, что еще несколько лет жизни царской монархии было обеспечено, так как смести ее сейчас мы не сможем; если мы будем бойкотировать Думу, она все равно соберется, и мы должны готовиться к нескольким годам тягчайшей реакции; черносотенная Дума будет хлевом, но и там мы сможем принести некоторую пользу рабочему классу, используя думскую трибуну для агитации.

Спор об использовании легальных возможностей.

Возник спор об использовании легальных возможностей. Партия, в целом, была нелегальной: ее парламентские депутаты были отправлены на каторгу, и у нее оставались лишь отдельные легальные очаги: некоторые профсоюзы и рабочие клубы да еще третья Государственная Дума, куда рабочие могли провести несколько человек, и там, через голову черносотенных депутатов, говорить народу правду. Этот спор поставил, на один момент, большевиков в довольно критическое положение. Если бы в то время надолго победило антиленинское течение, наша партия превратилась бы, вероятно, в секту. Дело в том, что в профсоюзах работа нашей партии была недостаточно успешной именно потому, что мы прозевали момент. Одно время у нас взяли верх люди, говорившие: Зачем мы пойдем в профсоюзы? Наше дело—партия. Мы пойдем в подполье и будем там работать, а что касается профсоюзов, то пусть там сидят меньшевики. Это была крупная ошибка, стоившая нам очень дорого. Профсоюзы мы отвоевали от меньшевиков уже после октября 1917 года, а до тех пор они имели там большинство. Основная мысль тов. Ленина заключалась в том, что нам надо оставаться с рабочим классом, быть массовой партией, не давать оттеснять себя только в подполье, не превращаться в узкий кружок. Если рабочие в профсоюзах, то и мы должны там

быть; если можно в царскую Думу послать хоть одного человека, пошлем: пусть он говорит рабочим правду, а мы будем выпускать его речи листовками; если можно что-нибудь сделать для рабочих в рабочем клубе, будем там. Мы должны использовать всякую легальную возможность, чтобы не отрываться от рабочих масс, мы должны жить их жизнью, а не превращаться только в чистых пропагандистов, которые только того и смекают, что когда-нибудь будет революция. Таких людей—говорил тов. Ленин—рабочие ценить не будут. Они требуют, чтобы партия была с ними связана, чтобы она была с ними на каждом повороте пути и давала ответы на все повседневные вопросы.

Только благодаря громадному авторитету тов. Ленина, несмотря на то, что он был в меньшинстве, фракция большевиков постановила участвовать в третьей Государственной Думе, и ей удалось провести туда нескольких своих депутатов, в том числе, от Петрограда — Полетаева, который сыграл потом значительную роль в деле организации «Правды» и «Звезды».

Этот спор в большевистской фракции надо запомнить потому, что к нему придется еще вернуться, когда я буду говорить о том течении в большевизме, которое получило впоследствии название «отзовизма».

«Ликвидаторство».

В то время, когда среди большевиков началось размежевание по линии—бойкотизм и антибойкотизм, за использование легальных возможностей и против их использования,—в этот момент среди меньшевиков пошло размежевание по другой линии. У них стало оформляться течение, получившее название «ликвидаторства». Происхождение этого слова—следующее.

Ряд меньшевистских вождей пришел к заключению, что необходимо, как они говорили, ликвидировать подполье, положить конец нелегальной организации, приспособиться к законному царскому режиму, окорнать партийную программу, сделать ее приемлемой для царской или—как тогда говорили—третье-июньской [1]) монархии, признать,

[1]) 3 июня 1907 г. совершился государственный переворот: был введен новый избирательный закон в Государственную Думу.

раз навсегда, что революция кончена, и пойти по пути простой борьбы за экономические требования рабочих. Самым ярким представителем этого ликвидаторского течения среди меньшевиков был не кто иной, как наш нынешний соратник и дорогой товарищ Ларин. Он был тогда крайним меньшевиком-ликвидатором, что не мешает ему теперь становиться иногда в позу представителя «левого» крыла большевизма. Всякие бывают превращения. Тов. Ларин основал тогда в Петербурге легальный журнальчик «Возрождение», который сознательно терпел Столыпин. В группу входили также Ежов, Потресов, Левицкий и другие ме-ки. Т. Ленин прозвал эту группу меньшевиков-ликвидаторов «Столыпинской рабочей партией». И эту кличку они носили вроде печати Каина. Затем они завели себе второй журнал, научный,—«Наша Заря», в котором участвовали также—Мартов, Дан и К°. Они высмеивали нашу нелегальную организацию. Сам Ларин писал: В любом городе не трудно слепить десятка два кружков из зеленой молодежи, но какое это имеет значение? Настоящие люди в подполье не пойдут. Наш общий Центральный Комитет они сорвали, а их лидеры—Михаил, Роман и Юрий—три меньшевика, члены Центрального Комитета, выступили с таким заявлением: Хотя мы члены Центрального Комитета, но мы не так глупы, чтобы играть в бирюльки: мы не пойдем на заседание вашего Центрального Комитета; надо распустить все нелегальные организации, которые отжили свой век; пора построить социал-демократическую партию, как в Европе. Мартов и Дан, находившиеся заграницей, пытались занять умеренную позицию, не желая терять позицию, которую они имели в нашей партии. И вот они установили, как говорил тов. Ленин, известное разделение труда: Потресов, Ежов, Левицкий, Ларин и их соратники обосновались в Петербурге и оттуда подрывали партию, а Мартов и Дан сидели внутри нелегального аппарата, чтобы его саботировать извнутри.

Ликвидаторы и буржуазия.

Ликвидаторское движение встретило во всей России сильную поддержку со стороны либеральной буржуазии. Газета «Речь» охотно отводила свои столбцы меньшевикам; их профсоюзы пользовались поддержкой (между тем как

наши подвергались арестам); меньшевики легально работали в клубах и стали проникать в профессиональные газеты. Либералы и монархисты открыто становились на сторону ликвидаторов, надеясь разложить при их помощи партию и деморализовать революционный авангард рабочего класса.

С 1908 года это движение становится вполне ясным, и термин «ликвидаторство» приобретает права гражданства. Целый ряд старых рабочих-меньшевиков переходят на сторону крайней группы «Нашей Зари», во главе которой находился Потресов, и становятся ликвидаторами. На каждом шагу происходит открытое ренегатство. Старое прошлое партии обливают грязью, нелегальный период объявляют глупостью, незрелостью, несознательностью и начинают проповедывать приспособление к столыпинскому режиму. Таким образом, рядом со столыпинской либеральной партией получается «Столыпинская рабочая партия». Своим главным лозунгом ликвидаторы выставляли свободу коалиций, представляя дело так, будто большевики против этой свободы. Это, конечно, вздор. Большевики были за свободу союзов, но они говорили, что при царской монархии никакой свободы рабочий класс не получит. В конечном счете, расхождение между большевиками и меньшевиками было полное: первые ставили попрежнему во главе угла своей программы революцию, а вторые предлагали реформы внутри монархического строя. Меньшевики стали определенно реформистами, а большевики оставались революционерами. Мы говорили им и рабочим: кто хочет свободы союзов, должен скинуть царя, который никогда ее не даст,—а меньшевики отвечали: кто хочет свободы союзов, должен скинуть нелегальную партию, приспособиться к нынешнему режиму и стать «европейским» социал-демократом.

Меньшевики-партийцы

Кроме этих двух основных течений: одного, вдохновляемого Мартовым, который сидел внутри партии и оттуда разлагал ее, и второго—Потресова, открыто называвшего себя ликвидатором, у меньшевиков было еще третье, которое возглавлял Плеханов. Он тряхнул еще раз стариной и опять стал на сторону нашей революционной тактики, образовав особую группу—меньшевиков-партийцев. Он принимал уча-

стие в «Социал-Демократе», который редактировали тов. Ленин и я, а от меньшевиков—Мартов и Дан. В качестве меньшевика-партийца Плеханов выступил с рядом блестящих статей в защиту нелегальной партии. Меньшевики стали его дразнить, говоря, что, на старости лет, он стал «певцом подполья». Но Плеханов не смущался, так как, в отличие от многих меньшевиков, он частенько был всетаки революционером. Для меня был, например, новостью рассказ Мартова, в его «Истории российской социал-демократии», о том, что в начале 1905 года, когда борьба против царизма стала особенно сильной, Плеханов выступил за террор. Я этого не знал. Мартов пишет:

> Был момент, когда даже Плеханов, давнишний противник террористических методов, поставил в Совете Партии вопрос о соглашении с социалистами-революционерами на предмет террористических актов, вполне целесообразных в данных политических условиях. Соглашение было сорвано лишь вследствие ультиматума Аксельрода и Мартова, заявивших, что они выйдут, в таком случае, из состава Совета и будут аппелировать к партии. Среди большевистских элементов партии симпатии к террору также возросли, но, в общем и целом, партия устояла на своей прежней позиции отрицания террора.

Момент — чрезвычайно интересный для биографии Плеханова и доказывающий, во всяком случае, что он был человеком не шаблонным. Он выступал против террора, когда видел, что он разлагает массовую партию и массовую борьбу, но, поняв, что дело приближается к решающему удару, он поставил вопрос о терроре.

Плеханов— «певец подполья».

В трудные для партии годы (1907, 1908 и 1909) Плеханов опять оказал ей неоценимые услуги, перейдя на нашу сторону и став «певцом подполья». Он поддержал нас в нашем нелегальном литературном органе, а впоследствии и в легальном, подкрепив позицию большевистской части думской фракции и энергично помогая нам в борьбе с теми, кто хоронил партию. Это было чрезвычайно важно при тогдашнем настроении, которое теперь даже трудно себе представить. В то время, после испытанного нами поражения, когда значительная часть наших сил вынуждена была уйти за границу, когда повсюду чувствовалась деморализация, в то время не было на местах ни одной организации, где бы не приткнулся провокатор: все друг за

другом следили, один другого опасались, не верили. В литературе процветала порнография,—появился Санин. Все это проникало и в революционные кружки. Государственная Дума стала совсем контр-революционной. Партия рассыпалась на мелкие группы. Одновременно, ликвидаторская часть меньшевиков открыто пела панихиду по партии, и похоронный звон гудел в Петрограде и в Москве. И вот, в это время заговорил авторитетный для меньшевиков Плеханов, который, оставаясь меньшевиком, громил меньшевиков за ликвидаторство. И его голос был великой поддержкой для большевиков, стоявших за идею подполья.

Надо, вообще, сказать, что истинные вожди познаются партией, как раз, в тяжелые для нее времена. И громадный рост тов. Ленина, как вождя, обрисовался всего яснее именно в это трудное время: не столько в 1905 году, когда все шло вверх, когда революционная волна поднималась, когда было легко руководить партией, сколько в 1907—1909 годах, в дни безнадежного развала, деморализации и упадка, когда никто не верил ни в революцию, ни в партию, и когда тов. Ленин должен был один, или почти один, защищать идею партии словом, пером и организаторской работой. В то время среди большевиков началось размежевание по линии бойкота или не-бойкота, использования легальных возможностей или неиспользования их. Среди меньшевиков также произошло размежевание на два основных лагеря—ликвидаторов и партийцев: Потресов и Ларин—на одной стороне, Плеханов—на другой, а посредине—Мартов, стоявший ближе к ликвидаторам.

К 1909 году борьба среди большевиков приобретает довольно острый характер. К началу третьей Думы, в 1908 году, мы спорили, надо ли в ней участвовать. Теперь бойкотистское течение сложилось в целую фракцию, и появился так называемый «отзовизм». Большевистская фракция раскололась из-за следующих трех вопросов: «отзовизма», «ультиматизма» и «богостроительства». С первого взгляда все это может показаться забавным, но, выслушав объяснение, вы увидите, что это далеко не так. Итак, во-первых, «отзовизм».

Часть большевиков, в том числе очень старых, и часть местных организаций, а одно время и такая авторитетная организация, как Областной Комитет Центральной России высказывались за отзыв депутатов из Государственной Думы. (Отсюда и слово «отзовизм».) Они выдвигали следующие соображения: царская Дума—учреждение черносотенное, и настоящему революционеру там делать нечего; кто пошел туда, стал ликвидатором и отрекся, следовательно, от революции. Рассуждая дальше, они делали последующий вывод: использование легальных возможностей, вообще, невозможно, и потому порядочному большевику в союзе или в клубе тоже делать нечего. Это было очень опасное течение, выгодное для ликвидаторов. В нашей газете «Пролетарий», которую издавал тов. Ленин, Каменев и я, мы называли их «ликвидаторами слева», указывая, что их идея, будучи внешне благовидной и революционной, стремится, на самом деле, оторвать нас от живой действительности. Меньшевикам только того и надо было, чтобы мы ушли из профсоюзов, из Государственной Думы и из рабочей среды. Им очень хотелось, чтобы мы замкнулись в маленькие кружки и отвернулись от тяжелой политической действительности. Повторяю, это было очень опасное для большевизма течение, и, если бы мы не дали ему достаточного отпора, мы не стали бы массовой партией. Сила большевизма в том и заключалась, что в течение десятилетий, на всех этапах своего трудного пути, он умел вклиниваться в массу и отвечать не только на коренные вопросы революции, но и на любой повседневный вопрос рабочей жизни. Наблюдая ныне, как слагаются молодые коммунистические партии в других странах, мы видим, что часто им не хватает именно этой эластичности, и они становятся сектантскими, замыкаются в себе и уходят от масс, как это было, одно время, с итальянскими коммунистами. В этом отношении они повторяют ошибки «отзовизма». «Отзовизм».

«Ультиматизм» происходит от слова ультиматум. Целая группа большевиков, очень авторитетных в то время, имея во главе А. А. Богданова, автора учебника «Политическая экономия» (ныне он вышел из партии и проповедует контр-революционные меньшевистские взгляды через «Ультиматизм».

группу «Рабочая Правда» и через пролеткульты и рабфаки, куда он старается пролезать,—но тогда он был одним из влиятельных руководителей большевизма), А. В. Луначарского, М. Н. Покровского и еще некоторых видных товарищей (в скобках сказать, их поддерживал и М. Горький, который тоже тогда был весьма «левым»), —эта группа обвиняла тов. Ленина в оппортунизме и образовала свою фракцию «ультиматистов». В сущности говоря, разница между ультиматизмом и отзовизмом—только в оттенке. Ультиматисты говорили: «Мы предлагаем не отзывать депутатов, а ставить ультиматум; тот, кто не подчиняется, должен уйти». На это мы возражали: «Это тех же щей, да пожиже влей. Это тот же отзовизм. Вы хотите, под видом ультиматума, всетаки отозвать наших представителей из черносотенной Думы, где нашим товарищам все же удается сказать на всю Россию революционное слово». Ультиматисты имели значительное влияние во фракции большевиков и среди части членов Большевистского Центра, т.-е. в Центральном Комитете большевиков.

«Богостроительство».

Наконец, третье течение, так называемое богостроительство, имело во главе А. Луначарского и М. Горького. Главными литературными документами этого течения являлись некоторые статьи нашего друга А. В. Луначарского и «Исповедь» Горького,—прекрасная книга, которую многие из вас, вероятно, читали, но которая, по своему мировоззрению, является богостроительской. Богостроители, так или иначе, отдавали дань религиозным настроениям. Они говорили, что в простого бога, они, конечно, не верят, но что у них есть какой-то особый, почти марксистский божок. В то время распад наблюдался, как всегда после тяжелых поражений, во всех областях—и в науке и в литературе, вызвав расцвет порнографии, мистицизма и всяких религиозных настроений. Последние коснулись одним боком наиболее чутких и предрасположенных к ним людей нашей партии, в том числе Горького и Луначарского. Они сделали попытку, как это ни странно, поженить богостроительство на отзовизме. Набрав партийную школу — человек двадцать — рабочих

(лучшее, что тогда можно было собрать в организациях), они привезли ее на остров Капри, где жил тогда Горький, с намерением учить марксизму. Однако, на деле они учили не столько марксизму, сколько отзовизму да богостроительству. Привезенные рабочие были, по большей части, люди хорошие, и многие из них занимают ныне виднейшие посты в нашей республике. Но дело «богостроителей» на острове Капри сорвалось. Рабочие охотно слушали марксизм и историю литературы, которые им читал Горький, пропускали мимо ушей отзовизм, но когда дело дошло до богостроительства, то пролетарии заявили: «Нет, хватит». Кончилось тем, что больше половины этих учеников, под руководством покойного рабочего Вилонова, организатора этой школы, удрали в одну прекрасную ночь с острова и приехали к тов. Ленину и к другим, жившим тогда заграницей и издававшим «Пролетария». Они перешли из «богостроительской» школы в нашу, а затем уехали в Россию, как представители нашего течения.

Заграничная партийная школа сыграла большую роль. В те времена, когда партии не было, эта группа в двадцать человек руководящих рабочих была силой, почти что Центральным Комитетом нашей партии.

Борьба с отзовизмом и другими течениями.

Нам пришлось выдержать с отзовизмом, ультиматизмом и богостроительством отчаянную борьбу, завершившуюся расколом большевистской фракции. Мы привлекли ряд делегатов с мест, из Петрограда и Москвы, мы созвали большевистскую конференцию и исключили из нашей фракции рабов божиих—Богданова и других. Эта глава в истории большевизма—одна из наиболее важных. Она подробно изложена в газете «Пролетарий», где тов. Ленин поместил по этому поводу не мало блестящих статей. Борьба была неимоверно трудная, потому что наши противники имели большие связи, потому что их все знали и многие шли за ними. Большевизм окончательно оформился, только проведя эту борьбу «налево». Наши антагонисты нас клеймили за наше объединение с Плехановым. Но мы были правы, и мы до сих пор держим союз с плехановцами для защиты философского материализма. Но Луначарский и Богданов были в философии противниками Маркса,

а Богданов был и остается сторонником не Маркса, а Эрнста Маха, философия которого ничего общего с марксизмом не имеет, как это установил тов. Ленин в своей философской работе об эмпирио-критицизме. Но в то время многие наши товарищи, находившиеся в ссылке и сидевшие в тюрьме, зачитывались Махом. И Богданов, на основе литературного распада и гнилых настроений, делал выводы против марксизма. Повторяю, это была очень серьезная глава в истории большевизма. Мы заключили с Плехановым союз на основе философской борьбы за материализм. И большевизм окончательно сложился только тогда, когда прошел через борьбу не только с ликвидаторством и с меньшевизмом, но и через борьбу с ликвидаторством «слева» и с отзовизмом, вошедшим в партию также под названием «впередовства». Названная группа «левых» б-ков воспользовалась названием нашей газеты «Вперед», выходившей в 1905 году, стала издавать сборник под таким же названием. «Впередовцы» заявляли, что настоящие большевики это—они, а мы—большевики «правого крыла».

История борьбы со всеми этими направлениями особенно ценна для тех, кто хочет познакомиться с теоретической основой большевизма. Последний никогда не мнил, что он должен быть «левее» всех, в вульгарном смысле этого слова. Ту левизну, которая докатывается до богостроительства, футуризма и т. п., мы всегда отвергали и решительно против нее боролись. И в этой борьбе большевики окончательно закалились не только против гнилого реформизма и ликвидаторства, но и против гнилого идеализма и авантюризма в политике, потому что отзовизм был не что иное, как авантюризм.

В этой борьбе за идейное возрождение партии прошел весь 1909 год. Обстановка, повторяю, была неимоверно тяжелая. Не мало товарищей теряло всякое революционное лицо и превращалось бог знает во что. Вся наша партия разбилась на группы, подгруппы и фракции. В то тяжкое время наша центральная задача заключалась в том, чтобы собирать камень за камнем партию, подготовлять ее возрождение, а главное—отстоять основы марксизма против всех возможных извращений.

Эта полоса в истории большевизма является, поистине, страдной, но и славной. Если бы большевизм сделал в то время какие-нибудь теоретические или политические уступки своим противникам, то он не смог бы сыграть потом ту великую роль, которую он выполнил. Вот почему эта страница нашей истории заслуживает исключительного и тщательного изучения со стороны нашей молодежи, особенно теперь, когда опять поднимаются «модные» теоретические веяния, во многом напоминающие вышеописанный период распада.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ.

Годы столыпинской контр-революции были самыми критическими и наиболее опасными для существования партии. Оглядываясь назад, можно смело сказать, что в это тяжелое время партии, как целого, не существовало: она распалась на отдельные мелкие кружки, отличавшиеся от кружков периода 80-х и начала 90-х годов тем, что общее настроение их, после понесенного революцией жестокого поражения, было крайне подавленное. При таком положении вещей, сожительство с меньшевиками, тяжело давившее на партию, таило в себе грозную опасность. Меньшевики-ликвидаторы злорадно подчеркивали тот факт, что партии, как целого, не существует. И в то время когда каждый преданный партии революционер заключал отсюда о необходимости отдать все силы для ее воссоздания, они делали обратный вывод: радуясь, что партия разбита, они стремились к созданию новой организации, не связанной идейно со старой партией. В течение нескольких лет шла глухая борьба между большевиками и ликвидаторами в рамках единой партии, причем не было недостатка и в примиренческих группах, пытавшихся найти среднюю линию и помирить обе стороны. На двух таких, наиболее важных, попытках необходимо остановиться.

Парижская Конференция 1908 года.

Первая из них имела место в декабре 1908 года на Всероссийской Конференции партии, состоявшейся в Париже. Здесь присутствовали все заграничные представители партии, а также ряд комитетов, действовавших в России. То крыло меньшевизма, которое было представлено Марто-

вым и занимало середину между Плехановым и Потресовым, между меньшевиками-партийцами и ликвидаторами, также прибыло на Конференцию, чтобы продолжать и здесь свою работу подтачивания и разложения партии изнутри. На Конференцию была приглашена и фракция третьей Государственной Думы, в лице ее главного руководителя Чхеидзе. Но он не приехал. Это был, с его стороны, вполне обдуманный шаг, имевший серьезное политическое значение. Отказ прибыть на Всероссийскую Конференцию, хотя и обставленный разными дипломатическими уловками, означал, что меньшевистское большинство думской фракции, которое возглавлял Чхеидзе, не желало признавать партию и считало, что не фракция подчинена партии, а, наоборот, что думская фракция стоит над партией. Другими словами, фракция еще раз подчеркнула этим шагом свое сочувствие ликвидаторскому крылу партии меньшевиков.

На Парижской Конференции были приняты более или менее правильные, в политическом отношении, резолюции, осуждавшие, правда, в очень умеренной форме, ликвидаторство. Оно, впрочем, понятно, так как, желая сохранить единство с группой Мартова, Конференция и тогдашний Центральный Комитет, избранный еще на Лондонском съезде, были связаны по рукам и ногам и не могли объявить решительную войну ликвидаторству, ограничившись, по необходимости, общими теоретическими формулами. Таким образом, по причине своей половинчатости, Конференция 1908 года не имела для партии большого значения, тем более, что она собралась в момент расцвета контрреволюции и наибольшего торжества Столыпина, когда только крестовый поход против «Столыпинской рабочей партии» мог бы иметь какой-нибудь практический смысл.

Последний объединенный пленум Центрального Комитета.

Другая попытка сохранить единство и оформить примирительное настроение, охватившее тогда и часть большевиков, имела место, в начале 1910 года, на пленуме Центрального Комитета партии—последнем пленуме, в котором участвовали и большевики и меньшевики, так как дальнейшие события положили конец их совместной работе. Здесь выступали две группы большевиков: большевики-примиренцы, называвшие себя большевиками-партий-

цами, и мы—непримиримые большевики. Во главе первой группы стоял ряд товарищей, занимающих сейчас видное место в нашей партии (Рыков, Сокольников, нынешний финансист Владимиров, Лозовский и некоторые другие), а лидером их был Дубровинский (псевдоним «Иннокентий»)—один из лучших, преданнейших и замечательнейших по своему личному обаянию деятелей нашей партии, имеющий перед ней большие заслуги. (Он погиб в царской ссылке.) Дубровинский совершил ту крупную политическую ошибку, что в 1909—10 годах, когда необходимость разрыва с меньшевиками была уже ясна, он, ослепленный идеей единства, продолжал настаивать на том, что надо всетаки работать вместе с ними. Его группа заключила союз с меньшевиками-партийцами, объединившимися вокруг Плеханова, и выступила против нас, ленинцев. На пленуме 1910 года Дубровинский и его единомышленники провели еще раз постановление о необходимости совместной работы с меньшевиками, хотя при этом была принята также резолюция против ликвидаторства, с одной стороны, и против отзовизма—с другой. Объясняется такая разноголосица тем, что на меньшевиков-ликвидаторов смотрели в то время, как на заблудших братьев, и рассчитывали, что значительная часть их все же будет работать на основе решений, принятых на этом пленуме.

Большевики-ленинцы были на этом пленуме в меньшинстве, и им ничего не оставалось, как подчиниться решению, принятому голосами большевиков-примиренцев, сторонников Плеханова и т. Троцкого, который издавал тогда в Вене популярную газету «Правда», проводя в ней мысль о необходимости, во что бы то ни стало, единства с меньшевиками.

Этим пленумом закончился ряд попыток сохранить старое единство, попыток, происходивших на фоне разбитого рабочего движения, загнанной в подполье партии и повального разочарования, охватившего и часть рабочих.

События на Лене. Оживление рабочего движения.

Но скоро положение изменилось к лучшему. Уже через некоторое время после упомянутого пленума, в рабочем движении началось оживление. Пошли первые робкие забастовки. Большевикам удалось поставить свою неболь-

шую легальную литературу, которая, несмотря на преследования правительства, все же имела возможность противопоставлять марксистские взгляды ликвидаторским. Забастовка на Лене и последовавшие за нею события явились в этом смысле рубежом, показав, что в истории русского революционного движения начинается новая страница. Третье-июньская реакция начала себя изживать. Бесконечные виселицы и расстрелы революционеров загнали революционное движение на время внутрь, но после ленских дней стало ясно, что рабочий класс, с новыми силами и на основе начинавшегося экономического подъема, опять подымается на борьбу.

Газета «Звезда».

Нам удалось сорганизовать первую, после поражения революции, легальную газету «Звезда». Сначала она была органом большевиков и меньшевиков - плехановцев. Фактическое руководство ею находилось заграницей, откуда Плеханов, Ленин и другие посылали свои руководящие статьи; в Петрограде же была официальная редакция, состоявшая из Полетаева, рабочего-большевика и члена Государственной Думы, и Покровского, депутата, меньшевика - плехановца. «Звезда» выступала сначала очень робко, и ее политическая линия не могла быть отчетливой, так как газета была органом коалиции—блока большевиков и плехановцев. Но очень скоро, появившись на свет в качестве газеты двух партийных кружков, «Звезда» стала превращаться в боевой орган возрождавшегося рабочего политического движения и, связываясь с ним все теснее, начала постепенно терять свой коалиционный характер. Наконец, группа Плеханова отошла почти совсем на задний план, и «Звезда» стала окончательно нашим большевистским боевым органом, выходя два раза в неделю, а потом и три.

Ее роль и значение.

«Звезда» сыграла, на мой взгляд, такую же роль для нового поколения рабочих, подымавшегося на основе переваренного им опыта поражения 1905 года, какую «Искра» сыграла в начале 900-х годов для тогдашнего поколения сознательных рабочих. «Звезда» собрала под наше знамя лучшее, что было среди рабочих Петрограда и всей России. Сначала робко, а потом все смелее и решительнее, она по-

вела такую же беспощадную борьбу с ликвидаторами, как в свое время «Искра» с экономистами. В «Звезде» говорили уже не таким полу-дипломатическим языком, как в конце 1908 года или на пленуме 1910 года. Газета была органом воинствующего направления, который сражался направо и налево, умел энергично отстаивать свою линию и прокладывать новые межи в рабочем движении. Только те партийные газеты вошли, как крупные вехи, в историю, которые умели действительно защищать свое направление и расчищать себе дорогу среди бесчисленных врагов. И «Звезда» принадлежала, несомненно, к таким газетам. Она подготовила появление «Правды», возникшей после конференции в Праге, о которой необходимо сказать несколько слов отдельно.

Большевистская конференция в Праге.

К тому времени, когда «Звезда» стала боевым органом большевиков-ленинцев, раскол с меньшевиками стал совершившимся фактом. После конференции 1908 года и, особенно, после пленума 1910 года, мы, большевики-ленинцы, сказали себе, что работать вместе с меньшевиками-ликвидаторами не будем, и лишь выжидали удобного момента, чтобы окончательно с ними порвать и создать свою самостоятельную организацию, на основе быстро оживавшего рабочего движения.

В начале 1912 года наша группа решила, что такой момент настал, и созвала в Праге, в Чехо-Словакии, партийную конференцию, которая и восстановила нашу разгромленную после 1905 года партию. Эта конференция имеет крупное историческое значение. На ней присутствовали, между прочим, два-три делегата, сторонники Плеханова, приехавшие из России, прямо с работы. Сам Плеханов участвовать в ней, однако, отказался, полагая (и вполне справедливо), что Пражская конференция имела своею целью раскол с меньшевиками. В последнюю минуту Плеханов, как водится, всетаки убоялся раскола с меньшевиками.

Ее состав и результаты.

На Пражской конференции преобладали, в подавляющем числе, большевики. На ней был представлен новый слой рабочих-большевиков, выросших и созревших политически в полосу контр-революции, идущую, примерно

с 1907 до 1911 года. Здесь появились впервые Залуцкий, Серебряков (ныне работающий в Народном Комиссариате Путей Сообщения), Воронский (издатель «Красной Нови»), Орджоникидзе (нынешний руководящий работник на Кавказе) и ряд других товарищей, которые в революции 1905 г. либо не участвовали вовсе, либо действовали тогда, как рядовые работники. В Праге все они представляли новое поколение большевиков, выросшее за время контр-революции, и нам было весьма важно получить с ними организационную зацепку, чтобы использовать приобретенный ими опыт.

Конференция в Праге, состоявшая, в общем, из горсточки делегатов (их было человек 20—25) и руководимая тов. Лениным, взяла на себя смелость провозгласить себя партией и порвать, раз и навсегда, со всеми другими группами и подгруппами. Эта конференция низложила старый Центральный Комитет, который наполовину сгнил, и сказала себе: партия — это мы; мы поднимаем знамя большевистской партии; кто не с нами, тот против нас; мы будем вести суровую борьбу со всеми, кто отказывается, в свою очередь, бороться с ликвидаторством.

Заграницей среди эмигрантов, где громадное большинство (примерно, девять десятых) было тогда на стороне меньшевиков, Пражская конференция была встречена последними скрежетом зубовным. Меньшевики осыпали нас за это дело бранью, утверждая, что мы узурпаторы, что все большевики могут уместиться на одном диване и что эта конференция будет иметь мимолетное значение, так как ее никто не признает и никакой роли она в партии не сыграет. Но вышло, однако, не так. Если вся меньшевистская эмиграция была против нас, то подрастающее новое поколение революционных рабочих в России было *за* нас, и Пражской конференции удалось перекинуть мост к возрождавшимся большевистским рабочим группам и создать партию на новых началах.

Основание петроградской «Правды».

На Пражской конференции была впервые выдвинута идея создания ежедневной газеты «Правда». Одним из наиболее горячих защитников этой мысли был тов. Воронский. Мы относились к этому проекту сначала довольно скепти-

чески, с трудом представляли себе, чтобы в России стала возможной ежедневная политическая газета большевиков. Тем не менее, было решено сделать попытку, и мы повели соответственную агитацию. Создавалась «Правда», конечно, далеко не так, как все газеты, а на гроши, собранные рабочими и работницами. Постоянно усиливавшийся приток денежных средств послужил нам верным барометром для суждения о симпатиях рабочих к большевикам. Мы завели подробную запись рабочих групп, вносивших те или иные суммы на «Правду», и не успевала какая-нибудь группа дать двугривенный, как тотчас же попадала в регистрационную ведомость. Особенно интересовался этой статистикой тов. Ленин.

Вначале «Правда» тоже была органом коалиционным, так как в ней участвовали и большевики, и меньшевики-плехановцы. Но она разделила судьбу «Звезды». Через самое короткое время плехановцы, пытавшиеся сидеть между двух стульев, были, ходом событий, вытеснены из «Правды», и газета сделалась органом большевиков ленинского течения.

Четвертая Дума.

К тому времени наступили выборы в четвертую Государственную Думу. И на этот раз, между большевиками завязался спор о том—участвовать ли им в избирательной кампании. Но теперь эта борьба уже не отличалась такой страстностью, как при первом столкновении с бойкотистами. Громадное большинство большевиков, памятуя, что нам необходимо использовать легальные возможности, признало, что участвовать в Думе необходимо. Избирательный закон был составлен так, что рабочие шести наиболее крупных промышленных губерний имели по одному представителю, причем избирательная процедура происходила так: рабочие должны были выбрать уполномоченных, а эти, в свою очередь,—выборщиков, из числа которых, в губернском собрании, помещики и буржуазия, имевшие громадное большинство, уже должны были наметить одного из рабочих в депутаты. Таким образом, для проведения в депутаты большевика, надо было добиться, чтобы в губернском собрании все выборщики, как один, были большевиками, и чтобы помещикам ничего другого не остава-

лось делать, как выбрать большевика. Эту далеко не легкую задачу поставил себе большевизм и выполнил ее блестяще. Несмотря на то, что легальных возможностей у меньшевиков было гораздо больше, большевики завоевали всю рабочую курию в шести упомянутых губерниях. Волей-неволей помещики и капиталисты должны были выбирать большевика, а если иногда пытались выбрать не того, которого мы намечали, чтобы, так сказать, нам отомстить, то у нас оказывалась настолько прочная дисциплина, что все остальные большевики отказывались и, в конце концов, проходил тот, кого хотела послать в Думу организация. Так было, в частности, с Бадаевым, который, будучи избран от Александровского завода, где он работал слесарем, прошел таким образом в Государственную Думу, несмотря на то, что на избирательном собрании в большинстве были октябристы и кадеты. Таким же путем попали в Думу Петровский—от Екатеринослава, Муранов—от Харькова, Самойлов—от Иваново-Вознесенска, Шагов—от Костромы и Малиновский—от Московской губернии.

Провокатор Малиновский.

Последний был старым деятелем рабочего движения и председателем союза металлистов. Много лет подряд он пользовался среди петроградских рабочих (да и не только среди них) такой широкой популярностью, что, когда он приехал в Прагу делегатом от группы деятелей профессионального движения, мы приняли его с распростертыми объятиями. Мы устроили ему место на одном из заводов под Москвой и дали приказ от выбранного в Праге Центрального Комитета—сидеть смирно целый год до выборов, чтобы его не успели арестовать и чтобы он мог пройти в Государственную Думу. Так оно и вышло. Впоследствии, как известно, Малиновский оказался провокатором, и его дело стоило нашей партии немало. Малиновскому удалось проникнуть в думскую фракцию, в Центральный Комитет нашей партии, а также в редакции «Правды» и московской газеты «Рабочий Путь», над постановкой которой он поработал больше других. Тем не менее, оглядываясь назад, мы ясно видим, что, в силу положения, которое тогда создалось, эта гнусная игра охранного отделения кончилась едва ли к большой его выгоде. Конечно, Малиновский причинил

нам немало вреда, так как при его содействии охранка арестовала не одну сотню наших лучших людей; но, несмотря на это, мы все же можем сказать, что расчеты охранки оказались построенными на песке. Дело в том, что, вынуждаемый обстоятельствами, Малиновский должен был производить в Думе революционные выступления, так как, подобно другим депутатам, он часто читал по тетрадке речи, написанные заграницей. Малиновский был председателем нашей думской шестерки и, чтобы не потерять кредита, был вынужден помогать нам в нашей работе.

Сам Малиновский, если коснуться его лично, был натурой несколько необычной, неуравновешенной, но талантливой. Он происходил из польских дворян, попал в пролетарскую среду и, совершив в молодости уголовное преступление, вследствие которого он перешел на нелегальное положение, вскоре запутался в сетях охранки. После того как он сложил свои депутатские полномочия, чувствуя, что будет скоро разоблачен, он пошел в 1914 году на войну, угодил в плен и там, как это доказано десятками писем, полученных от пленных, вел среди них большевистскую агитацию. Навряд ли у него были какие-нибудь основания играть в плену двойную игру. После Октября, когда мы уже стояли у власти, он сам вернулся в Россию, отдался в наши руки, был арестован и отвезен в Москву, где трибунал приговорил его к расстрелу, и он был расстрелян.

Раскол думской фракции.

На-ряду с нашей шестеркой, в Думе пребывала меньшевистская семерка, депутаты которой прошли, главным образом, от мелко-буржуазного населения Кавказа и возглавлялись пресловутым Чхеидзе. Последний был в третьей и четвертой Думе, где он завоевал популярность, получил известное значение и, в начале Февральской революции, сыграл, на первых порах, довольно крупную роль. Когда мы, при поддержке «Правды», раскололи думскую фракцию, меньшевики повели среди рабочих в Петрограде и во всей России бешеную агитацию под лозунгом единства, который они уже неоднократно против нас выдвигали, сознательно спекулируя на вполне понятном тяготении к единству рабочих масс. Последние иногда рассуждают просто:

чем нас больше, тем лучше для дела. Только с трудом, на тех уроках, которые преподает история, рабочая масса усваивает себе, что бывают положения, когда раскол является священной обязанностью революционера, когда необходимо расколоть старую организацию, ставшую контрреволюционной и повисшую, словно гири, на ногах рабочего класса. Так было с общей партией в 1908—10 годах. Так было в 1912 году, когда Пражская конференция поставила раскол в порядок дня. И такой же раскол был проведен в 1912 году и к началу 1913 года, на легальной арене, между «Правдой» и «Лучом», между нашей думской шестеркой и меньшевистской семеркой, которую возглавлял Чхеидзе.

«Августовский блок».

В противовес конференции в Праге, меньшевики, собравшись в Вене, в августе 1912 года, на всероссийскую конференцию, образовали там так называемый «августовский блок». На этой конференции участвовали меньшевики-ликвидаторы и меньшевики, сторонники Мартова, а также группа тов. Троцкого, сильно содействовавшего созданию упомянутого блока. В то время тов. Троцкий вел энергичную кампанию против нашей петроградской «Правды» и против раскола думской фракции, считая необходимым, во что бы то ни стало, сохранение единства. Августовский блок, объединивший несколько групп, сплотился против нас, объявил конференцию в Праге узурпаторской, проклял раскол, начавшийся в Петрограде в думской фракции, и формулировал окончательно свою ликвидаторскую политическую платформу.

Спор о частичных требованиях.

В тот год шел особенно сильный спор вокруг вопроса о частичных требованиях. Большевики, на своей конференции в Праге, в своих газетах «Звезда» и «Правда» и в своей думской фракции, защищали, как тогда говорили, трех китов, т-е. три требования: демократическую республику, 8-часовой рабочий день и конфискацию помещичьих земель. В свою очередь, меньшевики и их августовский блок формулировали свою программу, которая радикально отличалась от нашей. Они требовали свободы слова, стачек, собраний и союзов. Иначе говоря, вместо большевистской революционной программы они предлагали программу

реформ, вместо решения коренных вопросов—частичные требования. Большевики говорили, что они не возражают против частичных требований, что они готовы бороться за малейшее улучшение положения рабочего класса, но они полагают, что всякие частичные требования надо выдвигать перед массой только в свете «трех китов». Короче говоря, наше главное требование было низвержение самодержавия, между тем как меньшевики хотели врастания в конституционную монархию и приспособления партии к столыпинскому режиму. Таким образом, налицо были две сильно расходившиеся между собою платформы: одна—пражская, а другая—венская, т.-е. августовского блока.

Вопрос о демократической республике.

Кстати, несколько слов о «демократической республике». Большевики неоднократно выдвигали это требование. Но, оглядываясь назад, мы должны признать, что в этом вопросе у нас в 1915—1917 годах была некоторая недоговоренность и неясность. Начиная с 1905 года, мы считали, что Россия идет навстречу диктатуре пролетариата и крестьянства, и ставили поэтому вопрос так: если наша революция будет победоносной, окончательно очистив авгиевы конюшни царского самодержавия, и если она попадет в полосу начинающейся революции на Западе, то она будет не только демократической, а станет началом революции социалистической. В тезисах—редакция «Социал-демократа» 1916 года (писанных т. Лениным), когда уже намечалась революционная волна,—мы, однако, все еще говорили о демократической революции. И только потом, увидев те глубокие изменения, которые империалистическая война произвела и у нас, в России, и во всем мире, мы окончательно формулировали свою платформу *социалистической* пролетарской революции.

Эволюция большевизма.

Этой эволюции наших взглядов за время с 1905 до 1917 года мы отрицать не можем, как и того, что она прошла не без известных шероховатостей, вызвав среди нас, накануне Октября 1917 года, очень опасные разногласия. Иные из нас (я в том числе) слишком долго отстаивали мысль, что в нашей крестьянской стране не удастся сразу перейти к социалистической революции, и надеялись только на то, что, если наша революция совпадет с началом международ-

ной пролетарской, то она сможет стать увертюрой к пролетарской революции. Но страшная война 1914 года сразу придвинула человечество на многие десятилетия к победе социализма. Правда, эта война стоила беспримерных жертв, но она подрезала капитализм в корне, нарушила капиталистическое равновесие, приблизила мировую пролетарскую революцию, а в России дала возможность нашей партии поставить вопрос о ней конкретно. При таком ходе событий указанная эволюция большевизма была для нас неизбежной...

Что же отделяло нас от августовского блока? Очень простая вещь: мы стояли за программу революционную, а наши противники за программу реформ, за компромисс с конституционной монархией, ибо они не верили в революцию, считая ее невозможной. Мы расходились с ними не потому, что спорили с ними о *характере* будущей революции, но потому, что они просто не хотели никакой революции, не ждали ее и приспособлялись к тогдашней конституционной монархии. Большевизм думал иначе. Тщательно вглядываясь в путь, который проходил рабочий класс за время империалистической войны, мы постепенно отдалялись от формулы «демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», приближаясь к другой—«диктатура пролетариата, ведущего за собой крестьянство»; мы отходили от формулы «последовательная демократическая революция»—к формуле «советская власть и пролетарская революция»; от формулы «Учредительное Собрание», которую мы защищали еще летом 1917 года,—к формуле «советская власть»...

Таким образом, к концу 1912 года, после августовского блока, друг против друга стояли две оформившиеся силы, обе оправившиеся от прожитых ими тяжелых лет. Большевики, оправившись, создали новую партию, а меньшевики-ликвидаторы, примиренцы и сторонники единства, собрались под знаменем частичных требований, стремясь к созданию легальной партии при конституционной монархии.

Что происходило в это время в недрах рабочего класса? Все внутри него бурлило с каждым месяцем сильнее

и сильнее. Движение носило стачечный характер. Многие из вас участвовали в нем и припомнят, вероятно, что к 1912—13 годам Петроград, Москва и все рабочие центры буквально сотрясались от беспрестанных забастовок. Последние вспыхивали везде и повсюду. Чувствовалось, что снова у рабочих силушка по жилушкам перекатывается и что они начинают опять напрягать свои мускулы. Рабочие пользовались тогда каждым поводом, чтобы всякую экономическую забастовку превратить в политическую. Меньшевики сразу же ополчились против этого стачечного движения, почувствовав в нем врага. И их газета «Луч», и фракция Чхеидзе, и весь их блок поднялись на дыбы. Всем еще памятны их газетные статьи, твердившие, что петроградские рабочие охвачены «стачечным азартом». Но эти статьи не оправдали ожиданий меньшевиков: читая их, рабочие ясно понимали, где их друзья и где враги.

Победа «Правды».

«Правда» постепенно отвоевывала у меньшевиков один завод за другим. Рабочие посылали в газету, ставшую как бы штабом движения, организующим центром, десятки и сотни корреспонденций. Каждое собрание профсоюзов, а также выборы в союзе металлистов, имевшие большое политическое значение, как и в страховые кассы, проходили под флагом «Правды», которая выступала со своими списками «правдистов», или последовательных марксистов, защищавших рабочую демократию и «неурезанные» требования, как говорили тогда для цензуры. Меньшевики, терпя повсюду поражения, объясняли их в своей газете «правдистским поветрием», свирепствовавшим в рабочем классе Петрограда и главнейших городов: для них начавшееся новое революционное движение было книгой за семью печатями; они смотрели на него, как на случайное явление, и нарочно затыкали себе уши ватой, чтобы не слышать гула, наполнявшего рабочие кварталы.

На «Правду» обрушились сильнейшие репрессии. Ее то и дело приостанавливали, штрафовали за каждую статью, арестовывали ее редакторов, сотрудников и служащих, так что одно время для газеты нельзя было найти даже корректора. Но героические рабочие Петрограда мужественно поддерживали «Правду», которая, несмотря на все

преследования, крепла с каждым днем. Чем больше на нее обрушивалось ударов, тем дороже становилась она рабочим массам, которые, буквально, по копеечкам собирали деньги на ее ведение и оплату штрафов и неутомимо поставляли все новых редакторов для отсидки. Все ухищрения полиции, сторожившей, бывало, у типографской машины, чтобы конфисковать первые номера, не достигали цели, благодаря бдительности и энергии петроградских рабочих, создавших удивительную организацию для распространения газеты: еще краска не успевала обсохнуть на листах, а уж сотни рабочих и работниц и их дети разносили газету под полой по фабрикам и заводам. Мало-по-малу «Правда» стала лучшим другом всякой рабочей семьи, и ныне можно смело сказать, что ей безусловно принадлежит почетное место в истории нашей революции и большевизма.

Война и революция.

В 1913 году, особенно в начале 1914-го, рабочее движение вступило в новую фазу, перейдя от забастовок опять к демонстрациям и открытым столкновениям. Не подлежит сомнению, что война сначала задержала это движение. Уже в начале 1914 года в Петрограде были первые баррикады, а забастовки разливались такой широкой и бурной волной, что не было уже той силы, которая могла бы остановить это давно созревшее движение. Повторяю, если бы не война, то уже, вероятно, в 1915 году мы увидели бы события, весьма похожие на 1905 год, с той, однако, разницей, что на этот раз крестьянство выступило бы куда сознательнее. Но, с другой стороны, если империалистическая война несколько приостановила революцию, то потом результаты этой войны революционизировали Россию и сделали для нас возможным замену формулы «демократическая революция» формулой «пролетарская революция».

Начало 1914 года застает нашу партию гегемоном рабочего класса, в самом широком смысле этого слова. Партия была в то время нелегальной. Значительная часть ее Центрального Комитета находилась заграницей. Тов. Ленин и некоторые другие товарищи переехали в Краков. Оттуда они руководили «Правдой» и «Звездой», и туда же приезжали из Петрограда десятки товарищей для обсуждения важнейших вопросов. Вместе с тем, мы имели свои

штабы в Петрограде и в Москве, работавшие на легальной и нелегальной почве. Какова была численность партии к тому времени—сказать трудно. В последний раз, когда партия была полулегальной и нам удалось сделать подсчет, на Лондонском съезде, в 1907 году, во всех фракциях, вместе взятых—большевистской, меньшевистской и национальных,—было около 150 тысяч человек. В 1914 году мы не могли точно сказать, сколько у нас было членов, но мы твердо знали, что за нами стояло громадное большинство организованных рабочих. В том же году, как я только что сказал, рабочее движение начало выходить на улицу. Первые баррикады были, как раз, незадолго до объявления войны. Положение обострилось тогда до такой степени, что, по всей вероятности, наша фракция все равно была бы арестована, так как наши думские представители, во главе с Петровским, Мурановым и Бадаевым, становились настоящим революционным очагом. Их то и дело ловили: Бадаева—на Путиловском заводе, на нелегальных массовках, а Петровского—на нелегальных собраниях углекопов в Донецком бассейне. Все это ясно доказывало, что революционное движение сделало громадный шаг вперед. Августовский блок оказался бессильным, начал распадаться и крошиться, причем, по мере развития этого процесса, лучшая его часть постепенно переходила к нам. Меньшевики-ликвидаторы, несмотря на то, что имели популярнейших людей и ораторов (как Чхеидзе в Думе), оставались, тем не менее, в рабочей массе в ничтожном меньшинстве.

Война и партия.

В таком положении застало нас начало империалистической войны. Она повлекла за собой почти полный разгром партии. Прежде всего была арестована наша думская фракция, пять депутатов. (Меньшевиков не тронули.) Их захватили в одной из деревень под Петроградом, вместе с другими товарищами, на нелегальном собрании. У арестованных депутатов нашли воззвание нашего Центрального Комитета по поводу империалистической войны, написанное тов. Лениным заграницей. В этом воззвании мы выдвигали впервые лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Этот лозунг является теперь достоянием широчайших

рабочих масс и кажется чем-то само собою понятным; но в то время это было далеко не так, и на нас в лагере II Интернационала буквально смотрели, как на зачумленных. Когда мы заявили, что эту войну надо превратить в гражданскую, в войну против буржуазии, нам стали серьезно намекать, что, очевидно, «у нас не все дома». Мы обратились к левейшему из левых во II Интернационале, к Роберту Гримму, с просьбой, чтобы он напечатал краткие выдержки из нашего воззвания, но он посмотрел на нас с горьким сожалением, как на людей душевно-больных, и сказал, что не может печатать документов, похожих на политический бред. А когда мы имели смелость сказать, что II Интернационал потерпел банкротство и погиб, то на нас стали прямо показывать пальцами. Шутка ли: ведь II Интернационал пользовался тогда громадным авторитетом и насчитывал, как говорили, до 25 миллионов организованных рабочих. «Правда, ему не удалось предотвратить войну,—сокрушались тогдашние авгуры, вожди II Интернационала, как, например, Каутский,—но что же делать! Ведь, Интернационал—инструмент мирного времени, а не орудие войны, во время которой классовая борьба должна быть приостановлена». И все эти господа как бы условились тогда друг с другом насчет взаимной амнистии: пусть, мол, немецкая социал-демократия поддерживает свое правительство, французская—свое, английская—свое, а когда война кончится, тогда все социал-демократы соберутся вместе и, отпустив друг другу грехи, скажут: «Ничего не поделаешь: было маленькое недоразумение—перебили несколько миллионов рабочих, но больше этого не будет». И вот, когда, после всего этого, мы, большевики, представители одной нелегальной партии среди десятков партий, входивших во II Интернационал, бросили им в лицо, что они—предатели, что II Интернационал потерпел позорное банкротство, что они—изменники рабочего класса, то нам объявили моральный бойкот и усердно замалчивали все то, о чем мы писали. Первыми, кто обратил серьезное внимание на наши выступления, были, как это ни странно, буржуазные политики. Один немецкий профессор, по поводу упомянутого манифеста и появи-

вшейся после него брошюры «Социализм и война», выступил с ученым исследованием, в котором говорил: Нельзя, однако, недооценивать это явление. Можно утешаться тем, что эти люди—сумасшедшие, но надо иметь в виду, что народилось какое-то новое течение в социализме, в международном рабочем движении, и что мы, буржуа, должны намотать себе это на ус. Как бы то ни было, II Интернационал подверг нас моральному остракизму, замалчивал наши выступления и нас самих, как фантазеров, которые никого за собой не имели и носились с явными бреднями.

Арест членов Ц. К. в Петрограде и его процесс.

Достаточно сказать, что в то время даже такие люди, как Либкнехт, высказавшийся с самого начала против войны, не решались всетаки голосовать против военных кредитов: настолько было велико давление старой партийной социал-демократической дисциплины и буржуазного общественного мнения, в лице его стоустой печати. Ясно, поэтому, на какой прием могло рассчитывать воззвание нашего Центрального Комитета. Последний находился заграницей не весь. Его другая часть пребывала в Петрограде, была арестована, в связи с упомянутым документом, и предана суду. Надо сказать, что на этом процессе не все товарищи держались достаточно выдержанно, но ряд наших работников, в особенности Муранов, Петровский и Бадаев, дали образец того, что такое революционный парламентаризм. На суде читали дневник Петровского, имевшего слабость записывать свою повседневную деятельность. При нелегальной работе этого, конечно, делать не следовало, но Петровский рассчитывал на свою депутатскую неприкосновенность и думал, что может позволить себе эту роскошь. Это вещественное доказательство попало в руки жандармерии и было оглашено на процессе. Но нет худа без добра. Дневник Петровского показал рабочим всех стран, которые весьма живо интересовались этим делом, как должен работать в парламенте рабочий депутат: оказалось, что Петровский изо дня в день отдавал себя не ораторским упражнениям в Думе, а нелегальной работе—сходкам, собраниям и нелегальным совещаниям, т.-е. соединял, как парламентский депутат, нелегальную работу с легальной.

В этом смысле, процесс думской фракции имел безусловно большое значение и давал образец большевистской работы.

Большевизм, в целом, за некоторыми, чисто личными исключениями, занял позицию интернационалистическую и антишовинистическую, т.-е. против войны. Меньшевики, тоже за несколькими исключениями (вроде Мартова, который не решался сказать определенно да или нет), стояли за войну. Их же точку зрения разделяли эсеры.

Война была, разумеется, самым серьезным испытанием для всей партии. Это было настоящее горнило, сквозь которое ей пришлось пройти. Но она выдержала это испытание и донесла до конца свое интернационалистическое направление, доказав на деле свою преданность рабочему классу. Не случайно, что меньшевики и эсеры оказались за войну. Тут была логическая связь событий. Меньшевики прошли путь от правого крыла легального марксизма к экономизму, ликвидаторству, оборончеству и социал-шовинизму. То же самое было, примерно, и с эсерами. Большевики же прошли от «Искры» к большевизму, антиликвидаторству, интернационализму и коммунизму.

Единый буржуазно-меньшевистский фронт.

Здесь интересно отметить, как быстро создался единый фронт между русской буржуазией и меньшевиками. Две-три выдержки покажут это наглядно. Вот что писал, например, Изгоев, член Центрального Комитета кадетской партии, ее бывший марксист-специалист:

> Заработали подлинные исторические силы, и оказалось, что никакой интернациональной социал-демократии, противостоящей «буржуазному миру», не существует. Существуют только *национальные* рабочие партии, вожди которых именуют себя социал-демократами. («Русская Мысль», август и сентябрь 1914 г.)

Другими словами, виднейший вождь кадетской партии говорит с величайшим восторгом о том, что существует не международная социал-демократия, а лишь национальные рабочие партии, из которых каждая идет за буржуазией своей страны. Еще откровеннее выражался Петр Рысс, не менее крупный кадетский лидер. В то время Роза Люксембург и Карл Либкнехт вы-

ступили в Германии против войны, как интернационалисты. Казалось бы, русская буржуазия, которая тогда воевала против немецкой, должна была бы до некоторой степени приветствовать это выступление с точки зрения своих узко-классовых интересов, так как оно ослабляло кайзера Вильгельма. Но вышло наоборот. Буржуазия тоже не лыком шита. Она знает, что, кроме мимолетных и преходящих интересов, у нее есть коренные классовые интересы. И хотя ей было выгодно, чтобы Либкнехт и Люксембург ослабляли Вильгельма, но, с точки зрения широких перспектив буржуазии, ей было невыгодно, чтобы в воюющей стране, в Германии, появились большевизм и определенное интернационалистическое течение. И вот, Петр Рысс писал:

С точки зрения политико-экономических интересов Германии, Роза Люксембург и ее малочисленные единомышленники являются людьми, не имеющими чувства долга перед своей родиной. И если смотреть правде в глаза и не укрываться за лицемерные фразы, *то надо сказать, что поведение германской социал-демократии законно и разумно, как законно и разумно поведение социал-демократии Франции, Бельгии и Великобритании. Наоборот, Роза Люксембург и Карл Либкнехт совершают, объективно, крупную ошибку, обнаруживая отсутствие представлений о времени и месте.* («Русская Мысль», 1915, IV, стр. 12.)

Эти слова надо хорошо запомнить. Русская буржуазия, воюя с немецкой, заявила, в то же время, что Р. Люксембург и К. Либкнехт—люди плохие, ибо они изменяли своему долгу перед «родиной»; русская буржуазия ненавидела немецкую и терпеть не могла Вильгельма, но она не забывала, тем не менее, что Р. Люксембург и К. Либкнехт, ослабляя своими выступлениями ее противников, все же прокладывали одновременно путь интернационализму и были, поэтому, их врагами. Таким образом, русская буржуазия сразу пошла по линии поддержки социал-демократии, т.-е. меньшевиков.

Народники, устами самого Керенского, тоже с самого же начала заявили, что они — за войну. Керенский произнес в Государственной Думе речь, в которой сказал буквально: «Мы непоколебимо убеждены, что великая русская демократия, в союзе со всеми остальными силами страны, окажет упорное сопротивление врагу,

который на нас напал». Это было заявление в высшей степени важное. В тот момент Керенский выставил, так сказать, свою кандидатуру на пост будущего министра буржуазии.

Военно-промышленные комитеты.

Меньшевики вовлекли петроградских рабочих в так называемые военно-промышленные комитеты. Последние были организованы под крылышком крупнейшего представителя октябристской и купеческо-помещичьей буржуазии— Гучкова, придумавшего эту меру, чтобы поднять производство на заводах и успешнее воевать. Между петроградскими рабочими завязался жаркий спор: участвовать или не участвовать в этой буржуазной затее. Рабочие-большевики, как последовательные интернационалисты, отказались от участия в этих комитетах, которые были филиальными органами царского правительства и должны были помогать ему вести войну. Меньшевики, во главе с пресловутым Кузьмой Гвоздевым, который был потом одним из министров коалиционного правительства, вошли в военно-промышленные комитеты. У эсеров, за исключением отдельных лиц, вроде Чернова и Натансона, пытавшихся до некоторой степени бороться со взглядами Керенского, никто не возражал открыто против этого шовинизма.

Главным застрельщиком русского шовинизма выступил Плеханов, что было особенно тяжело, потому что он пользовался громадным авторитетом во II Интернационале и, несмотря на все шатания,—не меньшим влиянием и в нашей партии. Плеханов показал себя бешеным германофобом и последовательным, до самого конца, социал-шовинистом. Он договорился до того, что война являлась справедливой со стороны царя. Он заявлял: Я—старый революционер: вы знаете, что я двадцать пять лет воюю против царизма и что я немало пострадал от него. Так вот, я говорю, что война, которую ведет сейчас Россия,— справедливая война и что на все это время мы должны прекратить всякую борьбу против русского правительства. Шовинизм меньшевиков дошел до того, что, напр., Иорданский (он был тогда неукротимым шовинистом, а теперь перешел на нашу сторону), Иорданский, который редактировал

«Современный Мир», поместил восторженную статью Клейнборта, писавшего:

«Точно по мановению руки, погасла вспышка в Петрограде и прекратились забастовки в Москве и в Бакинском районе: рабочие, в полном сознании исторической важности момента, подчеркнули, что не время обострять внутреннюю борьбу.

В этих словах—прямая измена рабочему классу, ибо его призывали приостановить какую бы то ни было, даже экономическую, борьбу против капиталистов.

Накануне войны, в Брюсселе, при Международном Бюро II Интернационала, состоялась созванная его председателем Вандервельде конференция, имевшая целью примирить все течения в русской партии, которых насчитали тогда семь. На этой конференции громадное большинство вынесло резолюцию против нас, утверждая, что во всем виноваты большевики и т. д. В то время мы еще официально из II Интернационала не вышли и были вынуждены, до некоторой степени, считаться с его постановлениями. Но мы делали это лишь формально, а в действительности вели свою линию. Когда разразилась война, почти все собранные Вандервельде в Брюсселе 7 течений, кроме большевистского, оказались социал-шовинистическими. Партии, как целой организации, в то время не было. Только большевики отстаивали знамя партии и принимали на себя все удары царизма. За малейшее проявление интернационализма царизм карал каторгой. Последние очаги легального большевистского движения были задавлены.

Циммервальдская конференция.

Первые годы казалось, что мы осуждены на одиночество. Та часть членов Центрального Комитета, которая была заграницей, начала работать по объединению интернационалистов в международном масштабе. Мы участвовали в Циммервальдской конференции, где составляли слабое меньшинство, и организовали циммервальдскую левую, послужившую, собственно говоря, первым зерном будущего III Интернационала. К нам примкнуло тогда лишь небольшое число немецких товарищей да немного шведских и латышских. Все остальные, кто был в Циммервальде,—выступали еще против этого объединения.

В Циммервальде большинство высказалось против империалистической войны, но и против гражданской. Это были пацифисты, добросовестные социал-демократы, которые не хотели открыто изменять рабочему классу, но которые, вместе с тем, не верили ни в пролетарскую революцию, ни в гражданскую войну и хотели ограничиться голосованием против военных кредитов и тому подобными мерами. Во главе их стоял Ледебур. Между ним и тов. Лениным в Циммервальде произошла жаркая схватка. Ледебур говорил: Ему (Ленину) легко, сидя заграницей, в эмиграции, проповедывать гражданскую войну, но пускай-ка он поедет в Россию и покажет, кто за ним стоит. Во II Интернационале говорили, что мы—просто чудаки, которые никого в России не представляют, что все русские рабочие за войну и что это могут подтвердить Кузьма Гвоздев, Чхеидзе и Керенский. И действительно, значительная часть II Интернационала это дело так себе и мыслила: Может быть, большевики-де и правы, но они только одиночки—за ними нет никаких рабочих масс, и никто за ними не пойдет.

Тов. Ленин в Швейцарии.

В Циммервальде мы оказались в меньшинстве. И на жалкие крохи, собранные среди немецких рабочих и наших заграничных организаций буквально по грошу, заложили первую ячейку циммервальдской левой, которая стала издавать по-немецки журнал «Vorbote» («Предвестник»), поместивший ряд превосходных статей Ленина, Роланд-Гольст, Радека и других. В этом журнале мы стали собирать силы в международном масштабе. Работать пришлось в то время в Швейцарии, которая не была втянута в орбиту войны. Эта маленькая страна, с малочисленным рабочим классом, никакого серьезного удельного веса в международной пролетарской революции иметь не могла. Швейцарская с.-д. партия была по преимуществу мещанской, и когда тов. Ленину ничего не оставалось, как собирать в Цюрихе небольшие группы рабочей молодежи, чтобы наставлять их против войны, то в этой партии возбудили вопрос об исключении тов. Ленина, занимавшегося преступной пропагандой против войны среди молодежи. В течение 1915—1916 годов мы были незначительным

меньшинством, которое пыталось завязать первые международные связи и старалось не отставать от русских событий.

Начиная со второй половины 1916 года, наши связи с Россией становятся прочнее. Мы начинаем получать рабочие корреспонденции и постепенно выясняем, что рабочие определенно настраиваются против войны. Наша газета «Социал-Демократ», которую мы тогда издавали и статьи из которой перепечатаны в сборнике «Против течения», эта газета, несмотря на все помехи, доходила в немногих экземплярах в Россию и там ею зачитывались до такой степени, что ее переписывали от руки. Эта газета сыграла громадную роль, даром что носила устаревшее ныне название «Социал-Демократ». По нынешним временам это слово кажется позорной кличкой, но ведь наша партия была переименована только в 1918 году.

Пути большевизма и меньшевизма.

Большевизм доказал в империалистическую войну, что он не даром проработал двадцать пять лет. Заложив крепкий фундамент интернациональной тактики, он убедил рабочих, что на всем своем пути, начиная от легального марксизма и кончая архинелегальным периодом империалистической войны, он остался верен своей идее. Не обошлось, конечно, без некоторых ошибок, но все же линия, которую он вел,—прямая линия коммунистической революционной тактики. У меньшевиков есть тоже своя прямая линия; но она идет от легального марксизма к экономизму, потом—к ликвидаторству и социал-шовинизму; это—линия реформистской мелкобуржуазной преемственности. Империалистическая война, оказавшаяся грозным кризисом для всего человечества, вообще, и для рабочего движения, в частности, ярко и окончательно выявила подлинную физиономию каждого из течений. В лагере международного социализма образовалось три течения: с одной стороны, социал-шовинизм, с другой—интернационализм, или коммунизм, и третье течение, возглавляемое Каутским, было, как его называли, «течением центра», средней линией, к которой примыкал долгое время Мартов и которой держится нынешняя Германская Независимая Партия.

Это среднее течение мы считали самым опасным и сосредоточили на борьбе с ним все наши усилия. Оно и понятно. Откровенные шовинисты, как, например, Плеханов, заявивший, что царь ведет «справедливую» войну, выступали открыто. В этой тактике для нас не было большого вреда, потому что рабочие, в конце концов, в ней разобрались бы и, рано или поздно, сами отвернулись бы от ее вдохновителей. Гораздо опаснее было «течение центра», имевшее на своей стороне всех, или почти всех, авторитетных представителей II Интернационала, яростно выступавших против раскола. Вот почему, когда германская социал-демократия раскололась, большевистский Центральный Комитет считал это событие чрезвычайно важным, понимая, что идея единства, тяготевшая над немецким рабочим классом, обессиливала те его группы, которые хотели подняться против войны.

«Течение центра».

Таким образом, начиная с пленума 1910 года, мы уже не действуем с меньшевиками, как единая организация. Всю войну 1914—17 г.г. мы просуществовали, как отдельная партия. Меньшевики, в целом, поддерживали мировую бойню, одобряли деятельность военно-промышленных комитетов и состояли в блоке с кадетской буржуазией. Большевики вели, в то же время, свою работу, носившую двойной характер. С одной стороны, те из них, которые были заброшены за границу, собирали там по зернышку будущих представителей циммервальдской левой, будущих сторонников Коммунистического Интернационала, а те, которые находились в России, вели войну против военно-промышленных комитетов и против шовинистов, собирая и объединяя рабочих для борьбы за пролетарскую революцию.

Засилье социал-шовинизма.

Шовинизм не пощадил и русских рабочих. Это видно хотя бы из того, что в первую половину Февральской революции громадное большинство рабочих даже таких городов, как Петроград, было на стороне меньшевиков и эсеров. Вообще, оглядываясь назад, мы убеждаемся, каким могучим средством была в руках наших противников война, когда, при помощи обманчивого лозунга «отечество в опасности» и пользуясь таким несравненным инструментом, как II Интернационал, буржуазия сумела заразить шовинизмом

даже молодой и полный боевого революционного пыла рабочий класс России. Петроградские рабочие, которые в 1914 году, за две-три недели до войны, строили баррикады против царизма, стояли в начале Февральской революции, в течение нескольких месяцев, за меньшевиков и эсеров, т.-е. за социал-шовинистов. Вот почему тяжелые уроки империалистической войны являются для рабочего класса, вместе с тем, и очень ценными; и вот почему, с другой стороны, велика заслуга большевистской партии во время этой войны, когда, находясь в меньшинстве в рабочем классе, она все же не свернула своего знамени, а шла против течения и привела рабочих к их славной победе в октябре.

Февральская революция и роль партии в ней, а тем более октябрьская революция и роль нашей партий в ней— потребовали бы, при сколько-нибудь подробном изложении, новых десятков лекций. Я не могу этого сделать. Я довожу свое — и без того очень схематическое и неполное изложение — до февраля. Я почти совсем ничего не сказал об экономике России за ту эпоху, которую я освещал. Это, конечно, громадный недостаток. Я ограничился историей партии в узком смысле слова и не дал даже подробной истории революции. Моя задача была— только помочь вам *приступить* к изучению истории партии. Остальное вам придется сделать самим.

Февральская революция застала наш Центральный Комитет частью за границей, частью—в тюрьмах и в ссылке. Партии как бы не существовало; она была разбросана и разбита. Но, несмотря на все это, работа, выполненная ею за двадцать пять лет, сказалась. Наша партия была истинно революционной партией и, поэтому, она работала не только тогда, когда она существовала в виде иерархической и тесно сплоченной организации, но и тогда, когда, на первый взгляд, ее, как будто, не было вовсе, когда она уходила вся в подполье. Такова диалектика революционного процесса, и именно такой была и наша партия. Сколько раз, за долгие годы царизма, казалось, что она совершенно разбита, насчитывает отдельные единицы, но, в результате выполненной ею работы, в сознании

рабочих масс накоплялись все те элементы, которые были необходимы для создания большой всероссийской партии рабочего класса. И наша партия возникала, как Феникс из пепла. Она не сыграла решающей роли в Февральскую революцию, да и не могла сыграть, потому что рабочий класс был тогда настроен оборончески; но зато потом, в течение нескольких месяцев, она реализовала капитал, вложенный ею в рабочее движение за 20—30 лет, и, под ярким светом сиявшей ей, как маяк, идеи гегемонии пролетариата, она освободила русский рабочий класс от меньшевистско-эсеровского пленения и привела его к полной победе над буржуазией.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Манифест Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пятьдесят лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года.

Впервые на сцену выступил—как крупная историческая сила—современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене—с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия все это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была, и главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и по мере своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплоата-

торами. По мере развития капитализма, размеры этой борьбы росли, они захватывали все большие и большие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности, сознательно или бессознательно, действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 годах. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2 июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон—как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он требовал, и впредь будут давать лишь то, чего он потребует.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний,—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение против частной собственности и капитализма—за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

Чем дальше на восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, тем большие культурные, политические задачи выпадают на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоеваний политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: создания такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора объединить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию». В сознании этого представители: «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей «Рабочую Газету» и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» устроили съезд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы. Как движение, так и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом— завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым

движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась. Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей, империалистической стадии развития капитализма передовых стран, династические интересы, наиболее отсталых, восточно-европейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата,—таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны.

На социал-демократию прежде всего ложится долг раскрыть это истинное значение войны и беспощадно разоблачить ложь, софизмы и «патриотические» фразы, распространяемые господствующими классами, помещиками и буржуазией в защиту войны.

Во главе одной группы воюющих наций стоит немецкая буржуазия. Она одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну ради защиты родины, свободы и культуры, ради освобождения угнетенных царизмом народов, ради разрушения реакционного царизма. А на деле именно эта буржуазия, лакействуя перед прус-

скими юнкерами с Вильгельмом II во главе их, всегда была вернейшим союзником царизма и врагом революционного движения рабочих и крестьян в России. На деле эта буржуазия вместе с юнкерами направит все свои усилия, при всяком исходе войны, на поддержку царской монархии против революции в России.

На деле немецкая буржуазия предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран,—Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и разрешенные Россией и Францией.

Во главе другой группы воюющих наций стоит английская и французская буржуазия, которая одурачивает рабочий класс и трудящиеся массы, уверяя, что ведет войну за родину, свободу и культуру против милитаризма и деспотизма Германии. А на деле эта буржуазия на свои миллиарды давно уже нанимала и готовила к нападению на Германию войска русского царизма, самой реакционной и варварской монархии Европы.

На деле целью борьбы английской и французской буржуазии является захват немецких колоний и разорение конкурирующей нации, отличающейся более быстрым экономическим развитием. И для этой благородной цели «передовые» демократические нации помогают дикому царизму еще более душить Польшу, Украйну и т. д., еще более давить революцию в России.

Обе группы воюющих стран нисколько не уступают одна другой в грабежах, зверствах и бесконечных жестокостях войны, но чтобы одурачить пролетариат и отвлечь его внимание от единственной действительно освободительной войны, именно, гражданской войны против буржуазии, как «своей» страны, так и «чужих» стран, для этой высокой цели буржуазия каждой страны ложными фразами о патрио-

тизме старается возвеличить значение «своей» национальной войны и уверить, что она стремится победить противника не ради грабежа и захвата земель, а ради «освобождения» всех других народов, кроме своего собственного.

Но чем усерднее стараются правительства и буржуазия всех стран разъединить рабочих и направить их друг на друга, чем свирепее применяется для этой возвышенной цели система военных положений и военной цензуры (гораздо более преследующей даже теперь, во время войны, «внутреннего», чем внешнего врага),—тем настоятельнее долг сознательного пролетариата отстоять свое классовое сплочение, свой интернационализм, свои социалистические убеждения против разгула шовинизма «патриотической» буржуазной клики всех стран. Отказаться от этой задачи значило бы со стороны сознательных рабочих отказаться от всех своих освободительных и демократических, не говоря уже о **социалистических, стремлений**.

С чувством глубочайшей горечи приходится констатировать, что социалистические партии главнейших европейских стран этой своей задачи не выполнили, а поведение вождей этих партий—в особенности немецкой—граничит с прямой изменой делу социализма. В момент величайшей всемирной исторической важности большинство вождей теперешнего, второго (1889—1914), социалистического Интернационала пытаются подменить социализм национализмом. Благодаря их поведению, рабочие партии этих стран не противопоставляли себя преступному поведению правительств, а призвали рабочий класс слить свою позицию с позицией империалистических правительств. Вожди Интернационала совершили измену по отношению к социализму, голосуя за военные кредиты, повторяя шовинистические («патриотические») лозунги буржуазии «своих» стран, оправдывая и защищая войну, вступая в буржуазные министерства воюющих стран и т. д. и т. д. Влиятельнейшие социалистические вожди и влиятельнейшие органы социалистической печати современной Европы стоят на шовинистическо-буржуазной и либеральной, отнюдь не на социалистической точке зрения. Ответственность за это опозорение социализма ложится прежде всего на немецких

социал-демократов, которые были самой сильной и влиятельной партией II Интернационала. Но нельзя оправдать и французских социалистов, принимающих министерские посты в правительстве той самой буржуазии, которая предавала свою родину и соединялась с Бисмарком для подавления Коммуны.

Германские и австрийские социал-демократы пытаются оправдать свою поддержку войны тем, что этим самым они будто бы борются против русского царизма. Мы, русские социал-демократы, заявляем, что такое оправдание считаем софизмом: Революционное движение против царизма вновь приняло в нашей стране в последние годы громадные размеры. Во главе этого движения все время шел российский рабочий класс. Миллионные политические стачки последних лет шли под лозунгом низвержения царизма и требования демократической республики. Не далее, как накануне войны президент французской республики Пуанкаре во время своего визита Николаю II сам мог видеть на улицах Петербурга баррикады, построенные руками русских рабочих. Ни перед какими жертвами не останавливался российский пролетариат, чтобы освободить все человечество от позора царской монархии. Но мы должны сказать, что если что может при известных условиях отсрочить гибель царизма, если что может помочь царизму в борьбе против всей российской демократии, так это именно нынешняя война, отдавшая на службу реакционным целям царизма денежный мешок английской, французской и русской буржуазии. И если что может затруднить революционную борьбу российского рабочего класса против царизма, так это именно поведение вождей германской и австрийской социал-демократии, которое не перестает нам ставить в пример шовинистская печать в России.

Если даже допустить, что недостаток сил у германской социал-демократии был так велик, что мог заставить ее отказаться от каких бы то ни было революционных действий, — то и в этом случае нельзя было присоединиться к шовинистическому лагерю, нельзя было делать шагов, по поводу которых итальянские социалисты справедливо заявляли, что вожди германских

социал-демократов бесчестят знамя пролетарского Интернационала.

Наша партия, Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, понесла уже и еще понесет громадные жертвы в связи с войной. Вся наша легальная рабочая печать уничтожена. Большинство союзов закрыто, множество наших товарищей арестовано и сослано. Но наше парламентское представительство—Российская Социал-Демократическая Рабочая Фракция в Государственной Думе—сочло своим безусловным социалистическим долгом не голосовать военных кредитов и даже покинуть залу заседания Думы для еще более энергичного выражения своего протеста! сочло долгом заклеймить политику европейских правительств, как империалистскую. И, несмотря на удесятеренный гнет царского правительства, товарищи рабочие в России уже издают первые нелегальные воззвания против войны, исполняя долг перед демократией и Интернационалом.

Если представители революционной социал-демократии в лице меньшинства немецких социал-демократов и лучших социал-демократов в нейтральных странах испытывают жгучее чувство стыда по поводу этого краха II Интернационала; если голоса социалистов против шовинизма большинства социал-демократических партий раздаются и в Англии и во Франции; если оппортунисты в лице, например, германского «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»), давно стоящие на национал-либеральной позиции, вполне законно торжествуют свою победу над европейским социализмом—то наихудшую услугу пролетариату оказывают те колеблющиеся между оппортунизмом и революционной социал-демократией (подобно «центру» в германской социал-демократической партии), которые пытаются замалчивать или прикрывать дипломатическими фразами крах II Интернационала.

Напротив, надо открыто признать этот крах и понять его причины, чтобы можно было строить новое, более прочное социалистическое сплочение рабочих всех стран.

Оппортунисты сорвали решения Штуттгартского, Копенгагенского и Базельского конгрессов, обязывавшие

социалистов всех стран бороться против шовинизма при всех и всяких условиях, обязывавшие социалистов на всякую войну, начатую буржуазией и правительствами, отвечать усиленной проповедью гражданской войны и социальной революции. Крах II Интернационала есть крах оппортунизма, который выращивался на почве особенностей миновавшей (т. наз. «мирной») исторической эпохи и получил в последние годы фактическое господство в Интернационале. Оппортунисты давно подготовляли этот крах, отрицая социалистическую революцию и подменяя ее буржуазным реформизмом; отрицая классовую борьбу с ее необходимым превращением в известные моменты в гражданскую войну и проповедуя сотрудничество классов; проповедуя буржуазный шовинизм под названием патриотизма и защиты отечества и игнорируя или отрицая основную истину социализма, изложенную еще в Коммунистическом Манифесте, что рабочие не имеют отечества; ограничиваясь в борьбе с милитаризмом сантиментально-мещанской точкой зрения вместо признания необходимости революционной борьбы пролетариев всех стран против буржуазии всех стран; превращая необходимое использование буржуазного парламентаризма и буржуазной легальности в фетишизирование этой легальности и забвения обязательности нелегальных форм организации и агитации в эпохи кризисов. Естественное «дополнение» оппортунизма—столь же буржуазное и враждебное пролетарской, т.-е. марксистской, точке зрения,—анархо-синдикалистское течение ознаменовало себя не менее позорно самодовольным повторением лозунгов шовинизма во время современного кризиса.

Нельзя выполнить задачи социализма в настоящее время, нельзя осуществить действительное интернациональное сплочение рабочих без решительного разрыва с оппортунизмом и разъяснением массам неизбежности его фиаско.

Задачей социал-демократии каждой страны должна быть в первую голову борьба с шовинизмом данной страны. В России этот шовинизм всецело охватил буржуазный либерализм («кадеты») и частью народников вплоть до социал-революционеров и «правых» социал-демократов.

(В особенности обязательно заклеймить шовинистские выступления, например, Е. Смирнова, П. Маслова и Г. Плеханова, подхваченные и широко используемые буржуазно-«патриотической» печатью).

При данном положении нельзя определить, с точки зрения международного пролетариата, поражение которой из двух групп воюющих наций было бы наименьшим злом для социализма. Но для нас, русских социал-демократов, не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии.

Ближайшим политическим лозунгом социал-демократии Европы должно быть образование республиканских Соединенных Штатов Европы, причем в отличие от буржуазии, которая готова «обещать» что угодно, лишь бы вовлечь пролетариат в общий поток шовинизма, социал-демократы будут разъяснять всю лживость и бессмысленность этого лозунга без революционного низвержения монархий германской, австрийской и русской.

В России задачами социал-демократии в виду наибольшей отсталости этой страны, не завершившей еще своей буржуазной революции, должны быть по-прежнему три основные условия последовательного демократического преобразования: демократическая республика (при полном равноправии и самоопределении всех наций), конфискация помещичьих земель и 8-мичасовой рабочий день. Но во всех передовых странах война ставит на очередь лозунг социалистической революции, который становится тем насущнее, чем больше ложатся тяжести войны на плечи пролетариата, чем активнее должна будет стать его роль при воссоздании Европы, после ужасов современного «патриотического» варварства в обстановке гигантских технических успехов крупного капитализма.

Использование буржуазией законов военного времени для полного затыкания рта пролетариату ставит перед ним безусловную задачу создания нелегальных форм агитации

и организации. Пусть оппортунисты «берегут» легальные организации ценой измены своим убеждениям, революционные социал-демократы используют организационные навыки и связи рабочего класса для создания соответствующих эпохе кризиса нелегальных форм борьбы за социализм и сплочения рабочих не с шовинистской буржуазией своей страны, а с рабочим всех стран. Пролетарский Интернационал не погиб и не погибнет. Рабочие массы через все препятствия создадут новый Интернационал. Нынешнее торжество оппортунизма не долговечно. Чем больше будет жертв войны, тем яснее будет для рабочих масс измена рабочему делу со стороны оппортунистов и необходимость обратить оружие против правительств и буржуазии каждой страны.

Превращение современной империалистской войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченной Базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающей из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом.

Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро, сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму.

Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран!

Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!

Центральный комитет Российской С.-Д. Рабочей Партии.

Трудящимся Союза Социалистических Советских Республик.

К 25-летию Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Четверть века существования пролетарской партии в России. Наша партия с полным правом могла бы считать свое существование и с 1895 года,—года образования Петроградского Союза Борьбы за Освобождение рабочего класса, основанного В. И. Лениным, или даже с 1883 года,—года образования группы «Освобождение Труда», или с 1878 года,—года образования Северно-Русского Рабочего Союза (Степан Халтурин), или с 1877 года,—года образования Южно-Русского Рабочего Союза (Заславский). Рабочий класс России и его коммунистическая партия—единственные законные наследники лучшего, что было в героической эпохе «Земли и Воли» и «Народной Воли». Имена Степана Халтурина, Петра Алексеева, Андрея Желябова, Софьи Перовской и Александра Ульянова, с одной стороны, Ивана Бабушкина, Шелгунова, Николая Баумана, Якова Свердлова, Дубровинского (Иннокентия), Канцера (Марата), Урицкого и Володарского другой—одинаково дороги сознательным рабочим России. Теоретическое наследие Плеханова-революционера рабочие коммунисты чтут, как лучшую страницу своего собственного прошлого.

В день 25-летнего юбилея существования своей партии передовые рабочие России мысленно проходят с обнаженной головой мимо бесчисленных братских могил, хоронящих то, что было смертного в десятках и сотнях тысяч

наших борцов, погибших за дело партии, за дело российского пролетариата. Десятками, если не сотнями тысяч лет каторги и тюрьмы заплатили русские рабочие за то, чтобы уничтожить царское самодержавие и воздвигнуть диктатуру пролетариата. Целые поколения революционеров погибли в борьбе за освобождение страны от ига самодержавия. Целые армии ссыльных, исчислявшиеся десятками и сотнями тысяч, мерили глухие дороги в убийственные места царской ссылки, где добрая часть их и погибла, до последнего вздоха храня верность рабочему классу. Перед могилами погибших предшественников и вождей, перед памятью десятков и сотен тысяч безыменных героев—борцов, вышедших из недр народной массы, рабочие России склоняют сегодня свои победные знамена.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков) родилась в рабочих кварталах. Небольшие пропагандистские рабочие кружки, огнем и мечом преследуемые царским самодержавием в 90-х годах, превратились ныне в самую могущественную пролетарскую партию мира, управляющую могущественным пролетарским государством, территория которого составляет одну шестую часть земного шара.

В середине 90-х годов наша партия, в лице Союза Борьбы за освобождение рабочего класса, впервые организует массовую борьбу рабочих на почве их экономических требований. В конце 1900 года партия организует всероссийскую газету «Искра», осветившую для русских рабочих тернистую, но славную дорогу политической борьбы против самодержавия и буржуазии. В 1905 году партия ведет рабочих на первую великую революцию, положившую начало грядущей пролетарской победе в 1917 году. В декабре 1905 года партия стоит во главе московских пролетариев, поднявших то вооруженное восстание угнетенного класса, которое сыграло в истории освободительной борьбы пролетариата не меньшую роль, чем восстание парижских коммунаров 1871 года.

Преданность партии рабочему классу испытывается еще больше во время поражений, чем во время побед. После поражения революции 1905 года в тяжелые мрачные годы контр-революции партия большевиков ни на одну минуту

не отрывается от рабочего класса. Под перекрестным огнем бесчисленных ударов со стороны царского самодержавия и контр-революционной буржуазии партия отстаивает знамя пролетариата и революции. В тяжелой борьбе против меньшевизма, превратившегося к этому времени в открытое предательство рабочего класса и революции, в «ликвидаторство», большевики одни до конца борются за партию. В 1912 году большевики окончательно разрывают всякую связь с меньшевизмом, которая была, как гири, на ногах пролетарского авангарда. «Звезда» и «Правда» воспитывают новое поколение русских рабочих, лучшие представители которых теперь несут всю тяжесть работы. В 1914 г., накануне империалистской войны, петроградские рабочие строят первые после 1905 года баррикады против царского самодержавия, и во главе этого назревающего нового вооруженного восстания опять и опять—партия большевиков. С началом империалистской войны все меньшевики и эсеры за единичными исключениями целиком уходят на сторону буржуазии и зовут рабочих защищать царско-помещичье «отечество» в империалистской бойне. Рабочие депутаты большевики брошены на каторгу. Все разнуздавшееся бешенство обезумевшего самодержавия и шовинистской буржуазии обрушивается бесконечными репрессиями на головы большевиков, которые одни остаются верны пролетарскому Интернационалу и одни во всей России берут на свои плечи борьбу против империалистской войны. В 1917 году наша партия на время оказывается в меньшинстве в рабочем классе, подпавшем под влияние оборончества. Но партия умеет настойчиво разъяснять своему классу то, чего он еще не понял. И как только большинство рабочих России уяснили себе оборонческий обман, как только рассеялся мираж буржуазной демократии и эсеро-меньшевистской «коалиции», партия большевиков ведет рабочий класс России в решающий бой и приводит его к победе над буржуазией.

Советская власть вошла в шестой год своего существования, оставив позади самые тяжелые времена. Упрочить победу оказалось гораздо труднее, чем впервые вырвать ее из рук буржуазии. Кровью своего сердца лучшие рабочие

члены нашей партии сцементировали Красную армию. От первой боевой дружины, бившейся в декабре 1905 года на Красной Пресне, от первого красногвардейского отряда, отражавшего поход эсера Керенского на Питер в 1917 году, и до самых кровопролитных боев Красной армии на Перекопе,—Российская Коммунистическая Партия была в первых рядах. Всегда на самом опасном месте. Всегда в огне событий. Всегда под обстрелом злейшего врага. Вместе с рабочим классом его партия училась *на опыте*, совершая частные ошибки и промахи. Но одной ошибки она не сделала—власти буржуазии она не сдала.

В отсталой, малограмотной стране, которая еще несколько лет тому назад стонала под игом самого дикого помещичьего самодержавия, Российская Коммунистическая Партия сумела поднять глубочайшие слои трудящихся и помочь им учиться управлять государством. В тяжелые 1920—1921 годы, когда трудности и муки первой пролетарской революции, окруженной со всех сторон врагами, достигли своего высшего пункта, партия большевиков сумела бесстрашно выступить против колебаний в среде собственного класса,—колебаний, которые при малейшей слабости авангарда могли превратиться в невиданное еще поражение пролетариата.

Русские рабочие в одном отношении оказались счастливее своих предшественников, французских пролетариев, впервые на короткое время завоевавших власть в 1871 году в Париже. Одной из главнейших причин гибели парижских коммунаров было отсутствие единой сплоченной пролетарской партии с ясной революционной программой и тактикой. Парижским коммунарам *не хватало коммунистической партии*, которая могла бы возглавить подымавшийся на восстание рабочий класс. Русские рабочие создали себе эту партию. Тяжелым опытом выстрадали они себе убеждение в том, что без такой партии невозможно осуществление диктатуры класса.

Основная идея русского революционного марксизма, начатая с 90-х годов, заключается в том, что рабочий класс России должен стать *классом-гегемоном*, главной движ щей силой революции, *классом-руководителем*, который берет

на себя переустройство всей страны и для этого осуществляет свою диктатуру. *Советская власть, рабочая власть—это и есть гегемония рабочего класса в революции, облеченная в плоть и кровь.* Только большевизм защищал до конца и в течение десятилетий пронес через все этапы политической истории России идею гегемонии пролетариата, которую он теперь воплотил в жизнь. Но гегемония пролетариата невозможна без гегемонии коммунистической партии. Диктатура рабочего класса находит себе выражение в диктатуре созданной им и возглавляющей его партии. История РКП есть история русского рабочего класса. И эта история показала, на что способен пролетариат, когда он сумеет создать свою самостоятельную пролетарскую партию, не сворачивающую со своего пути и бесстрашно осуществляющую свою историческую миссию.

Созданная российским пролетариатом коммунистическая партия сумела стать душой и главной силой международного товарищества рабочих — Коммунистического Интернационала. Пример русского пролетариата яркой звездой светит пролетариям всех стран. Российская Коммунистическая Партия неразрывно связала свои судьбы с судьбами рабочего класса России и передовых отрядов пролетариата всего мира. Это связь—не на жизнь, а на смерть. Рабочий России видит теперь правду Российской Коммунистической Партии. Даже те слои беспартийных тружеников, которые в наиболее тяжелую годину пролетарской революции стояли в стороне и недоверчиво смотрели на работу нашей партии, даже они теперь убедились в том, что единственно правильной дорогой была та дорога, по которой шла передовая часть русских рабочих, сорганизованная в Российскую Коммунистическую Партию. Рабочие—с нами. И это есть лучшее доказательство правоты нашей тактики. Рабочие с нами—беспартийные пролетарии смотрят на РКП, как на *свою* партию. Для всего пролетариата России РКП есть «наша» партия. Придет пора, когда подавляющее большинство рабочих будет и *организационно* связано с Российской Коммунистической Партией, когда лишь единичные рабочие не будут членами партии, когда в рабочих кварталах с удивлением будут вспоминать

времена, когда рабочий мог не быть членом своей коммунистической партии. Но уже и сейчас по существу рабочий класс и его РКП едины суть.

Рабочие «старики», вы, помнящие иго царизма, вы, прошедшие через сотни царских тюрем и ссылок, вы, не забывшие расстрелов 9-го января, вы, помнящие декабрьское восстание 1905 года и бойню на Лене, вы, не забывшие, что значило быть безработным при власти буржуазии, вы, вкусившие режима капиталистической каторги,—научите молодое поколение рабочих тому, что *нет задачи выше и нет чести больше, как жить и умереть за партию пролетариата, за Российскую Коммунистическую Партию*, давшую уже нашему рабочему классу первые победы и ведущую его к окончательной победе над буржуазным миром.

Пусть назовут нам другое имя на всем земном шаре, которое столь же близко и дорого миллионам трудящихся всего мира, как имя вождя и учителя *нашей* партии—Владимира Ильича Ленина. Пусть назовут нам другую партию в мире, которая так связана с трудящимися массами своей страны, как *наша* партия.

Долгие упорные годы борьбы над поднятием нашего пролетарского государства, над восстановлением нашего государственного хозяйства, над уничтожением безграмотности и нищеты в нашей стране, над повышением культуры рабочего класса и идущего за ним крестьянства, над созданием действительно социалистического государственного аппарата в социалистическом отечестве—еще впереди. Но мы знаем, мы справимся с этими задачами. Будучи одним из отрядов международной армии труда и следуя заветам великих учителей международного пролетариата Маркса и Энгельса, мы победим.

Рабочие России! Все до единого сплотим ряды вокруг Российской Коммунистической Партии.

Да здравствует рабочий класс России и его передовой авангард—Российская Коммунистическая Партия.

Да здравствует международная коммунистическая партия—Коммунистический Интернационал.

Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Большевики и гегемония пролетариата.

Ст. Г. Зиновьева.

Если бы мы должны были в двух словах выразить суть большевизма, его роль в истории русского революционного движения, назвать главную регулятивную идею большевизма, мы сказали бы: эта идея—*гегемония пролетариата*. Действительный водораздел между революционным марксизмом и народничеством во всех его видах и оттенках, впоследствии разница между двумя течениями внутри так называемого «легального марксизма», между «экономизмом» и искровством, между большевизмом и меньшевизмом, между «правдизмом» и «ликвидаторством»—это вопрос о гегемонии пролетариата. *Здесь* коренное основное расхождение, от которого ведут начало все остальные, а как бы они крупны ни были сами по себе, все же они уже сравнительно второстепенные разногласия. *Здесь* узловой пункт всех разногласий. Вопрос о гегемонии пролетариата—проблема всех проблем.

Нынешняя формула гласит: *демократия или диктатура*. Но и эта формула, в сущности, целиком вытекает из проблемы гегемонии пролетариата и даже прямо является оборотной стороной этой проблемы.

Основоположниками идеи гегемонии пролетариата в русской революции являются Плеханов и Ленин. «Маленькая» разница между Плехановым и Лениным состоит только в том, что Плеханов, ранее Ленина выступивший

на политической арене, первый теоретически провозгласил идею гегемонии пролетариата в русской революции, с тем, чтобы политически *предать эту идею* в наиболее важные моменты политической истории России, между тем как Ленин в течение 30 лет оставался верен этой основной идее, пронес ее через все труднейшие этапы русского освободительного движения и создал партию, воплотившую эту идею в жизнь.

Как известно, на Парижском Международном Конгрессе II Интернационала в 1889 г., Плеханов, являвшийся тогда бесспорным руководителем всех революционных марксистов в России и властителем дум тогдашней марксистской интеллигенции, сказал историческую правду: «Русская революция победит, как революция *рабочего класса*, или не победит вовсе».

Это и была одна из наиболее кратких и лапидарных политических формулировок идеи гегемонии пролетариата. Нынешнему поколению большевиков, нынешней рабочей молодежи фраза Плеханова может показаться простым трюизмом. Кто же из сознательных революционеров не понимает теперь, что только рабочий класс и мог стать главной силой, совершившей победоносную революцию в России? Однако, в конце 80-х годов то, что сказал Плеханов, было открытием не только для международного социализма, но и для русского рабочего движения того времени. Плеханов «открыл» рабочий класс в России так же, как Маркс и Энгельс «открыли» рабочий класс для всех капиталистических стран Европы. В эпоху, предшествующую историческому заявлению Плеханова на Парижском Конгрессе, тогдашняя революционная или, вернее, народническая интеллигенция базировалась на «народ», т.-е. на *крестьянство*. В лучшем случае, рабочий класс существовал для народников только как подсобная сила, как одна из групп населения, которая может тоже пригодиться для победы над самодержавием. В виде величайшей уступки, один из главнейших руководителей «Народной Воли»—Лев Тихомиров, когда он был в зените своей славы и никто не мог подозревать, что он припадет к стопам царского трона,—соглашался с тем, что и рабочий

класс очень важен «для революции». И Плеханову пришлось подробно доказывать, что для того, чтобы формула была верна, ее нужно поставить на голову, т.-е. нужно сказать, что «*революция очень важна для рабочего класса*», а не наоборот.

Плеханов остался верен идее гегемонии пролетариата и в 1903 году; он впервые изменил ей около 1905 года, т.-е. как раз тогда, когда надвигалась первая великая революция, послужившая репетицией для событий 1917 года, и когда идея гегемонии пролетариата впервые должна была выдерживать исторический экзамен, пройти через горнило испытаний настоящей революции.

Дискуссия, которая произошла в связи с выработкой программы на втором съезде нашей партии в 1903 году, заслуживает того, чтобы все сознательные рабочие ознакомились с нею подробнее. Не кто иной, как Плеханов, со свойственным ему тогда блеском и талантом, высмеивал на II съезде фетишистское отношение к принципам «демократии». Длительность парламента, всеобщее избирательное право—все это зависит от обстоятельства. Если данный парламент (а стало быть и Учредительное Собрание) будет враждебен интересам рабочего класса, то мы заинтересованы в том, чтобы срок существования его был покороче и, если можно, разогнать его в два дня, а не терпеть его два года. Теоретически возможен случай, когда победивший пролетариат лишит избирательных прав своих классовых противников. Все это говорил не кто иной, как Плеханов. Уничтожение смертной казни? Ну, а для Николая Кровавого? Неужели она не пригодится? Все зависит от обстоятельств, времени и места. Интересы революции—вот высший закон. Так говорил Плеханов, вызывая шипение со стороны будущих меньшевиков. Часть съезда бурно аплодировала Плеханову, пара делегатов в виде протеста стала шикать: «Если такие речи вызывают одобрение на съезде социал-демократии, то мы обязаны «шикать», — заявили эти делегаты. Среди этих последних был и меньшевистский вождь Розанов, которого в 1920 году советская власть должна была судить за принадлежность к партии помещичьей контр-революции.

В. И. Ленин с достаточной полнотой впервые формулировал идею гегемонии пролетариата в русской революции в 1894 году. Совсем недавно товарищам, работавшим над изданием полного собрания сочинений тов. Ленина, посчастливилось розыскать (в этом величайшая заслуга товарищей) не увидевшую света замечательную работу тов. Ленина от 1894 года, носившую название «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». Эта работа, вероятно, скоро выйдет в свет, и тогда, конечно, каждый мыслящий рабочий изучит ее со всею тщательностью.

Работа эта представляет собой ответ на статьи Н. К. Михайловского и С. Кривенко в народническом «Русском Богатстве» против марксистов, появившиеся в конце 1893 года и в начале 1894 года. Читатель не посетует на следующую пространную выписку из этой замечательной работы В. И., формулирующую с классической ясностью и простотой идею гегемонии пролетариата:

«Рабочий не может не видеть уже, что гнетет его капитал, что вести борьбу приходится с классом буржуазии. И эта борьба его, направленная на достижение ближайших экономических нужд, на улучшение своего материального положения, неизбежно становится войной не против личности, а против класса, того самого класса, который не на одних фабриках и заводах, а *везде и повсюду гнетет и давит трудящегося* (курсив наш. З. Г.). Вот почему фабрично-заводский рабочий является не более, как *передовым представителем всего эксплоатируемого населения* (курсив наш. З. Г.), и для того, чтобы он осуществил свое представительство в организованной, выдержанной борьбе,— требуется простое выяснение его положения, выяснение политико-экономического строя системы, которая гнетет его, выяснение необходимости и неизбежности классового антагонизма при этой системе».

Буржуазия—тот класс, который давит не на одних только фабриках и заводах, а повсюду и везде. Рабочий класс, фабрично-заводский пролетариат,—не более, как передовой представитель всех эксплоатируемых, т.-е.

и неимущих крестьян. Вывод: рабочий класс должен стать во главе всех эксплоатируемых, т.-е. стать гегемоном в освободительной борьбе. В дальнейших словах В. И. дает еще более точное экономическое обоснование идее гегемонии пролетариата. Он пишет:

«Это положение фабрично-заводского рабочего в общей системе капиталистических отношений делает его единственным борцом за освобождение рабочего класса, потому что только высшая стадия развития капитализма, крупная машинная индустрия, создает материальные условия и социальные силы, необходимые для этой борьбы. Во всех остальных местах, при низких формах развития капитализма, нет этих материальных условий: производство раздроблено на тысячи мельчайших хозяйств (не перестающих быть раздробленными хозяйствами при самых уравнительных формах общинного землевладения); эксплоатируемый, большей частью, владеет еще крошечным хозяйством и, таким образом, привязывается к той самой буржуазной системе, против которой должен вести борьбу... Раздробленная единичная мелкая эксплоатация привязывает трудящихся к месту, разобщает их, не дает им возможности уразуметь свою классовую солидарность, не дает возможности объединиться, поняв, что причина угнетения—не та или другая личность, а вся хозяйственная система. Напротив, крупный капитализм неизбежно разрывает всякую связь рабочего со старым обществом, с определенным местом и определенным эксплоататором, объединяет его, заставляет мыслить и ставит в условия, дающие возможность начать организованную борьбу».

И, в заключение, следующий политический аккорд:

«Когда передовые представители его (рабочего класса) усвоят идею научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу,—тогда русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом

всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции [1]).

Ни более, ни менее. Слова, написанные почти 30 лет тому назад, звучат так, как будто бы они написаны сегодня. Обладание марксистской теорией, глубокая преданность рабочему классу и личная гениальность позволили товарищу Ленину сделать 30 лет тому назад заявление, которое стало прямо пророческим:

«Человек будущего в России—мужик, думали представители крестьянского социализма, народники в самом широком значении этого слова. Человек будущего в России—рабочий, думают социал-демократы. Так формулирована была в одной рукописи точка зрения марксистов».

В этом коротком примечании, помещенном небольшой выноской в названной работе В. И., превосходно схвачена суть дела. Чтобы полностью выражать современные взгляды большевиков, чтобы исчерпывающе формулировать идею гегемонии пролетариата, надо было, пожалуй, только видоизменить формулу следующим образом: «Человек будущего в России—рабочий, *ведущий за собой крестьянина*».

Вся история большевизма есть не что иное, как борьба за воплощение в жизнь идеи гегемонии пролетариата. Начиная с «Друзей Народа» (1894 г.), продолжая старой «Искрой» (1900 г.), через «Вперед» и «Пролетарий» (1905—6 г.г.), продолжая «Звездой» и «Правдой» (1911—14 г.г.) и в наши дни большевизм ведет ту же борьбу. И бессменным вождем в этой борьбе является В. И. Ленин. «Корнилов или Ленин»—так озаглавил целый том своей истории вто-

---

[1]) В своих «Друзьях Народа» В. И. Ленин во многом отмежевывается от тогдашнего «марксиста» П. Струве, но все же внешним образом они остаются и в 1894 г. и почти до самого конца 90-х годов—как бы в одном лагере. Два полюса в «едином» лагере так называемого легального марксизма лучше всего характеризуются финальными аккордами, с одной стороны в книге пресловутого П. Струве «Критические заметки» и с другой стороны—в вышеприведенных заключительных словах «Друзей Народа». «Пойдем на выучку к капитализму»—провозглашает Струве. «Поведем русский пролетариат к коммунистической революции»—провозглашает Ленин. Два класса, два мира.

рой русской революции виднейший вождь той партии, которая боролась против гегемонии пролетариата и за гегемонию буржуазии в революции. Мы говорим о П. Н. Милюкове, и он был прав. Нельзя было короче и ярче выразить всю суть 1917 года, решившего судьбу России, как этими тремя словами: «Корнилов или Ленин».

Кто хотел действительно гегемонии пролетариата в революционном движении, т.-е. руководящей роли рабочего класса во время борьбы, тот естественно должен был добиваться диктатуры пролетариата после победы, по окончании борьбы. Меньшевизм не свел концов с концами и в этом отношении. В пору наивысшего подъема движения, во вторую половину 1905 года, под влиянием нарастающих событий, меньшевизм иногда не прочь был на словах признать необходимость гегемонии рабочего класса во время борьбы против самодержавия. Но зато он ни на одну минуту не сомневался в том,—это для него было аксиомой,— что на завтра же после победы рабочий класс должен поднести власть на блюде либеральной буржуазии. Как же! Ведь революция не может быть иной, как буржуазной. Значит, власть должна принадлежать буржуазии, и рабочий класс должен быть доволен уже тем, что ему позволяют обжигать себе пальцы при вытаскивании каштанов из огня для других. Пресловутый меньшевистский пятитомник (меньшевистская история революции 1905 г.), составленный главными столпами меньшевизма после поражения первой революции, придерживался на этот счет вполне определенной «философии истории». Революция 1905 года разбита, потому что рабочие вводили явочным порядком 8-часовой рабочий день и вообще шли дальше того, что было приемлемо для либеральной буржуазии. Да и вся, с позволения сказать, «тактика» меньшевиков в первый период февральской революции 1917 года продиктована все той же философией: все тяжести борьбы на улицах и на баррикадах ты, рабочий, так и быть, можешь взять на себя, но, победив, неси скорее власть в ту же минуту Милюкову и Гучкову. Ибо революция — буржуазная...

Идея гегемонии пролетариата в освободительном движении — родная сестра идеи диктатуры пролетариата

в период, переходный к упразднению всякого государства. Это—душа революционного марксизма, а, стало быть, и большевизма.

Нашей партии выпало на долю практически приступить к воплощению в подлинной жизни этой великой идеи. Значительная часть тяжелого пути пройдена. Тесней сомкнем ряды!

Через все препятствия, через всю пестроту переходного времени, через все переулки и закоулки нэп'а понесем дальше идею гегемонии пролетариата. Ибо пролетариат—единственный класс, который в состоянии покончить с капитализмом и создать социалистический строй.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От автора 5
Первая лекция 7
Вторая лекция 29
Третья лекция 58
Четвертая лекция 87
Пятая лекция 113
Шестая лекция 142

Приложения:

Манифест Р. С.-Д. Р. П. 169
Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. 173
Трудящимся Союза Социалистических Советских Республик 181
Большевики и гегемония пролетариата.—Ст. Г. Зиновьева 187

ЗНАНИЕ
СИЛА